

О Л Е Г Х Л Е В Н Ю К

Сталин

ЖИЗНЬ ОДНОГО ВОЖДЯ

CoRPyS

Олег Хлевнюк

Сталин. Жизнь одного вождя

«Corpus (АСТ)»

2005

Хлевнюк О. В.

Сталин. Жизнь одного вождя / О. В. Хлевнюк — «Corpus (ACT)»,
2005

ISBN 978-5-17-087722-5

Споры о том, насколько велика единоличная роль Сталина в массовых репрессиях против собственного населения, развязанных в 30-е годы прошлого века и получивших название «Большой террор», не стихают уже многие десятилетия. Книга Олега Хлевнюка будет интересна тем, кто пытается найти ответ на этот и другие вопросы: был ли у страны, перепрыгнувшей от монархии к социализму, иной путь? Случайно ли абсолютная власть досталась одному человеку и можно ли было ее ограничить? Какова роль Сталина в поражениях и победах в Великой Отечественной войне? В отличие от авторов, которые пытаются обелить Сталина или ищут легкий путь к сердцу читателя, выбирая пикантные детали, Хлевнюк создает масштабный, подробный и достоверный портрет страны и ее лидера. Ученый с мировым именем, автор опирается только на проверенные источники и на деле доказывает, что факты увлекательнее и красноречивее любого вымысла. Олег Хлевнюк – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный специалист Государственного архива Российской Федерации.

ISBN 978-5-17-087722-5

© ХЛЕВНЮК О. В., 2005

© Corpus (ACT), 2005

Содержание

Введение	7
Места сталинской власти	13
Глава 1	21
Семья Джугашвили	21
Несостоявшийся семинарист	24
Подполье, тюрьмы, ссылки	30
Четыре года в Сибири	37
Опоры сталинской власти	41
Глава 2	48
«Правый» большевик	48
Сталин и революция Ленина	52
Милитаризация партии	57
Генеральный секретарь	66
Ссора с учителем	70
Попытки коллективного руководства	76
Разгром Троцкого и Зиновьева	81
Выбор	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Олег Хлевнюк

Сталин. Жизнь одного вождя. Биография

© О. Хлевнюк, 2015

© А. Бондаренко, художественное оформление, 2015 © ООО «Издательство АСТ», 2015
Издательство CORPUS ®

* * *

Моей жене Кате (1961–2013)

Введение

Эта книга будет неинтересна авторам «Иного Сталина», «Подлых мифов о Сталине», «Сталина Великого», «России за Сталина», «Настольной книги сталиниста», «Убийства Сталина» и прочего, а также их почитателям. Я писал эту книгу для тех, кто (как и я сам) хотели бы понять Сталина и его эпоху, характер и логику действий советского диктатора, оказавшего столь значительное влияние на развитие нашей страны.

Количество публикаций о Сталине и его политике слишком велико. Даже специалисту не стыдно признаться, что он не читал их изрядную часть. В океане мысли и бессмыслицы мирно сосуществуют и почти не пересекаются серьезные, строго документированные исследования и дешевые однодневки, скроенные на скорую руку из анекдотов, слухов и выдуманных сенсаций. Оба лагеря – научная историография и примитивная публицистика – уже давно махнули друг на друга рукой. Лишь изредка кто-нибудь из серьезных ученых публично возмутится очередной фальшивкой. Еще реже современные сталинисты и охотники за «сенсациями» заглядывают в серьезные книги или документы. Читателю все сложнее ориентироваться в мире фальсификаций, «свободных» интерпретаций и фантазий возбужденных умов.

Научные биографии Сталина в своем развитии прошли те же стадии, что и историография советского периода в целом. По политическим причинам в Советском Союзе научной биографии Сталина не было места. Дело ограничилось официозом «Иосиф Сталин. Краткая биография» и формальными справками в энциклопедиях. Западные и советские неформальные историки, по крупицам собирая доступные источники, создали несколько биографий Сталина, ставших теперь классическими¹.

Ситуация не могла не измениться после лавинообразного открытия архивов. Мы оказались буквально погребены под массой новых документов. Потребовалось время, чтобы выбраться из-под этих завалов. Свидетельством относительной историографической стабилизации были в числе прочего новые научные биографии Сталина и другие исследования, посвященные его личности и деятельности, написанные с привлечением архивных материалов².

С открытием архивов связано появление еще одного популярного жанра сталинских биографий. Я назвал бы его архивной публицистикой. Основателем этого жанра есть основания считать известного советского деятеля горбачевской перестройки Д. А. Волкогонова. В какой-то мере его знамя подхватил российский драматург Э. Радзинский³. Методы отбора докумен-

¹ Souvarine B. *Stalin: a Critical Survey of Bolshevism*. New York, 1972; Ulam A. B. *Stalin. The Man and his Era*. New York, 1973; Tucker R. C. *Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality*. New York, 1973; Tucker R. C. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941*. New York, 1990 (книги Р. Такера переведены на русский язык); Medvedev R. *Let History Judge: the Origins and Consequences of Stalinism*. London, 1976 (с начала 1990-х годов многочисленные работы Р. Медведева о Сталине публикуются в России); McNeal R. H. *Stalin: Man and Ruler*. New York, 1988.

² Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* М., 2002; Kun M. *Stalin, An Unknown Portrait*. Budapest, New York, 2003; Service R. *Stalin. A Biography*. London, 2004; Kuromiya H. *Stalin*. Harlow, 2005. О Сталине и сталинской системе власти см.: Хлевнюк О. В. *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. М., 2010; Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. *Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры*. М., 2011. Предпринимаются попытки исследования духовного мира Сталина: Илизаров Б. С. *Тайная жизнь Сталина*. М., 2002; Ree E. van. *The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism*. London, New York, 2002; Курляндский И. А. *Сталин, власть, религия*. М., 2011. Многочисленные работы о терроре и ГУЛАГе дополнились исследованиями о персональном участии Сталина в организации массовых репрессий: Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. *Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг.* М., 2009. В разной степени изучается роль Сталина в принятии внешнеполитических решений. См., например: Печатнов В. О. *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.* М., 2006; Зубок В. М. *Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева*. М., 2011; Робертс Д. *Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны», 1939–1953*. М., 2014. На фоне огромной литературы о Второй мировой войне в целом заметным пробелом остается изучение деятельности Сталина как верховного главнокомандующего.

³ Волкогонов Д. А. *Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина*. Кн. 1–2. М., 1989; Радзинский Э. *Сталин*. М., 1997.

тальных свидетельств и изложения материала имеют в этих книгах ярко выраженный публицистический характер. Особое внимание этих авторов привлекают документы личного происхождения, а не «скучная» статистика и делопроизводство властных структур. В результате характерной чертой таких биографий Сталина является слабое исследование исторического контекста, особое внимание к привлекательным, но второстепенным деталям.

Своего рода «третий путь» наметил в своих работах английский писатель и историк С. Монтефиоре⁴. Он попытался сделать более популярными сухие архивные исследования и преодолеть недостатки архивной публицистики. Полученный результат оказался широко востребованным, прежде всего, у западного читателя.

Количественно в современной России, однако, преобладает жанр псевдонаучной апологии Сталина. Самые разные люди по разным причинам тиражируют мифы о вожде и его эпохе. Авторы таких публикаций отличаются невежеством. Нехватка элементарных знаний замещается агрессивностью суждений, использованием фальшивых «источников» или извращением реальных документов. Сила воздействия этой идеологической атаки на умы читателей умножается трудностями повседневной жизни, коррупцией и возмутительным социальным неравенством в современной России. Не принимая настоящего, люди склонны идеализировать прошлое.

Российские апологеты Сталина уже не осмеливаются (как это было совсем недавно) отрицать массовые репрессии и очевидные провалы сталинской политики, оплаченные большой кровью. Теперь используются более изощренные методы «исправления истории». Виновниками массового террора объявляются советские чиновники (руководители НКВД, секретари региональных партийных комитетов), которые вышли якобы из-под контроля и обманывали Сталина. Выдумки об «ином», потенциально «демократическом» Сталине, ограниченном в своей власти злонамеренными чиновниками, – плод политически ангажированных фантазий; они не подкреплены ни единым документом⁵.

По сути столь же умозрительной и бездоказательной является широко распространенная концепция неизбежного «модернизирующего сталинизма». Формально упоминая о многочисленных жертвах террора и негативных последствиях стратегии скачков, она исходит из представлений о безусловной органичности и безвариантности сталинской модели как метода «модернизации» послереволюционной России. Сталин – выразитель объективной потребности, пешка в игре исторической стихии. Его методы если и достойны сожаления, то необходимы и даже эффективны, поскольку маховик истории всегда смазывается большой кровью. В этих суждениях мы без труда прочитываем укоренившиеся предрассудки российского общественного сознания – об абсолютном приоритете интересов государства и ничтожности личности, о жесткой обусловленности хода истории закономерностями высшего порядка.

Конечно, было бы нелепо отрицать, что и большевизм, и пришедший ему на смену сталинизм были в определенной мере обусловлены «длинными волнами» российской истории. Сильное государство и авторитарные традиции, слабые институты частной собственности и гражданское общество, наконец, колоссальные размеры колонизирующейся державы, позволявшие, в частности, создать огромный «архипелаг ГУЛАГ». Однако абсолютизация этих факторов до масштабов «русского рока» приводит к тупиковой теории «неизбежного Сталина». Ее приверженцы неслучайно избегают размышлений о конкретных фактах и предпочитают тиражировать сталинские схемы советской истории, иногда в новых обертках, а часто и без них. Они яростно отмахиваются от вопросов о цене преобразований и военных побед, о вариантах развития страны и роли личности в советской истории. Доказательная база концепции неизбежности Сталина и сталинизма стремится к нулю. Фактически она основана на

⁴ Монтефиоре С. *Сталин. Двор красного монарха*. М., 2005; Монтефиоре С. *Молодой Сталин*. М., 2014.

⁵ Подробнее см. главу 4 этой книги.

сомнительном постулате «здравого смысла»: все, что происходит, – должно произойти обязательно, иного не дано.

Растворение истории в вязкой и бесформенной исторической необходимости – самый простой и незамысловатый способ представления прошлого. Историк, однако, приходится иметь дело не с простыми схемами и политическими спекуляциями, а с конкретными фактами. Работая с документами, он не может не заметить тесной взаимосвязи и взаимообусловленности объективных и субъективных факторов, типичного и случайного. В условиях диктатуры роль личных пристрастий, предубеждений и одержимости вождя возрастала многократно. И где, как не в биографии Сталина, уместно подумать о сложном переплетении этих проблем.

Вместе с тем биографии представляют собой особый жанр исследований, который легко засушить подробностями исторического контекста, но столь же легко залить до краев пикантным бытописанием. Контекст вне героя и герой вне контекста – вот главные опасности, которые, как мы видим на многих примерах, подстерегают авторов биографий. Эта проблема была одной из самых сложных и для меня. В конечном счете я понял, что не смогу втиснуть в книгу даже упоминания обо всех сколько-нибудь значимых событиях сталинского периода. Восстанавливая исторический контекст, я вынужденно пропускал многие факты и подробности, особенно если они повторяли друг друга. В центре исследования остались те основные процессы и явления, которые наиболее ярко и понятно характеризуют Сталина, его время и связанную с его именем систему. Такое ограничение было тем более уместным, что за последние двадцать лет появилось слишком много новых источников о Сталине и сталинском периоде. О них, хотя бы коротко, нужно сказать отдельно.

Прежде всего, благодаря открытию архивов после распада СССР историки получили возможность изучать документы, происходящие «из первых рук», в то время как прежде они пытались очистить от искажений официальные публикации. Хороший пример – работы и речи самого Сталина. Большинство из них печатались еще при жизни вождя. Однако теперь появилась возможность работать с подлинниками, а значит, судить о том, что и как было сказано на самом деле, какая редакторская правка была внесена в текст. Кроме того, комплекс сталинских выступлений существенно пополнился за счет тех, что ранее вообще не издавались. Среди важнейших документов, отражающих деятельность Сталина, – материалы высших органов власти, которые он возглавлял: протоколы и стенограммы заседаний Политбюро, постановления Государственного комитета обороны в годы войны и т. д. Для понимания личности Сталина и его жизни эти сухие бюрократические документы имеют огромное значение. Их рассмотрение и принятие заполняло значительную часть жизни вождя. С их помощью он осуществлял свою власть. Многие решения носят следы интенсивной сталинской правки.

Конечно, сами по себе постановления лишь отчасти позволяют судить о том, как и почему они были приняты, какими были мотивы и логика действий Сталина. Гораздо большее значение с этой точки зрения имеет переписка Сталина с его коллегами по Политбюро. Она велась нерегулярно, в периоды отпусков Сталина, когда он при помощи писем направлял деятельность соратников, оставшихся в Москве. Наиболее интенсивно такая переписка велась в 1920-е – первой половине 1930-х годов. Одной из причин этого было отсутствие надежной телефонной связи. (Прекрасный пример того, как слабый технический прогресс иногда помогает историкам.) После войны телефонную связь наладили, да и сам Сталин, находясь на вершине своей власти, не нуждался в подробной переписке с подчиненными. Достаточно было коротких, жестких директив. Несмотря на фрагментарность, письма Сталина – важнейший документальный комплекс и интереснейшее чтение. В любом случае они – самое откровенное из документальных свидетельств, оставшихся от Сталина⁶.

⁶ Несколько важнейших коллекций писем опубликованы: *Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг.* / сост. Л. Кошелева, В. Лельчук и др. М., 1995; *Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.* / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис

Много важной информации историки почерпнули из журналов записей посетителей кремлевского кабинета Сталина⁷. В них фиксировались фамилии посетителей, время их входа и выхода из кабинета. Журналы посещений позволяют изучать порядок повседневной работы Сталина. Их сопоставление с другими источниками (протоколами заседаний Политбюро, мемуарами и т. д.) раскрывает важные обстоятельства принятия различных решений. Однако, как и в случае с перепиской, эти журналы отражают только часть (хотя и значительную часть) деятельности Сталина. Дело в том, что, помимо кремлевского кабинета, Сталин периодически работал в кабинете в здании ЦК партии на Старой площади, принимал посетителей в своей квартире в Кремле, а также на многочисленных дачах под Москвой и на юге. Пока мы знаем, что в архивах службы государственной охраны сохранились (хотя и недоступны исследователям) записи посетителей кремлевской квартиры Сталина⁸. Информация о ведении аналогичных журналов в кабинете в ЦК и на дачах отсутствует.

Журналы регистрации посещений вели службы секретарей и охраны Сталина. Есть основания полагать, что для своих внутренних потребностей охрана могла регистрировать также ежедневные передвижения Сталина, вести отчеты о дежурствах охранников и т. д. Не нужно объяснять, какую ценность такой материал мог бы представлять для биографов Сталина. Однако мы не имеем достоверных свидетельств о его существовании.

Переписка Сталина, а также журналы посетителей кремлевского кабинета сохранились в личном архиве Сталина. Он формировался под руководством самого Сталина, видимо, не в последнюю очередь «для истории». Многие документы в этом архиве имеют сталинские пометы: «мой архив», «личный архив». Важным дополнением к личному архиву является коллекция материалов о Сталине, изъятых из разных архивных хранилищ. Коллекция, в том числе часть книг из библиотеки Сталина с его пометами, была сосредоточена в Центральном партийном архиве. В совокупности личный архив Сталина и коллекция сталинских документов составляют сегодня единый комплекс – фонд Сталина в Российском государственном архиве социально-политической истории (бывший Центральный партийный архив)⁹. Этот фонд является ключевым источником наших знаний о вожде и широко используется историками.

Несмотря на важность фонда Сталина, этот комплекс материалов имеет существенные дефекты. Очевидно, что документы для личного архива Сталина отбирались чрезвычайно тенденциозно. В результате сам личный архив очень невелик – менее 2 тыс. дел. Случайный характер имеет также коллекция сталинских материалов, собиравшихся в Центральном партийном архиве. В общем, фонд Сталина лишь в некоторой степени отражает повседневную жизнь и деятельность вождя. Главный недостаток этого фонда – отсутствие материалов, поступавших непосредственно на стол Сталина, ежедневно попадавших в поле его зрения. Это не позволяет с необходимой полнотой оценить уровень информированности Сталина, его представления о том или ином вопросе, а значит – логику его действий. Важно отметить, что такие документы не утрачены, по крайней мере – не полностью утрачены. Значительная часть документов, с которыми работал Сталин, находятся в Архиве Президента России (бывший архив Политбюро) в составе так называемых тематических папок¹⁰. При подготовке книги мне удалось воспользоваться только некоторыми из них. Пока Архив Президента закрыт для систематического изу-

и др. М., 2001.

⁷ *На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.)* / под ред. А. А. Чернобаева. М., 2008.

⁸ Девятов С. В. и др. *Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны*. М., 2010. С. 113–114.

⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1–11. Описание 11 составляет личный архив Сталина, переведенный в РГАСПИ из Архива Президента Российской Федерации (АПРФ, бывшего архива Политбюро).

¹⁰ Тематические папки – систематизированные по темам комплексы документов, поступавших в Политбюро и Сталину, – составляют основу исторической части Архива Президента России.

чения историками. Однако само его наличие вселяет надежды. Рано или поздно, как показывает история России, архивы открывают свои двери.

Наиболее привлекательным источником для биографий являются, конечно, дневники и мемуары. Они содержат яркие характеристики и описания, которые трудно найти в сухих бюрократических архивных документах. Из них легче всего скомпоновать интересную, насыщенную подробностями работу. Однако слабости мемуарной литературы также давно известны историкам. Мемуаристы редко бывают достаточно откровенными, нередко путают события и даты или попросту лгут. В отношении мемуаров по советской истории все эти пороки умножаются.

Из членов ближнего круга Сталина подробные воспоминания оставили только двое – Хрущев и Микоян¹¹. Это очень важные и ценные книги, хотя оба деятеля многое недоговаривали. Какие-то сюжеты (например, о своем участии в массовых репрессиях) Хрущев и Микоян сознательно замалчивали. Однако многого они действительно не знали в силу объективных причин. В сталинском окружении существовало жесткое правило: каждый получал ту информацию, которая касалась его непосредственных обязанностей. Важно отметить также, что опубликованные мемуары Микояна были в некоторых частях искажены его сыном, готовившим рукопись к изданию. Он произвольно, без принятых в таких случаях оговорок, включал в подлинный текст диктовок свои дополнения и исправления, якобы основанные на более поздних рассказах отца¹².

Другие мемуары принадлежат перу советских и зарубежных руководителей и общественных деятелей, которые сравнительно редко или вообще эпизодически сталкивались со Сталиным и запомнили немного. Многие воспоминания (например, советских маршалов) публиковались еще в советское время и подвергались цензуре, в том числе самоцензуре.

Особое направление составляют свидетельства детей и родственников Сталина и других советских лидеров. Почин, как известно, положила дочь Сталина Светлана, бежавшая в США в 1960-е годы¹³. Ее воспоминания я бы назвал одними из самых честных. Светлана написала о том, что видела и чувствовала сама. Информация, полученная из третьих рук, касается семьи и не претендует на раскрытие «тайн» высокой политики. После падения СССР заговорили многие другие родственники и дети. Свобода поощряла естественное желание высказаться. Публикация мемуаров и интервью приносили прибыль и «славу». Некоторые дети, внуки и внучатые племянники почувствовали себя борцами за поруганную честь семьи или даже важными общественными деятелями. Однако мало кому из них хватило такта и рассудительности, присущих Светлане Аллилуевой. Эта «детская литература», как удачно назвала ее российский историк Елена Зубкова¹⁴, была действительно детской. Многие родственники Сталина и сталинских соратников придумывали сказки и небылицы, смешивая элементы личных впечатлений и фантазии. Наивные высказывания об истории и политике свидетельствовали о том, что дети и внуки плохо представляли себе, чем занимались их отцы и деды. Ничего удивительного в этом нет. Деятели сталинской эпохи были особенно озабочены соблюдением строжайшей секретности, жили под постоянным присмотром и опасались прослушиваний и провокаций. Откровенные разговоры в семьях были слишком опасны, а поэтому исключены.

¹¹ Хрущев Н. С. *Время. Люди. Власть*. В 4 кн. М., 1999; Микоян А. И. *Так было. Размышления о минувшем*. М., 1999.

¹² В рецензии, опубликованной вскоре после выхода мемуаров Микояна, М. Элман выразил проницательные предположения о вмешательстве в текст мемуаров редактора (*Slavic Review*. 2001. 60 (1). P. 141). В ответном письме сын Микояна Серго категорически заявил: «Я не «корректировал» рассказы отца» (*Slavic Review*. 2001. 60 (4). P. 917). Эта расплывчатая формула имела важный подтекст. Серго Микоян не стал утверждать, что не вмешивался в рукопись диктовок, оставляя за собой право заявить, что он дополнял диктовки устными рассказами отца, которые «не корректировал». Очевидно, однако, что такие дополнения публикатор обязан оговаривать, еще лучше – помещать в примечания.

¹³ Аллилуева С. *Двадцать писем к другу*. Нью-Йорк, 1967.

¹⁴ Зубкова Е. Ю. *О «детской» литературе и других проблемах нашей исторической памяти // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. М., 1996. С. 155–178.

В своей книге я осторожно использовал мемуары несмотря на то, что многие из них содержат яркие описания и сцены, способные вызвать интерес читателя. Руководствуясь элементарными правилами критики источника, я старался сравнить мемуарные свидетельства с другими, преимущественно архивными материалами. Точное описание фактов позволяло надеяться на добросовестность мемуариста в целом. Многочисленные ошибки и явные выдумки ставили воспоминания под сомнение. В результате ряд мемуаров попал в мой личный «черный список», который я никому не навязываю, но которого придерживаюсь в своей работе.

Что же следует из этого чрезвычайно краткого обзора источников к биографии Сталина? Положение историка, задумавшего написать биографию Сталина (например, мое положение), можно назвать относительно благоприятным. Масса архивных документов и свидетельств, которые постоянно пополняются, открывают новые возможности для длительной и напряженной работы. Значительные лакуны в документальных комплексах, отсутствие или недоступность многих материалов вызывают чувство досады, но не мешают исследовательскому процессу критическим образом. Историки готовы писать новые биографии Сталина, потому что существенно обновились наши представления о нем и его эпохе, потому что в архивах открылись многочисленные документы.

И наконец, последнее пояснение к этой книге. Ее жанр и способ изложения материала во многом диктовались размерами. Это сравнительно небольшая работа, поэтому в ней не стоит искать исчерпывающей полноты и обилия подробностей. Вынужденно сокращен научно-справочный аппарат. Предпочтение отдавалось ссылкам на цитаты, цифры и факты. Далеко не все достойные работы моих коллег упомянуты в сносках. Я приношу им извинения за это. Подобные самоограничения вызывают у меня двойственные чувства. Мне жаль многих ярких фактов и цитат, с которыми пришлось расстаться. С другой стороны, я рад за читателя. Поскольку сам являюсь читателем и с тоской смотрю на многочисленные толстые тома, которые хотелось бы, но не суждено прочесть.

Помимо сравнительно скромных размеров, удобному чтению, возможно, будет способствовать структура книги. Во всяком случае, я стремился к этому. Два взаимосвязанных пласта биографии Сталина – последовательные события жизни и общие характеристики его личности и политического режима – с трудом соединялись в хронологическую череду разделов и параграфов. И тогда возникла идея двух текстов, своеобразной матрешки. Один текст исследует личность и систему власти Сталина на фоне последних дней его жизни. Другой – привычно хронологически следует за основными этапами биографии вождя. Благодаря этому книгу, кажется, можно читать двумя способами. Довериться автору и следовать установленному им порядку или прибегнуть к раздельному ознакомлению с каждой из структурных цепочек. Я старался сделать так, чтобы оба метода были одинаково удобными.

Места сталинской власти Ночь и утро 1 марта 1953 г. Ближняя дача Последний ужин «пятерки»

В субботу 28 февраля 1953 г. Сталин пригласил в Кремль четырех своих соратников – Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина¹⁵. В последние полгода жизни вождя эти четыре человека вместе с самим Сталиным составляли так называемую руководящую группу, «пятерку». «Пятерка» регулярно встречалась у Сталина. Другие старые его друзья: Молотов, Микоян, Ворошилов¹⁶ – находились в опале. Сталин не хотел их видеть.

¹⁵ *Маленков Георгий Максимилианович* (1902–1988) – партийный бюрократ, долгие годы работавший в аппарате ЦК партии. Был выдвинут Сталиным в высшие эшелоны власти в конце 1930-х годов на волне массовых репрессий. В последние годы жизни Сталина занимал важные посты его заместителя в правительстве и Секретариате ЦК партии. После смерти Сталина был назначен на пост председателя советского правительства, что позволяло рассматривать его как неформального преемника Сталина. Однако Маленков проиграл борьбу за высшую власть Хрущеву. Был отправлен в отставку, занимал низкие должности, а остаток своей жизни провел на пенсии. Судьба Маленкова и других соперников Хрущева была следствием демократизации СССР. При Сталине опальные политики, как правило, уничтожались физически. *Берия Лаврентий Павлович* (1899–1953) – начинал карьеру в органах госбезопасности, пользовался расположением Сталина, который назначил его руководителем Грузии, а в 1938 г. перевел в Москву на должность наркома внутренних дел СССР. Берии было поручено провести аресты в НКВД и обеспечить выход из Большого террора 1937–1938 гг. Благодаря энергии и преданности Берия занял место в ближайшем окружении Сталина. Он был его заместителем в правительстве, курировал советский «атомный проект» и другие важные подразделения советской системы, включая ГУЛАГ. После смерти Сталина Берия сосредоточил в своих руках руководство всеми карательными органами. Это встревожило других советских лидеров. Берия был арестован, обвинен в многочисленных преступлениях и расстрелян. Это стало одним из важных источников легенды об особом влиянии Берии на Сталина и о том, что массовые репрессии были делом его рук. На самом деле Берия являлся исполнителем сталинских приказов и не играл заметной самостоятельной роли в осуществлении террора. *Хрущев Никита Сергеевич* (1894–1971) – выходец с Украины, учился в Москве в Промышленной академии, где познакомился с женой Сталина Надеждой Аллилуевой. Это дало первый толчок карьере Хрущева в Московском комитете партии. В конце 1930-х годов в связи с массовыми репрессиями перед Хрущевым открылись новые карьерные горизонты. Он был назначен руководителем важнейшей советской республики – Украины, а после войны – московской партийной организации. Опираясь на партийный аппарат, после смерти Сталина Хрущев сумел оттеснить от власти других лидеров и занял позицию нового советского вождя. Однако Хрущев не уподобился Сталину. Более того, он провел некоторые демократические реформы, известные как хрущевская «оттепель», придавшие новый импульс развитию советской системы. Ошибки, допущенные Хрущевым, привели к организации заговора против него. В конце 1964 г. он был вполне легально лишен должности, но не жизни. На пенсии Хрущев диктовал свои широко известные мемуары. *Булганин Николай Александрович* (1895–1975) – как и многие другие, выдвигенец Большого террора 1930-х годов, в результате которого в советском аппарате возникло много вакансий. В конце войны в противовес военным Сталин назначил гражданского чиновника Булганина на высокие должности в Наркомате обороны, а после войны даже военным министром. Судя по многим отзывам, Булганин был невыразительным функционером, который следовал указаниям вождя. После смерти Сталина Булганин некоторое время занимал пост председателя правительства, сменив опального Маленкова. Сделав неправильный выбор, Булганин выступил на стороне противников Хрущева и был отправлен на пенсию.

¹⁶ *Молотов Вячеслав Михайлович* (1890–1986) – один из ближайших соратников Сталина с дореволюционных времен. Безусловно поддержав Сталина в борьбе за власть, Молотов был его правой рукой. В 1930–1941 гг. занимал пост председателя СНК СССР, а с 1941 г., после того как Сталин сам возглавил советское правительство, Молотов стал его заместителем. Долгие годы возглавлял Министерство иностранных дел. В стране и партии Молотов воспринимался как наследник Сталина. По этой причине в конце своей жизни Сталин начал притеснять Молотова и фактически изгнал его из руководящей группы. Через несколько лет после смерти Сталина Молотов, неодобрительно относившийся к реформам Хрущева, возглавил оппозицию Хрущеву. Проиграв в решающем столкновении в 1957 г., был отправлен на второстепенные должности, а затем на пенсию. *Микоян Анастас Иванович* (1895–1978) – один из закавказских руководителей, благодаря Сталину сделавший блестящую карьеру в Москве. В течение нескольких десятилетий Микоян руководил советской торговлей, продовольственными делами и производством товаров широкого потребления. В конце 1952 г. Микоян вместе с Молотовым был подвергнут опале. После смерти Сталина Микоян восстановил свои позиции и стал одним из верных соратников Хрущева. Микоян сыграл важную роль в урегулировании ракетного кризиса между СССР и США в 1962 г. После снятия Хрущева начался закат политической карьеры Микояна. Микояна считают образцом советского политического долгожительства, нередко объясняя это особой политической гибкостью. *Ворошилов Климент Ефремович* (1881–1969) – один из ближайших соратников Сталина в период гражданской войны, в середине 1920-х годов был выдвинут на пост руководителя Красной армии. Поскольку Ворошилов явно не справлялся с этими обязанностями, накануне войны Сталин был вынужден отстранить его от должности военного наркома. Во время и после войны Ворошилов формально оставался в числе советских вождей, однако фактически выполнял второсте-

Формирование узких руководящих групп, в которые входили избранные вождем соратники, было обычным методом сталинского руководства. Сталин имел обыкновение называть их именами числительными по количеству человек, образовавших группу: «пятерка», «шестерка», «семерка», «восьмерка», «девятка». Руководящие группы во главе со Сталиным фактически были высшим органом власти в СССР. Формальные партийные и государственные структуры отвечали за повседневное рутинное управление страной, действуя в сравнительно узких, predeterminedных сверху рамках. В отличие от руководящей группы, они работали как регулярные бюрократические инстанции. Разделение формальных и неформальных институтов позволяло диктатору использовать возможности огромной растекающейся бюрократической машины и при этом не выпускать из рук ключевые рычаги высшей власти. Избегая малейших процедурных трудностей, Сталин определял и менял состав руководящей группы, назначал удобные для себя времена и места ее заседаний и «дружеских» встреч. Иными словами, он непосредственно и каждодневно контролировал центральный узел власти при помощи патриархальных методов управления личным «политическим хозяйством». Й. Горлицкий назвал такое смешение регулярных бюрократических институтов и патримониальной власти диктатора неопатримониальным государством¹⁷.

Организованная подобным образом система высшей власти не могла существовать без перманентной угрозы репрессий, обеспечивающей политическую лояльность чиновников и особый военно-мобилизационный стиль работы аппарата. Твердо контролируя советские органы госбезопасности, Сталин в любой момент мог арестовать или расстрелять кого угодно. Многочисленные примеры таких расправ даже над членами высшего руководства и их родственниками приводятся далее в этой книге. Еще одной характерной чертой сталинской диктатуры было неограниченное правилами и формальными институтами первенство Сталина в принятии решений. Непосредственное общение с диктатором являлось самым быстрым и эффективным способом достижения личных и ведомственных целей. Однако такое общение предполагало допуск в места сталинской власти, которые для многочисленных советских чиновников и членов высшего руководства приобретали особый, можно сказать, сакральный характер. Места сталинской власти имели свою иерархию, свой круг посвященных. Они были неотъемлемым компонентом личности, и диктатуры Сталина.

Официальным символом власти советского правительства и самого Сталина выступал московский Кремль. О Кремле знали все, но лишь немногие бывали в кремлевском кабинете вождя. Это большое помещение, обшитое высокими дубовыми панелями, разбивалось на две зоны – рабочий стол Сталина и длинный стол для заседаний. Из предметов интерьера были примечательны напольные часы, на которые Сталин имел привычку смотреть, сверяя точность прибытия вызванного, а также гипсовая посмертная маска Ленина на особой подставке под стеклом. На стенах – портреты Ленина и Маркса. Во время войны к ним присоединили портреты русских полководцев Суворова и Кутузова. Кабинет отражал консервативные привычки хозяина и почти не менялся. Когда во время войны в связи с налетами немецкой авиации потребовалось вырыть бомбоубежище в Кремле, в нем построили копию сталинского кабинета: та же мебель, те же картины, те же гардины на несуществующих окнах. Правда, площадь этого кабинета была значительно меньше оригинала¹⁸. Через кремлевский кабинет Сталина за тридцать лет прошло около 3 тыс. человек¹⁹. Хотя чаще всего в кабинете бывали ближайшие соратники Сталина, в число посетителей входили и руководители министерств, предпри-

пенные обязанности. После смерти Сталина Ворошилов поддержал Молотова и других советских лидеров, выступивших в 1957 г. против Хрущева. Вскоре он был отправлен в отставку.

¹⁷ Gorlizki Y. *Ordinary Stalinism: The Council of Ministers and the Soviet Neo-patrimonial State, 1945–1953* // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 4. P. 699–736.

¹⁸ Симонов К. *Глазами человека моего поколения*. М., 1989. С. 433. Интервью адмирала И. С. Исакова.

¹⁹ *На приеме у Сталина*. С. 7.

ятий, ученые, деятели культуры, руководители органов госбезопасности, военные, иностранные гости и т. д. Это было самое доступное из мест сталинской власти.

Однако вечером 28 февраля 1953 г. Булганин, Берия, Маленков и Хрущев, приглашенные Сталиным в Кремль, в кремлевский кабинет не попали. Сталин отвел их сразу в кинотеатр, место власти для избранных и самых близких. Это был небольшой кинозал на 20 мест размером 7,5 на 17 метров, оборудованный в 1934 г. в помещении бывшего зимнего сада русских царей. До этого советские вожди смотрели кино или вне Кремля в здании управления кинематографии, или в Кремле в маленьком помещении для просмотра немых фильмов²⁰. Сталин любил кинопросмотры в окружении соратников. Постепенно они превратились в обязательный ритуал. О том, как проходили такие встречи в новом кинозале в 1934–1936 гг., свидетельствует уникальный источник – подробные записи руководителя советского кинематографического ведомства Б. З. Шумяцкого²¹. Он привозил Сталину и его коллегам фильмы и по ходу просмотра выслушивал их замечания и указания. Записи Шумяцкого позволяют понять и даже почувствовать атмосферу и правила поведения в тесном кругу зрителей кремлевского кинотеатра.

Просмотры, как правило, начинались поздно вечером и захватывали часть ночи. Сталин сидел в кресле в первом ряду. Вокруг него располагались другие члены высшего руководства. Фильмы и кинохроника активно комментировались по мере просмотра и после него. Первое слово принадлежало Сталину. Он давал указания как о содержании просмотренных кинолент, так и по общим вопросам развития советской киноиндустрии и идеологической политики. Иногда в зал приглашались авторы просмотренных фильмов. Это была высшая форма поощрения. Сталин поздравлял режиссеров с удачной работой и давал «советы», как улучшить фильм. Документы Шумяцкого не вызывают сомнений в том, что встречи в кремлевском кинотеатре были не просто формой отдыха советских вождей, но одновременно неформальными заседаниями высшего органа власти по вопросам идеологической и культурной политики. Нельзя исключить, что до и после просмотра кинофильмов Сталин обсуждал с соратниками и другие государственные вопросы.

Записи Шумяцкого обрываются в начале 1937 г. Несомненно, это было как-то связано с усилением террора в стране. Самого Шумяцкого арестовали в начале 1938 г. и расстреляли. Кинопросмотры Сталина продолжались, но мы почти ничего о них не знаем. Похоже, что к концу жизни вождя кремлевский кинозал превратился в место отдыха и неформальных заседаний узкой руководящей группы. Последнее такое заседание «пятерки» и состоялось в субботу 28 февраля 1953 г.

После киносеанса по устоявшейся привычке Сталин пригласил соратников на дачу поужинать. До дачи в Вольинском, прилегавшем к столице пригороде, было рукой подать. Поэтому ее называли ближней. Местами власти Сталина периодически становились многие особняки-дачи и в Москве, и на юге, где он проводил ежегодные длительные отпуска. Однако ближнюю дачу Сталин любил особенно. Это было одно из главных мест его жизни и власти.

Первый дом для Сталина был здесь построен в 1933 г. Переезд был составной частью больших изменений в личной и политической жизни Сталина в то время. Страшный голод начала 1930-х годов, охвативший страну в результате политики коллективизации, совпал с трагедией в сталинской семье. В ноябре 1932 г. покончила самоубийством жена Сталина Н. С. Аллилуева²². Порывая с прошлым, Сталин начинал новую жизнь на новом месте.

²⁰ *Московский Кремль – цитадель России*. М., 2009. С. 310–313.

²¹ Записи после ареста Шумяцкого были переданы Сталину и остались в его личном архиве. Они опубликованы в книге: *Кремлевский кинотеатр. 1928–1953* / сост. К. М. Андерсон, Л. В. Максименков и др. М., 2005. С. 919–1053.

²² *Аллилуева Надежда Сергеевна* (1901–1932) – родилась в семье рабочего-революционера, давнишнего знакомого Сталина. В 1919 г. вышла замуж за Сталина. Работала в секретариате Ленина в редакции одного из московских журналов, затем училась в Промышленной академии. Подробнее см. раздел о семье Сталина в этой книге.

Ближнюю дачу неоднократно перестраивали при активном участии хозяина. Получившийся в результате огромный дом представлял собой странную смесь казенности и помпезности²³. Все комнаты, похожие друг на друга, были, по словам дочери Сталина Светланы, «безликими»²⁴. Вторым этажом, куда был проведен лифт, пользовались редко. Любимой комнатой Сталина, по крайней мере в последние годы жизни, была так называемая малая столовая на первом этаже. В этом просторном помещении площадью 76 кв. метров располагались прямоугольный стол длиной в три метра, диван, буфет, кресла, столик с телефонами, камин. Рядом с камином стояли охотничьи ружья и висел бинокль. На полу – большой ковер. Из комнаты были выходы на стеклянную веранду и террасу. По свидетельству Светланы, Сталин в этой комнате спал и работал. Большой стол был завален бумагами и книгами. На краю стола, если не было гостей, Сталин ел. В буфете с посудой он хранил лекарства. Любил сидеть у камина. В камине же по его приказанию жарили шашлыки. В этой комнате Сталин принимал посетителей. Здесь с ним случился роковой удар, приведший к смерти.

Сталинскую дачу окружал большой парк в два десятка гектаров. Сталин лично занимался благоустройством парка и организацией дачного хозяйства. По его плану была организована теплица для citrusовых. Под руководством Сталина на даче разбили виноградник, выращивали арбузы, разводили рыбу в пруду. Часть урожая арбузов по распоряжению Сталина даже посылали в магазины Москвы. В сталинском поместье были лошади, коровы, куры, утки, небольшая пасека. По свидетельству работников охраны, Сталин много и внимательно занимался этим большим хозяйством, вникая в мельчайшие детали. Сохранились сотни распоряжений Сталина, записанных начальником хозяйственной части дачи подполковником П. В. Лозгачевым:

7 апреля 1950 года: а) арбузы и дыни в коробки сажать с 10 мая, б) подрезкой заниматься среди июля арбузов и дынь плетей [...] 20 апреля: [...] Елки разрядить по дорожке от кухни к пруду [...] Кукурузу сажать через полметра у главного дома и между яблонь по пруду, ближе к беседке. Там же сажать бобы [...] По краям огородов сажать баклажаны, кукурузу, помидоры и т. д.

Подобные распоряжения, по свидетельству Лозгачева, давались практически ежедневно²⁵. По существу, Сталин был хозяином небольшой усадьбы, управление которой он предпочитал вести сам, не полагаясь только на помощников. Этот стиль патриархального управления Сталин в определенной мере распространял и на свое «большое хозяйство» – Советский Союз. Он лично контролировал и распределял государственные ресурсы и резервы, занося важнейшие сведения в особую книжечку²⁶. Он вникал в детали сценариев кинофильмов, архитектурных проектов, конструкций военной техники. Прокладывая дорожки на своей даче, Сталин не забывал и об улицах Москвы: «Говорят, что площадь на Арбате (где раньше была церковь перед Кино) еще не покрыта брусчаткой (или асфальтом). Это позор. Одна из самых бойких площадей и вся в дырах! Нажмите и заставьте покончить с площадью»²⁷.

Результатом сталинских архитектурных распоряжений был также центр общественной жизни сталинской дачи – большой зал площадью 155 кв. м. Такое внушительное помещение

²³ Здесь и далее информация о даче Сталина почерпнута из изданий: *1953 год. Между прошлым и будущим*. Каталог выставки. М., 2003; Девятов С., Шефов А., Юрьев Ю. *Ближняя дача Сталина. Опыт исторического путеводителя*. М., 2011.

²⁴ Аллилуева С. *Двадцать писем к другу*. М., 1990. С. 20.

²⁵ Девятов С., Шефов А., Юрьев Ю. *Ближняя дача Сталина*. С. 287. Свидетельства Лозгачева, видимо, относятся к послевоенному периоду. Однако известно, что Сталин был неравнодушен к ведению дачного хозяйства и в более ранние годы.

²⁶ О существовании такой сталинской записной книжки рассказывал Л. М. Каганович (Чув Ф. И. *Каганович. Шепилов*. М., 2001. С. 137).

²⁷ *Сталин и Каганович. Переписка*. С. 117. Письмо Кагановичу от 24 сентября 1931 г.

образовалось в результате соединения кабинета и полукруглой пристройки на месте одной из веранд. В центре зала находился длинный 7-метровый стол, стоявший на ковре размером 12 на 6 метров. (Площадь ковра, между прочим, равнялась площади квартиры, в которой в 1953 г. проживали 16 среднестатистических горожан, поскольку средняя норма жилья в советских городах составляла 4,5 кв. метра на человека.) Вдоль стен стояли кресла и диваны. Периодически сам Сталин работал в большом зале у стола или на диванах и креслах. Однако главным образом зал служил местом встреч и регулярных застолий.

Судя по воспоминаниям очевидцев, застолья у Сталина проходили по определенному устоявшемуся порядку. Прислуга гостей не обслуживала. Блюда выставлялись на стол. Каждый брал что хотел и садился с тарелкой за свободную часть стола. Обильный прием пищи затягивался на много часов и заканчивался глубокой ночью или под утро. Застолья сопровождались употреблением спиртных напитков. С возрастом Сталин пил умеренно. Однако он любил подпаивать приглашенных и наблюдать за их поведением. Для этого изобретались разные поводы. Один за другим следовали тосты и здравицы, за которые невозможно было не выпить «до дна». Уклонявшихся «штрафовали» дополнительной порцией спиртного «за обман общества»²⁸. М. Джилас, посетивший ужин на сталинской даче в январе 1948 г., запомнил питейную процедуру: «Каждый сказал, сколько сейчас градусов ниже нуля, и потом, в виде штрафа, выпил [...] столько стопок водки, на сколько градусов он ошибся [...] Берия, помню, ошибся на три и добавил, что это он нарочно, чтобы получить побольше водки»²⁹.

Спиртное делало свое дело. «Обстановка на таких ужинах была непринужденной, рассказывались анекдоты, нередко даже сальные, под громкий смех присутствующих»³⁰. Помимо разговоров и шуток, в ходу были и другие, «культурные» развлечения. Иногда пели революционные и народные песни. Сталин, по воспоминаниям, подтягивал тихим тенором³¹. Жданов³² веселил кампанию неприличными частушками. «Эти песенки, – сокрушался потом Хрущев, – можно было петь только у Сталина, потому что нигде в другом месте повторить их было нельзя»³³. Некоторое время в большом зале стоял рояль. Говорят, на нем играл Жданов. Что играл и насколько хорошо, неизвестно. После смерти Жданова в 1948 г. рояль по приказу Сталина вынесли в соседнюю комнату. Чаще использовалась радиола, на которой Сталин один или вместе с гостями слушал пластинки – народные песни, классическую музыку. Коллекция пластинок была внушительной – около 2700. Под пластинки иногда устраивали танцы. Лучшим танцором, по свидетельству Хрущева, считался Микоян. Каждый танцевал как мог. «Сталин тоже передвигал ногами и расставлял руки»³⁴.

Сталинские застолья выполняли важные функции. Они были местом обсуждения и решения различных государственных вопросов. Мнительный Сталин использовал регулярные ужины как метод контроля над соратниками и получения информации. Наконец, в жизни Сталина такие встречи играли важную социальную функцию. Они скрашивали его одиночество, служили одним из немногих доступных развлечений. «Сталину в одиночку некуда было девать себя», – писал Хрущев³⁵. Действительно, все больше отходя от рутинных государственных

²⁸ Вопросы истории. 1990. № 8. С. 73. Здесь и далее цитируются воспоминания Н. С. Хрущева по журнальной публикации.

²⁹ Джилас М. *Лицо тоталитаризма*. М., 1992. С. 108.

³⁰ Исторический архив. 1997. № 3. С. 117. Воспоминания венгерского лидера М. Ракоши.

³¹ *1953 год. Между прошлым и будущим*. С. 75.

³² *Жданов Андрей Александрович* (1896–1948) – вступил в партию большевиков до революции, после революции занимал различные должности в провинции. Был выдвинут Сталиным в Москву в 1934 г., получив пост секретаря ЦК ВКП(б). После убийства Кирова назначен руководителем Ленинграда. Вплоть до смерти оставался одним из ближайших соратников Сталина и пользовался его особым расположением. Сын Жданова некоторое время был мужем дочери Сталина.

³³ Вопросы истории. 1990. № 4. С. 62.

³⁴ Там же. 1991. № 12. С. 55.

³⁵ Вопросы истории. 1992. № 1. С. 53.

дел в последние месяцы жизни, вождь заполнял свой досуг самым причудливым образом. Во время прогулок заключал своеобразные пари с охранниками о температуре воздуха: «Сотрудник называл какую-то цифру. Другой сотрудник... называл иную цифру. Затем Сталин называл свою цифру и просил проверить, кто из них ближе к истине. Термометр висел на стене дачи, и сотрудник шел туда, смотрел показания градусника, возвращался и называл точную цифру». Соревнуясь в точности глазомера, охранники и Сталин предлагали свои варианты расстояний между деревьями, а затем измеряли их рулеткой. Вскоре по всему дачному участку были развешены термометры, а охранников вооружили рулетками³⁶.

Неудивительно, что застолья с коллегами имели для Сталина особую ценность и смысл, особенно в последний период жизни. «Мы же ездили к Сталину очень часто, почти каждый вечер», – вспоминал об этом времени Хрущев. Случалось даже так, что Сталин вызывал едва успевших уехать соратников повторно и только после напоминания, что встреча состоялась совсем недавно, отменял распоряжение³⁷. Регулярные визиты к сильно постаревшему и неуравновешенному Сталину были нелегким испытанием. «[...] Мы должны были работать на своих постах [...] а кроме того, участвовать в сталинских вечерах в качестве театральных персонажей и развлекать его. Тяжелое для нас было время», – писал Хрущев³⁸. Несомненно, однако, что соратники не роптали, прилежно отбывая трапезную повинность как неперемное условие принадлежности к высшему руководящему кругу.

В общем, последняя встреча в ночь на 1 марта не отличалась ничем особенным. Собравшись в узком кругу, Сталин и его гости вряд ли танцевали или пели песни. Ужин, как обычно, завершился под утро (пять или шесть часов утра называет Хрущев, о подаче машин гостям в пятом часу вспоминали опрошенные охранники). Завершился благополучно – по словам Хрущева, «Сталин был навеселе, в очень хорошем расположении духа». Он проводил гостей в вестибюль. «[...] Много шутил, замахнулся, вроде бы пальцем, и ткнул меня в живот, назвав Микитой. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой. Мы тоже уехали в хорошем настроении, потому что ничего плохого за обедом не случилось [...]»³⁹. Д. А. Волкогонов утверждает, что Сталин был раздражен и угрожал соратникам. Однако источники своей информации он не называет⁴⁰.

Не доверять свидетельствам Хрущева о мирном завершении последней встречи «пятерки» у нас нет оснований. Хотя предположения Волкогонова также не выглядят фантастическими. Сталин в один вечер мог и наградить соратников своим благорасположением, и угрожать им. Как будет неоднократно показано в этой книге, сочетанием кнута и пряника (хотя преимущественно кнутом) Сталин в течение почти двух десятилетий держал в узде не только соратников, но и многие миллионы граждан СССР, а затем стран социалистического лагеря.

За 74 года жизни советский диктатор прошел длинный и бурный путь борьбы за власть и превратился в важный фактор российской и мировой истории. Скорее дополняя, чем отрицая друг друга, историки исследуют Сталина как продукт различных исторических предпосылок и доктрин. Они находят в Сталине и в его режиме черты традиционной российской авторитарности и империализма, влияние революционной европейской традиции и ленинского большевизма⁴¹. Идеологические предубеждения играли в жизни и деятельности Сталина действительно немалую, часто определяющую роль⁴². Однако советский вождь не следовал доктринам

³⁶ Исторический вестник. *Жизнь в тени вождей*. Т. 5. М., 2013. С. 118–119. Воспоминания Н. П. Новикова, заместителя начальника управления правительственной охраны в июле 1952 – марте 1953 г.

³⁷ Исторический вестник. *Жизнь в тени вождей*. С. 124. Воспоминания Н. П. Новикова.

³⁸ Вопросы истории. 1992. № 1. С. 53.

³⁹ Там же. 1992. № 2–3. С. 91.

⁴⁰ Волкогонов Д. А. *Триумф и трагедия*. Кн. 2. Ч. 2. С. 192–193.

⁴¹ См. подробнее Ree E. van. *The Political Thought of Joseph Stalin*.

⁴² Объяснения Сталина и его политики преимущественно воздействием идеологических факторов имеет давнюю и непре-

слепо. Несмотря на изрядный догматизм, Сталин приспособливал революционные теории к интересам собственной диктатуры и нового великодержавия. Немалую роль в выборе политического пути играли и личные качества Сталина. Он был жесток. Из всех методов разрешения политических, социальных и экономических противоречий предпочитал насилие, причем неограниченное. Как и другие диктаторы, был упрям и негибок. Любые уступки и компромиссы Сталин рассматривал как угрозу незыблемости своей власти. На реформы, всегда ограниченные и непоследовательные, он соглашался лишь тогда, когда социально-экономические кризисы приобретали особую остроту, угрожавшую стабильности системы.

Основой сталинских представлений о мире был крайний антикапитализм. Он был тотальным: Сталин не принимал даже тех относительных компромиссов, на которые соглашался Ленин, вводя новую экономическую политику. Скрепя сердце, Сталин допускал действие в советской системе ряда капиталистических экономических регуляторов – денег, предельно усеченных товарно-рыночных отношений, личных материальных интересов. Погубив миллионы людей в голодные годы, Сталин согласился закрепить за крестьянами их крошечные личные хозяйства. Однако до конца своей жизни он верил, что эти вынужденные уступки будут вскоре преодолены, что социалистическая экономика неизбежно превратится в огромный безденежный комбинат, где все будут работать по указаниям государства и получать взамен те натуральные блага, которые государство, и только оно, посчитает нужным им выделить.

«Береги дочку: государству нужны люди», – написал Сталин дочери Светлане по случаю рождения своей внучки⁴³. Эта явно неуместная для поздравления молодой мамы фраза выражала суть Сталина. Созданное большевиками государство в его миропонимании являлось абсолютom. Государству и его высшему воплощению – партии – во главе с вождем полностью и беспрекословно подчинялось все сущее. Интересы личности имели право на жизнь лишь постольку, поскольку служили интересам государства. Государство имело непререкаемое право требовать от человека любой жертвы, вплоть до его жизни. Государство не было ограничено в своих действиях и никогда не ошибалось, поскольку было носителем высшей истины исторического прогресса. Вера в великую миссию была моральным оправданием любых действий режима. Ошибки и преступления с легкостью превращались в историческую необходимость-неизбежность, в лучшем случае – в трудности роста.

Основным методом принуждения к государственности и подавления личного и общественного выступала так называемая классовая борьба, война с внутренними и внешними «врагами». Сталин был выдающимся теоретиком и практиком этой концепции. По мере успешного продвижения социализма классовая борьба будет только обостряться, утверждал он. Это положение стало краеугольным камнем его диктатуры. Как способ интерпретации действительности теория классовой борьбы выступала мощным пропагандистским орудием. Происками «врагов» объясняли все политические и экономические провалы, тяготы жизни и военные неудачи. Как форма государственного террора классовая борьба придавала насилию размах и жестокость, присущие гражданской войне.

Марксистские и большевистско-ленинские догматы в сознании и действиях Сталина вполне мирно уживались с великодержавием и империализмом. В ноябре 1937 г. Сталин заявил соратникам:

Русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело – сколотили огромное государство – до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики,

рывающуюся традицию в историографии. См., например, одну из последних работ, написанных в русле этой парадигмы: Gellately R. *Stalin's Curse. Battling for Communism in War and Cold War*. New York, 2013.

⁴³ Аллилуева С. *Двадцать писем к другу*. С. 151. Письмо Сталина от 10 мая 1950 г.

сплотили и укрепили это государство, как единое неделимое государство [...] на пользу трудящихся [...]»⁴⁴.

Эти откровения Сталина были тем более показательны, что он сделал их за праздничным столом в честь 20-й годовщины Октябрьской революции большевиков, главного революционного праздника страны. На международной арене, изменив лишь идеологический фасад, Сталин действовал как наследник русских царей, расширявших империю. Посол США в СССР А. Гарриман, встречавший накануне Потсдамской конференции 1945 г. советскую делегацию на вокзале в Берлине, спросил Сталина, приятно ли ему приехать в столицу поверженного врага победителем. Сталин ответил: «Царь Александр до Парижа дошел»⁴⁵. Вскоре, однако, Сталин превзошел царей. Советская империя расширила сферы своего влияния на огромные пространства Европы и Азии, превратилась в одну из двух мировых сверхдержав.

Думал ли Сталин об этих триумфах, когда от него в последний раз в жизни уехали гости-соратники? Или вспоминал о том, с чего все начиналось? О детстве, о молодости, о революции? Жизнь Сталина, как и жизнь других революционеров, вполне очевидно разделялась на две части: до и после революции. Более того, на большевистскую революцию 1917 г. пришлось не только смысловая, но и временная половина жизни Сталина – 39 лет, двадцать из которых он шел к революции.

⁴⁴ Димитров Г. *Дневник*. София, 1997. С. 128.

⁴⁵ Бережков В. М. *Рядом со Сталиным*. М., 1999. С. 371. Бережков был переводчиком Сталина.

Глава 1

До революции

Семья Джугашвили

По официальной советской версии, Сталин родился в 1879 г. На самом деле он был на год старше. Сам Сталин, конечно, знал, где и когда он родился. Произошло это в маленьком грузинском городке Гори, на далекой окраине огромной Российской империи. Сохранившаяся в личном архиве Сталина метрическая книга горийской церкви зафиксировала точную дату его рождения: 6 декабря 1878 г. Эта же дата фигурировала в других документах, например – в свидетельстве об окончании Горького духовного училища. В 1920 г. в одной из анкет Сталин лично проставил год своего рождения – 1878-й. Однако вскоре в анкетах, заполняемых сталинскими помощниками, появился 1879 г. Утвердившись у власти, Сталин широко отпраздновал свое пятидесятилетие 21 декабря 1929 г. Именно эта дата вошла во все энциклопедии и справочники. Перепутанным оказался, таким образом, не только год, но и день рождения – 9 декабря по старому стилю вместо 6 декабря. Лишь в 1990 г. историки обратили внимание на эти искажения⁴⁶. Однако объяснить их причину пока не смогли. Очевидно одно: в 1920-е годы Сталин решил стать на год «моложе». И стал.

Разные легенды окружают происхождение Сталина. Падкие на сенсации публицисты объявляют Иосифа Джугашвили незаконнорожденным ребенком то зажиточного купца, то фабриканта, то князя, а то и самого императора Александра III, которому во время его приезда в Тифлис якобы прислуживала молодая грузинка, мать Иосифа. Реальные документальные свидетельства гораздо прозаичнее. Иосиф Джугашвили появился на свет в простой грузинской семье. Его мать Екатерина (Кеке) Геладзе родилась в 1856 г. в семье крепостных крестьян. После отмены крепостного права в 1864 г. вместе со своей семьей она переехала в город Гори. Здесь в 18-летнем возрасте ее выдали замуж за сапожника Виссариона (Бесо) Джугашвили. Он был на шесть лет старше Екатерины. Иосиф (Сосо) был третьим ребенком, родившимся в семье. Первые двое умерли в младенчестве⁴⁷.

Документов о детстве и юности Сталина сохранилось немного. Основным источником наших знаний являются воспоминания, написанные уже после того, как Сталин взобрался на вершину власти. Невооруженным взглядом заметно, что мемуаристы писали не о мальчике и юноше Иосифе Джугашвили, а о детстве и юности вождя и диктатора Иосифа Сталина. Такая aberrация лишь усугубила обычные недостатки мемуаров – их преувеличения и умолчания. В зависимости от ситуации и политических пристрастий мемуаристы подчеркивали то добродетели и лидерские качества Иосифа, то его изначальную жестокость и комплексы. Однако попытки найти в ребенке Иосифе Джугашвили черты будущего диктатора, как убедительно показал известный биограф Сталина Р. Суни, вызывают большие сомнения.

Широко распространено мнение о том, что Иосиф Джугашвили пережил тяжелое детство, наложившее неизгладимый отпечаток на его психику. Грубое обращение и побои отца

⁴⁶ Спирин Л. М. *Когда родился Сталин: поправки к официальной биографии* // Известия. 1990. 25 июня; Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 132–134.

⁴⁷ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* М., 2002. С. 88–89. Книга Островского была первой фундаментальной биографией молодого Сталина, основанной на новых документах из московских и грузинских архивов. Затем появились другие работы: Kun M. *Stalin, An Unknown Portrait*; Montefiore S. *Young Stalin*; Suny R. G. *Stalin and the Russian Revolutionary Movement* (готовится к печати). В последние годы были опубликованы короткие воспоминания матери Сталина, которые были записаны с ее слов в 1930-е годы, а затем помещены в архив (Джугашвили Е. *Мой сын Иосиф Сталин*. М., 2013). В дальнейшем изложении истории жизни молодого Сталина я в разной степени использовал эти книги.

пьяницы, нужда якобы озлобила мальчика, сделали его жестоким и мстительным. Однако разве у нас нет оснований утверждать обратное? По многим параметрам детство Сталина было достаточно обычным и даже благополучным. Его отец, судя по отдельным свидетельствам, был не только хорошим мастером, но умел читать по-грузински и самостоятельно овладел на разговорном уровне несколькими языками, включая русский. Мать также получила некоторое домашнее образование – умела читать и писать по-грузински. Поскольку грамотность населения Грузии была невысокой, это, несомненно, выделяло семью Джугашвили из окружавшей ее среды. Виссарион Джугашвили в первые годы семейной жизни достаточно успешно занимался своим ремеслом. Семья жила вполне обеспеченно⁴⁸.

Позже, когда Виссарион начал злоупотреблять спиртным, а потом и вовсе бросил жену и ребенка, заботу о сыне взяла на себя Екатерина. Она отличалась твердым характером и трудолюбием. Начав со случайных заработков, со временем Кеке освоила ремесло портнихи. Единственный ребенок в семье (очень важное обстоятельство!), Сосо, в отличие от многих своих сверстников, мог учиться и не должен был работать. Об этом, кстати, бесхитростно напомнил Сталину один из его горийских приятелей, приславших в 1950 г. письмо с просьбой о встрече на старости лет. «Когда Вы в 1894 г. окончили духовную школу, я в то время окончил Горийское городское училище. Вас в том же году приняли в Тбилисскую духовную семинарию, я же не смог продолжать учебу, т. к. отец имел 8 детей, мы нуждались и ему помогали [...]», – говорилось в письме⁴⁹. Мать создала все условия для учебы Иосифа. Она мечтала, чтобы сын поднялся по социальной лестнице, стал священником, и упорно воплощала эту мечту в жизнь. Такие стремления никак не вяжутся с представлениями о беспросветно тяжелом детстве и нищете.

Несомненно, в семье были скандалы, а пьяный Виссарион распускал руки. Несомненно, доставалось и Сосо, причем, судя по всему, и от отца, и от матери. Однако, как справедливо отмечают исследователи, сохранившиеся противоречивые свидетельства не позволяют судить о том, отклонялось ли это насилие в семье Джугашвили от распространенных тогда «норм» и насколько серьезно оно воздействовало на мировосприятие Сосо⁵⁰. Похоже, что детство и отрочество Иосифа были вполне типичны для той среды, из которой он происходил, – бедных, но не нищих ремесленников и мелких торговцев маленького городка на окраине империи. В этом мире привычно сосуществовали грубые нравы и традиции взаимопомощи, периоды относительного материального благополучия и трудные времена. Дети рано познавали как суровость и даже жестокость, так и любовь и заботу. В жизни Сосо Джугашвили все это присутствовало во вполне благоприятных пропорциях. Грубость отца компенсировалась строгостью и безграничной любовью матери. Материальные затруднения в семье Джугашвили, совпавшие с учебой Сосо, помогали разрешить знакомые и родственники. В духовном училище, а затем при поступлении в духовную семинарию Иосиф получал помощь от государства, пользовался ходатайствами сочувствующих покровителей. Несмотря на бедность, Екатерина и ее сын были своими в маленьком сообществе своего городка.

Сам Сталин в одном из интервью много лет спустя заявил: «Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо»⁵¹. Возможно, конечно, что он кривил душой, отгоняя от себя дурные воспоминания детства. Неизвестно, как Сталин относился к отцу, который рано умер. Однако мать Сталин, судя по всему, действительно любил. «Здравствуй, мама – моя! Как живешь, как твое самочувствие? Давно от тебя нет писем, – видимо, обижена на меня, но что делать, ей-богу очень занят»; «Маме – моей – привет! При-

⁴⁸ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 86–88, 93, 99.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 878. Л. 73.

⁵⁰ Suny R. G. *Beyond Psychohistory: The Young Stalin in Georgia* // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 52.

⁵¹ Сталин И. В. *Сочинения*. Т. 13. М., 1951. С. 113. Беседа с немецким писателем Э. Людвигом 13 декабря 1931 г.

сылаю тебе шаль, жакетку и лекарства. Лекарства сперва покажи врачу, а потом прими их, потому что дозировку лекарства должен определять врач», – писал Сталин матери уже в зрелые годы⁵². Несмотря на головокружительный взлет сына, Кеке осталась в Грузии. До смерти она жила в почете и благополучии. Правда, на похороны матери в 1937 г. Сталин не поехал. В этот год Большого террора, как будет показано дальше, он вообще никуда из Москвы не выезжал. Сохранилась надпись для венка, сделанная Сталиным на грузинском и русском языках: «Дорогой и любимой матери от сына Иосифа Джугашвили (от Сталина)»⁵³.

Матери Сталин был действительно обязан многим. Она тяжело работала, чтобы сын не испытывал крайней нужды и мог учиться. Она выхаживала его во время многочисленных болезней. Перенесенная в детстве оспа навсегда оставила на лице Сталина рубцы. В результате несчастного случая он серьезно повредил левую руку. Лечение, скорее всего, было малоквалифицированным. Суставы на всю жизнь остались атрофированными, рука плохо действовала. Нетрудно представить, что чувствовала в моменты болезни единственного выжившего ребенка Екатерина, с какой энергией и любовью ухаживала за ним⁵⁴.

Последствия болезней и травм дополнялись врожденным дефектом – двумя сросшимися пальцами на ноге. Вряд ли многочисленные физические недостатки оставались незамеченными в жестоком мальчишеском мире. Однако Сосо явно не превратился в изгоя, что было вполне возможно. Насмешникам противостоял сильный характер и живой ум. Мальчик на равных участвовал во всех обычных для того времени играх своих сверстников. У него была отличная память. Это качество всегда вызывает уважение окружающих. Не похоже, что тяжелое детство посеяло в Иосифе Джугашвили те семена жестокости, которые дали столь ужасные всходы в характере Иосифа Сталина. Не похоже, что детство сделало из него даже бунтаря.

⁵² Мурин Ю. Г. (сост.). *Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива*. М., 1993. С. 6–19.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1549. Л. 83.

⁵⁴ Рассказы о многочисленных болезнях маленького Сосо, которые порой угрожали фатальным исходом, составляют важнейшую часть воспоминаний матери Сталина (Джугашвили Е. *Мой сын Иосиф Сталин*).

Несостоявшийся семинарист

Интеллектуальные способности маленького Иосифа были заметны не только матери, горячо стремившейся вытолкнуть сына из того социального круга, который был предписан ему по рождению. Когда пришло время отправлять Сосо в школу, Екатерина смогла получить поддержку доброжелателей, уверенных, что мальчик действительно должен учиться. Причем не просто учиться, но приобрести достаточно престижное положение, стать священником. Этими благодетелями была семья священника Х. Чарквиани, в доме которого семья Джугашвили снимала комнату. Они помогли Сосо поступить в Горийское духовное училище. Прежде всего, дети Чарквиани обучили Сосо русскому языку, на котором велось преподавание в училище. Эти занятия оказались вполне успешными, что позволило Сосо поступить сразу же в старший подготовительный класс училища. Несомненно, это был важнейший момент в жизни будущего вождя: десятилетний грузинский мальчик сделал важный шаг на пути в огромный русскоязычный мир.

В подготовительном классе Горийского училища и в самом училище Сосо провел почти шесть лет, с 1888 по 1894 г. На это время пришлись кардинальные перемены в семье Джугашвили. После многих скандалов Виссарион Джугашвили окончательно уехал из Гори, отказав жене и сыну в какой-либо поддержке. Учеба, за которую нужно было платить, оказалась под ударом. Однако Екатерине вновь удалось найти помощь, чему, несомненно, способствовали успехи Сосо. Как примерный ученик, он даже получил стипендию. Екатерина делала все возможное, чтобы сын чувствовал себя не хуже других. Он был всегда аккуратно и по погоде одет. Судя по многочисленным воспоминаниям, Сосо в училище отличался трудолюбием и старательностью: «не было случая, чтобы он пропустил урок или опоздал». Он пользовался репутацией хорошего чтеца молитв и певчего в церковном хоре, ладил с учителями. Учитель русского языка, неслучайно получивший прозвище «жандарм», сделал Сосо своим помощником, отвечавшим за выдачу книг⁵⁵. Много десятилетий спустя, в 1949 г., бывший преподаватель Горийского училища С. В. Малиновский без всякого страха напомнил о себе бывшему ученику. «На старости лет я горжусь тем, что и мой скромный труд участвовал в Вашем образовании», – писал он. Жалуясь на тяжелое материальное положение, Малиновский просил о назначении персональной пенсии, «чтобы на склоне моих дней иметь самое необходимое и умереть в счастливом сознании того, что мой Великий Ученик не оставил меня в нужде»⁵⁶. Известно, что письмо было доложено лично Сталину, хотя последовала ли помощь, из документов не ясно.

В мае 1894 г. Иосиф Джугашвили закончил училище. Выданное свидетельство фиксировало как те дисциплины, которые он изучал, так и уровень их освоения. При отличном поведении юноша получил следующие оценки: по священной истории, православному катехизису, изъяснению богослужения с церковным уставом – «отлично», по русскому с церковнославянским и грузинскому языкам – «отлично», по греческому – «очень хорошо», по арифметике – «очень хорошо», по географии, чистописанию и церковному пению – «отлично». Показав неоспоримые успехи, Иосиф был рекомендован для поступления в духовную семинарию⁵⁷. Несмотря на очевидную односторонность образования, Сосо в Горийском училище многому научился, пристрастился к книгам, получил хорошие познания в русском языке. Судя по воспоминаниям, в училище Иосиф проявил себя как активный юноша с претензиями на лидерство. Очевидные способности и репутация одного из первых учеников служили опорой для

⁵⁵ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 96–97, 102–104.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 876. Л. 12.

⁵⁷ Там же. Оп. 4. Д. 4. Л. 1; Д. 5. Л. 1.

самоутверждения. Заметно, что эти годы Сталин вовсе не стремился вычеркнуть из памяти, как это нередко бывает с трудными периодами жизни. Многие десятилетия спустя он помнил о школьных друзьях и даже оказывал им помощь. В архиве сохранились некоторые свидетельства такого рода. В мае 1944 г. 65-летний Сталин написал: «1) Моему другу Пете – 40 000, 2) 30 000 рублей Грише, 3) 30 000 рублей Дзерадзе»; «Гриша! Прими от меня небольшой подарок [...] Твой Сосо»⁵⁸. Написанные по-грузински, эти распоряжения очень похожи на ностальгический порыв пожилого человека, который мысленно возвращается в светлое и радостное отрочество.

Запутанны и смутны немногочисленные свидетельства мемуаристов о бунтарском поведении Иосифа Джугашвили и его разрыве с религией уже во время учебы в Горийском училище. Л. Д. Троцкий⁵⁹, взявший на себя труд одного из первых (и неизбежно пристрастных) биографов Сталина, вполне убедительно утверждал, что мемуаристы явно смещали события, приписывая горийскому периоду то, что произошло позже⁶⁰. Лучший аргумент в пользу законопослушности и примерности Сосо-школьника – его отличное свидетельство об окончании училища и рекомендации для продолжения учебы.

В сентябре 1894 г., после завершения летних каникул и успешной сдачи вступительных экзаменов, молодой Джугашвили был зачислен в Тифлисскую духовную семинарию. Судьба вновь не обидела Екатерину и ее сына. В семинарию более охотно принимали выходцев из духовенства, а за учебу нужно было платить. Однако и на этот раз способности Иосифа, а также ходатайства знакомых и родственников были приняты во внимание. В семинарию Иосиф был зачислен с правом бесплатного проживания и пользования столовой. Платить нужно было за учебу и одежду⁶¹. Воспринимал ли честолюбивый подросток все это как унижительные подачки «бедному родственнику»? Возможно. Но столь же возможно, что казенные стипендии рассматривались как приз, признание заслуг и успехов.

В тифлисской семинарии Сталин провел более четырех с половиной лет, с осени 1894 по май 1899 г. Переезд в большой город и приспособление к новым порядкам, несомненно, требовали определенного напряжения. Однако в семинарию Иосиф попал не один, а в составе группы друзей и знакомых, выпускников Горийского училища. Это облегчало адаптацию. Скорее всего, учеба давалась Иосифу сравнительно легко. Первый и второй классы он закончил вполне успешно, занимая 8-е место по успеваемости в первом классе и 5-е – во втором. Отличные оценки он получал также за поведение⁶².

Однако, как выяснилось, за внешним благополучием скрывалось растущее недовольство и бунтарство. Источники не позволяют понять, как и в какой момент Сосо перестал быть законопослушным образцовым учеником. Хорошо известны два свидетельства о невыносимых условиях жизни в семинарии. Первое принадлежит самому Сталину. В декабре 1931 г. в интервью немецкому писателю Э. Людвигу он заявил, что в революцию его толкнула духовная семинария:

Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов,
которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно

⁵⁸ Волкогонов Д. А. *Триумф и трагедия*. Кн. 1. Ч. 1. С. 40–41.

⁵⁹ *Троцкий Лев Давидович (1879–1940)* – воспринимался в мире и в стране как второй, после Ленина, вождь большевистской революции. Его звездным часом была гражданская война, в ходе которой он руководил победоносной Красной армией. После завершения войны и особенно смерти Ленина Троцкий включился в борьбу за власть и влияние, вспыхнувшую между советскими вождями. Проиграв, в 1927 г. он был отправлен в ссылку за границу. В эмиграции активно занимался политической деятельностью, обличая своего главного противника Сталина. По приказу Сталина был убит в 1940 г. в Мексике агентом советских спецслужб.

⁶⁰ Троцкий Л. Д. *Сталин*. Т. 1. Venson, 1985. С. 32–33.

⁶¹ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 108–111.

⁶² Там же. С. 124–125. Подробнее см. Эдельман О. В. *Семинарист Джугашвили (1894–1899)* // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XIV. М., 2013. С. 170–193.

стал революционером, сторонником марксизма [...] Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики⁶³.

С этими утверждениями перекликается другое широко цитируемое свидетельство соученика Сталина:

Нас ввели в четырехэтажный дом, в огромные комнаты общежития, в которых размещалось по 20–30 человек [...] Жизнь в духовной семинарии протекала однообразно и монотонно. Вставали мы в семь часов утра. Сначала нас заставляли молиться, потом мы пили чай, после звонка шли в класс [...] Занятия продолжались с перерывами до двух часов дня. В три часа – обед. В пять часов вечера – переключка, после которой выходить на улицу запрещалось. Мы чувствовали себя как в каменном мешке. Нас снова водили на вечернюю молитву, в восемь часов пили чай, затем расходились по классам готовить уроки, а в десять часов – по койкам, спать⁶⁴.

Постоянная слежка, обыски, доносы и наказания дополняли эту картину. Жесткий казарменный режим вряд ли скрашивало даже наличие выходного дня. Тем более что и в воскресенье семинаристы были обязаны посещать богослужения. Круг дисциплин, которые изучались в семинарии, по сравнению с училищем несколько расширился. Помимо Священного писания, церковного пения, русской словесности, греческого и грузинского языков, преподавались библейская и гражданская история, математика. Однако интеллектуальный мир семинарии был ограничен и догматичен. Сурово наказывалось чтение светской литературы. Грубая русификация, оскорблявшая национальные чувства семинаристов-грузин, довершала дело. Атмосфера семинарии была всегда пронизана протестными настроениями. Примерно за год до поступления Иосифа Джугашвили в семинарию в ней вспыхнула забастовка. Семинаристы прекратили занятия и требовали положить конец произволу, уволить ряд преподавателей. Власти закрыли семинарию и отчислили большую группу студентов.

Решительное подавление смуты, несомненно, способствовало тому, что в период учебы Джугашвили в семинарии уже не было открытых коллективных акций протеста. Недовольство находило выход в подпольной деятельности, в индивидуальном или групповом инакомыслии. Каждый проходил этот путь по-своему. Иосиф Джугашвили поначалу вдохновлялся примером литературных героев, борцов за справедливость. Известно его увлечение романтической грузинской литературой. В романе А. Казбеги «Отцеубийца» Иосиф нашел один из первых идеалов и примеров для подражания. Это был образ бесстрашного и благородного разбойника-мстителя Кобы, боровшегося с русскими поработителями и грузинской знатью⁶⁵. Имя Коба стало первым псевдонимом будущего вождя. Он чрезвычайно дорожил им, позволяя наиболее близким соратникам называть себя Кобой до последних дней жизни.

Увлечение романтическим бунтарством, окрашенным в цвета грузинского национализма, закономерно привело молодого Сталина к поэтическим опытам. После окончания первого класса семинарии Иосиф принес свои стихотворения в редакцию одной из грузинских газет. В июне – декабре 1895 г. пять стихотворений были опубликованы. Летом следующего года одно стихотворение напечатали в другой газете. Стихи, написанные на грузинском языке, воспевали служение родине и народу. Когда Сталин превратился в вождя, его стихотворные

⁶³ Сталин И. В. *Соч.* Т. 13. С. 113–114.

⁶⁴ Каминский В., Верещагин И. *Детство и юность вождя: документы, записки, рассказы* // Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 65.

⁶⁵ Такер Р. *Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность.* М., 1990. С. 82–85.

опыты были переведены на русский язык⁶⁶. Однако в собрание сочинений Сталина они не попали. Несомненно, Сталин понимал, что с образом революционера не вязались наивные и невыдающиеся строки:

Жаворонок в облаках высоких
Пел звонко-звонко.
И соловей радостный говорил это:
«Расцвети, край прелестный,
Ликуй, страна грузин.
И ты, грузин, ученьем
Обрадуй родину».

Хотя такие стихи «не украшали» Сталина-диктатора, они, видимо, свидетельствовали о благородных помыслах Джугашвили-семинариста. Следуя примеру демократической интеллигенции, он вдохновлялся идеями служения родине и народу. Эти смутные стремления в третьем классе семинарии получили практический выход. Иосиф вступил в нелегальный общеобразовательный кружок семинаристов и, судя по всему, выдвинулся в нем на первые роли. Члены кружка читали и обсуждали вполне легальные книги, которые, однако, были запрещены в семинарии. В кондуитном журнале семинарии было зафиксировано, что в конце 1896 и начале 1897 г. семинарист Джугашвили был уличен в чтении запрещенных книг, в том числе романов Виктора Гюго⁶⁷. Неудивительно, что со времени вступления в кружок, с третьего класса, Иосиф стал все хуже учиться и все чаще нарушать режим.

Постепенно инакомыслие Иосифа Джугашвили становилось более радикальным. Он перестал писать стихи и все больше интересовался политикой. Участия в кружке семинаристов было уже недостаточно. Жажда «настоящего дела» привела Иосифа в революционное движение. Он увлекся марксизмом и начал посещать нелегальные собрания железнодорожных рабочих. Согласно официальной биографии, в августе 1898 г., еще находясь в семинарии, Иосиф Джугашвили вступил в социал-демократическую организацию, работал пропагандистом в немногочисленных рабочих кружках. Знакомство Джугашвили с марксизмом не могло быть глубоким. Однако очевидно, что это учение увлекло его. Для молодого семинариста универсальные, почти религиозные марксистские построения имели особое значение. Они заполняли ту брешь в осознании мира, которая возникла, скорее всего, в результате разочарования в религии. Вера в исторические закономерности и неизбежное наступление высшего этапа в развитии человечества наполняла особым смыслом участие в революционной борьбе. Впрочем, увлечение марксизмом вряд ли особенным образом характеризует молодого Джугашвили. Марксизм был широко распространенной политической доктриной. В него верили (и верят до сих пор) многие и очень разные люди.

Несомненное влияние на Иосифа Джугашвили оказывали старшие товарищи, революционеры и бунтари, высланные в Тифлис из других регионов страны. Среди них чаще всего называют Ладо Кецховели. После исключения из Тифлисской духовной семинарии Кецховели поступил в Киевскую духовную семинарию, но там попал под следствие за хранение нелегальной литературы. Благодаря амнистии в связи с коронацией царя Николая II, Кецховели избежал наказания, уехал в Тифлис, а затем в Баку. Убежденный сторонник революции, Кецховели вел активную подпольную работу, организовал нелегальную типографию. В 1903 г. он был застрелен часовым в тюрьме. Согласно революционной легенде – за то, что выкрикивал в окно

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 600. Л. 1–7; Ф. 71. Оп. 10. Д. 266. Л. 7–11.

⁶⁷ Там же. Оп. 4. Д. 32. Л. 1–2.

камеры революционные лозунги. Очевидно, что встречи с такими людьми не могли пройти бесследно для молодого Иосифа Джугашвили⁶⁸.

Поведение Иосифа в семинарии в его последний 1898/1899 учебный год было очевидным подтверждением решительного разрыва с прежней жизнью. Казалось, что наружу выплеснулись чувства протеста, которые накапливались в течение первых лет учебы. Кондуитный журнал семинарии сохранил летопись бунтарства Джугашвили. В сентябре его уличили в чтении товарищам выписок из запрещенных книг. В октябре трижды отправляли в карцер за отсутствие на молитве, плохое поведение во время литургии и опоздание из отпуска. Выговоры перемежались с помещением в карцер за различные проступки в последующие месяцы⁶⁹.

Серьезный конфликт с администрацией произошел в январе 1899 г. Иосиф на месяц был лишен права выхода в город. А. Островский связывает это наказание с инцидентом, известным по воспоминаниям одного из соучеников Джугашвили, опубликованным в 1939 г.⁷⁰ Согласно этим мемуарам, инспектор семинарии обыскал комнату Иосифа и обнаружил запрещенные книги. Тогда один из семинаристов, Келбакиани, набросился на инспектора и выбил книги из его рук. Вместе с Джугашвили они собрали книги и бросились бежать⁷¹. Эти широко известные воспоминания вызывают, однако, большие сомнения. Прежде всего, в кондуитном журнале семинарии за 1899 г. проступок Келбакиани описывался совершенно иначе⁷². Во время осмотра вещей самого Келбакиани, говорилось в журнале, у него была изъята тетрадь с выписками из запрещенной литературы. Келбакиани выхватил тетрадь из рук инспектора и выбросил ее в туалет. О конфликте было тут же доложено ректору семинарии. Келбакиани заключили на несколько часов в карцер.

Как говорилось в кондуитном журнале, «Келбакиани обнаружил сильное раскаяние». Он признал вину и просил о снисхождении. О каком-либо участии Иосифа Джугашвили в этом конфликте в журнале не упоминается. В январе 1899 г. Джугашвили на месяц был лишен права выхода в город, а Келбакиани исключен из семинарии⁷³. Несоразмерность наказаний может свидетельствовать о том, что Иосиф получил взыскание за какой-то другой проступок или за косвенное участие в инциденте с тетрадью.

Некоторый свет на суть событий проливает письмо Келбакиани Сталину в июне 1951 г.:

Товарищ Сосо! Если бы Вы знали, как я в настоящее время нуждаюсь, то уверен, что Вы не оставили бы меня без внимания. Я стар стал, не имею заработка и нуждаюсь [...] Товарищ Сосо, некоторым образом Вы у меня в долгу: наверное, Вы помните, как я отнял у инспектора семинарии [...] нелегальную литературу, изъятую при обыске из Вашего ящика, за это меня исключили из семинарии [...] Не горжусь и не хвастаюсь, конечно [...] Нужда заставила меня вспомнить об этом. Помогите, товарищ Сосо⁷⁴.

Письмо вручили лично Сталину. Была ли оказана Келбакиани помощь и какая именно, из документов не ясно. Однако его письмо уточняет некоторые обстоятельства самого конфликта 1899 г. Келбакиани, несомненно, читал публикацию 1939 г. о «героическом поступке» Сталина, а поэтому в целом следует в ее русле. Изъятая тетрадь превратилась в нелегальную литературу, причем найденную не у Келбакиани, а у Джугашвили. Однако примечательно, что Келбакиани однозначно утверждает, что он сам, без всякой помощи со стороны «това-

⁶⁸ Такер Р. *Сталин. Путь к власти*. С. 90–91; Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 130–131.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 53. Л. 1–15; Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 148.

⁷⁰ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 149.

⁷¹ Каминский В., Верещагин И. *Детство и юность вождя*. С. 84–85.

⁷² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 53. Л. 13.

⁷³ Там же. Д. 60. Л. 1–3.

⁷⁴ Там же. Оп. 11. Д. 879. Л. 45.

рища Сосо», отнял изъятое у инспектора. Столь же однозначно он пишет о причастности Сосо к конфликту, а также о том, что он, Келбакиани, оказал услугу молодому вождю. В общем, Иосиф, видимо, действительно был причастен к скандалу. Можно предположить, например, что тетрадь, которую уничтожил Келбакиани, принадлежала Джугашвили. Это могло выясниться позже, во время расследования инцидента. Однако Иосиф почти наверняка не помогал Келбакиани спасти мифические книги. Это была одна из тех легенд, которые формировали культ вождя. Правда, одна из самых безобидных легенд.

В любом случае у Джугашвили и без этого было немало прегрешений перед семинарским начальством. В мае 1899 г. его официально уволили из семинарии по формальному основанию – «за неявку на экзамены по неизвестной причине». При этом в справке об окончании четырех классов семинарии, выданной ему на руки после отчисления, красовалась отличная оценка за поведение!⁷⁵ Биографы Сталина уже давно обратили внимание на запутанность обстоятельств ухода Сталина из семинарии. Сам Сталин предпочитал говорить, что его «вышибли» из семинарии «за пропаганду марксизма». Мать Сталина Екатерина в одном из интервью утверждала, что сама забрала сына из семинарии по причине плохого состояния его здоровья⁷⁶. О. В. Эдельман, внимательно сопоставив различные предположения, полагает, что молодой Джугашвили сознательно не явился на экзамен, поскольку не собирался становиться священником⁷⁷. На самом деле имеющиеся версии причин отчисления не так уж сильно противоречат друг другу. Очевидно, что молодой революционер не слишком дорожил семинарией. Очевидно, что руководство семинарии не испытывало восторга в отношении Джугашвили, но вряд ли было заинтересовано в отчислении его со скандалом. Не исключено, что свою роль в компромиссном исходе дела сыграли просьбы Екатерины и ее жалобы на ухудшение здоровья сына. Похоже, что недоучившимся семинаристом Иосиф стал по доброму согласию, получив хорошую справку по результатам четырех классов. Если его и «вышибли» из семинарии, то «вышибли» тихо, оставив открытыми двери для дальнейшего исправления. Исправления не произошло.

⁷⁵ Там же. Оп. 4. Д. 65. Л. 1–4.

⁷⁶ Троцкий Л. Д. *Сталин*. Т. 1. С. 44.

⁷⁷ Эдельман О. В. *Семинарист Джугашвили*. С. 190–193.

Подполье, тюрьмы, ссылки

Со свидетельством об окончании четырех классов семинарии Иосиф Джугашвили мог служить «по духовному ведомству» или учителем в начальной школе⁷⁸. Однако такая перспектива, означавшая по существу возвращение в прежнюю жизнь, его не устраивала. Продолжая работу в революционной организации, Иосиф при помощи друзей в конце 1899 г. устроился наблюдателем на Тифлисскую метеорологическую станцию (обсерваторию). Наблюдатели постоянно следили за показаниями приборов и поэтому жили при станции. Должность давала и заработок, и жилье. В социал-демократической организации Джугашвили примыкал к радикальному крылу. Отвергая легальную пропаганду, радикалы выступали за организацию забастовок и демонстраций. Удивительного в этом было мало, учитывая предыдущий опыт бунтарства в семинарии, юный возраст – 22 года и личную дружбу с такими отчаянными революционерами, как Ладо Кецохвели. Сторонники решительных действий находили вдохновение в росте недовольства среди рабочих. 1900–1901 гг. были ознаменованы волной забастовок рабочих в Тифлисе. Власти усилили репрессии. Под угрозой ареста Джугашвили покинул службу и перешел на нелегальное положение. В жизни будущего вождя произошел решительный поворот. Он окончательно превратился в профессионального революционера.

При всем разнообразии личных судеб, российские революционеры различных направлений имели много общего. Разрыв с обычной жизнью и уход в подполье происходил в момент резонанса ненависти и решимости – ненависти к существующему строю и решимости бороться с ним. В Российской империи и того и другого было в избытке. Авторитарный режим и социальная несправедливость порождали бунтарей. В ответ на преследования они становились все более радикальными. Ненависть Иосифа Джугашвили, судя по всему, пробудили произвол и мракобесие, царившие в духовной семинарии. Эта ненависть подпитывалась пропагандой и действиями старших товарищей, вступивших на путь революции раньше Сталина. Решимость Иосифа Джугашвили была чертой его характера и порождением социального положения. В конце концов, в той социальной среде, которая предназначалась Сталину по праву рождения, немного можно было потерять.

Рассуждая о причинах революционности и жестокости Сталина, многие авторы обращают внимание на его формирование в особой атмосфере российского пограничья⁷⁹. Кавказ, представлявший собой кипящий котел социальных и национальных противоречий, сплав формирующихся индустриальных анклавов и традиционного образа жизни, не мог не оказать влияния на характер Сталина. И он, и его соратники-кавказцы, полагает Йорг Баберовски, «привнесли в партию как в центре, так и на окраинах империи культуру насилия кавказской периферии, кровную месть и архаические представления о чести»⁸⁰. Такое мнение подкрепляют свидетельства известного историка Б. И. Николаевского, некоторое время работавшего в социал-демократических организациях Закавказья. Сталина, по свидетельству Николаевского, уже тогда характеризовали как человека «крайне злобного и мстительного», способного на «самые крайние средства». Однако такими были и многие противники Сталина среди социал-демократов. Собеседники Николаевского считали это результатом «привнесения кавказских нравов во внутрипартийную борьбу»⁸¹.

⁷⁸ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 154–155.

⁷⁹ Rieber A. J. *Stalin, Man of the Borderlands* // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. No. 5. P. 1651–1692; Rieber A. J. *Stalin as Georgian: The Formative Years* // S. Davies, J. Harris (eds.). *Stalin: A New History*. Cambridge, 2005. P. 18–44.

⁸⁰ Баберовски Й. *Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе*. М., 2010. С. 15.

⁸¹ Вопросы истории. 2012. № 14. С. 16. Документы из архива Б. И. Николаевского, опубликованные Ю. Г. Фельштинским и Г. И. Чернявским.

Указания на особенности менталитета, сформированного тяготами жизни и трагической историей российского пограничья, вероятно, имеют основания. Однако верно и то, что вся Российская империя была огромным пограничьем. Пограничьем между Азией и Европой, между обнадеживающей модернизацией и разрушающимся традиционным укладом жизни, между городом и деревней, между авторитаризмом и стремлением к демократии, между мракобесием властей предрержащих и одержимостью многих революционеров кровью. Именно поэтому кавказские девиации в конечном счете вписались в общероссийскую культуру экстремизма и насилия, лишь придав ее распространению свой импульс. В любом случае воздействие социальной среды не снимало с молодого Джугашвили личной ответственности за его выбор и жизненные ориентиры. Решение уйти в революцию он принимал самостоятельно.

Очевидно, что революционеры были разными. Многие бросались в борьбу под влиянием молодости, эмоций, азарта. Сталиным вряд ли руководили только эти чувства, хотя отвергать их наличие было бы неправильно. Сталина можно назвать расчетливым революционером. Именно такие, как он, упорно, методично и даже осмотрительно двигали революцию вперед, а в случае успеха обладали наилучшими шансами для закрепления во власти. Решительность и осторожность, одержимость и цинизм сочетались в них в тех пропорциях, которые позволяли без особых потерь пройти через многочисленные опасности революционных переломов.

В обзоре деятельности тифлисской социал-демократической организации, оставленном местным жандармским управлением, говорилось, что Иосиф Джугашвили «держит себя весь осторожно, на ходу постоянно оглядывается»⁸². Некоторое время ему действительно удавалось избегать арестов. Это было важное преимущество. Многие социал-демократы оказались в тюрьмах. Джугашвили стал одним из руководителей тифлисской организации. Возможно, спасаясь от полицейских преследований, возможно, по другим причинам он переехал из Тифлиса в Батум, центр нефтеперерабатывающей промышленности. Активная революционная пропаганда Джугашвили и его товарищей не прошла бесследно. Одна за другой следовали забастовки и демонстрации батумских рабочих. Власти действовали жестоко. 9 марта 1902 г. при попытке рабочих взять штурмом тюрьму, где содержались их товарищи, войска открыли огонь. Были убиты 13 человек, десятки ранены. Эти события приобрели широкую известность. Джугашвили как одного из организаторов демонстраций арестовали.

Стараясь избежать наказания, Иосиф отрицал свою вину. Он утверждал, что вообще не был в Батуме в период волнений. В записках на волю Джугашвили просил мать, друзей и родственников обеспечить ему алиби, дать ложные показания о его пребывании до середины марта в Гори⁸³. Записка, однако, попала в руки полиции. Несмотря на это, доказать непосредственную причастность Джугашвили к организации бунта в Батуме полиции не удалось, зато на поверхность всплыли старые дела тифлисского периода. Следствие шло долго, неторопливо. Изнывая в тюрьме, Иосиф пытался подтолкнуть события. В октябре и ноябре 1902 г., через семь-восемь месяцев после ареста, он написал два прошения в канцелярию главноначальствующего на Кавказе. Ссылаясь на «все усиливающийся удушливый кашель и беспомощное положение составившейся матери моей, оставленной мужем вот уже 12 лет и видящей во мне единственную опору в жизни», Джугашвили просил об освобождении под надзор полиции. «Умоляю канцелярию главноначальствующего не оставить меня без внимания и ответить на мое прошение». С просьбой об освобождении сына в январе 1903 г. обратилась к властям и Екатерина. Она грузински подписала заявление на русском языке, в котором говорилось, что ее сын, «зарабатывая себе и матери пропитание, не имеет времени и возможности участвовать в каких-либо заговорах и беспорядках»⁸⁴.

⁸² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 72. Л. 9.

⁸³ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 188–189.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 175–177.

Однако просьбы не помогали. Иосиф оставался за решеткой, испытывая лишения и притеснения. Только осенью 1903 г., через полтора года после ареста, его отправили в ссылку в Восточную Сибирь. Очень скоро, в начале 1904 г., Джугашвили бежал из ссылки. Ничего необычного в этом не было. Конечно, для побегов требовались определенные приготовления, мужество и просто физическая сила. Однако слабая охрана позволяла многим революционерам сравнительно легко покидать места отбывания наказания. Сталин усвоил этот первый урок ссылки и в дальнейшем несколько раз пользовался приобретенным опытом.

Есть сведения о том, что в первые несколько месяцев после возвращения в родные места Джугашвили находился под подозрением как возможный провокатор⁸⁵. Такие подозрения в числе прочего питались массовыми арестами социал-демократов, прокатившимися по Закавказью. Однако, хотя аресты сначала бросили на Джугашвили тень, затем они даже поспособствовали его карьерному росту в революционном движении. В связи с нехваткой людей Джугашвили выдвинули в руководящий комитет Закавказской социал-демократической организации. Конечно, свою роль сыграли его активная работа в подполье, способности публициста. Что касается слухов о сотрудничестве Джугашвили с полицией, то они остались только слухами.

За два года, которые Джугашвили провел в тюрьме и ссылке, в социал-демократии России произошли важные изменения. Формально партия была единой, однако фактически она разделилась на сторонников Ленина, называвших себя большевиками, и более умеренных меньшевиков. Ленин выступал за создание боевой и сплоченной подпольной партии, которая послужила бы орудием совершения революции. По его мнению, рабочие, главная сила грядущей революции, сами не могли выработать правильное революционное мышление. Рабочих должны были обучать революционеры-профессионалы. Учение Ленина было направлено на подталкивание революции, ускорение хода «исторического времени». Меньшевики полагали, что партия может быть более гибкой и принимать в свои ряды не только активистов, но и сочувствующих. Они более уважительно относились к рабочим и не в такой мере, как большевики, выпячивали свою роль учителей. В основе этой тактики лежала принципиальная установка на постепенное, органичное движение революционного процесса по мере вызревания объективных предпосылок для социализма. У молодого Джугашвили были все основания воспринять точку зрения Ленина. Его привлекали ленинский радикализм и призывы к решительным действиям. Вряд ли обошлось и без прагматичных интересов. Будучи сам партийным интеллигентом, Сталин приветствовал признание руководящей роли профессиональных революционеров в рабочем движении⁸⁶. Быть руководителем, вести массы – разве не для этого интеллигенты уходили в революцию? Сталин пропагандировал эти ленинские идеи во многих своих статьях.

Первая русская революция, вспыхнувшая в 1905 г., сначала усилила разногласия между большевиками и меньшевиками, но затем создала некоторые условия для преодоления раскола. Революционеры противостояли общему врагу – правительству и его воинствующим приверженцам. Насилие и жестокость с обеих сторон нарастали. В Закавказье, пораженном многочисленными социальными и национальными противоречиями, ситуация была особенно острой. Правительство, как обычно, без колебаний пускало в ход оружие. В ответ революционеры убивали сторонников самодержавия, поджигали предприятия. В общий поток насилия вливались погромы на национальной почве. И меньшевики, и большевики создавали собственные вооруженные отряды и широко применяли методы террора⁸⁷. Сталин активно участвовал в этих событиях. Он разъезжал по Грузии, готовил забастовки и митинги, писал листовки и статьи,

⁸⁵ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 212–218.

⁸⁶ Ree E. van. *The Stalinist Self. The Case of Ioseb Jughashvili (1898–1907)* // *Kritika*. Spring. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 265–266; Suny R. G. *Stalin and the Russian Revolutionary Movement*. Ch. 4.

⁸⁷ Ree E. van. *Reluctant Terrorists? Transcaucasian Social-Democracy, 1901–1909* // *Europe-Asia Studies*. 2008. LX. No. 1; Suny R. G. *Stalin and the Russian Revolutionary Movement*. Ch. 9.

был причастен к организации подпольной типографии и боевых групп. Постепенно он выдвинулся в ряды лидеров закавказских большевиков.

В октябре 1905 г. под давлением революции царь пошел на уступки. В России появился парламент – Государственная дума. Провозглашались политические свободы: совести, слова, собраний, неприкосновенность личности. Несмотря на это, революция еще какое-то время развивалась по восходящей линии. Все это заставило маневрировать не только царя, но и социал-демократов. Под напором требований снизу большевики и меньшевики согласились на примирение. Формально единство партии было восстановлено. Однако закавказским большевикам, и в частности Сталину, это воссоединение не принесло ничего хорошего. Первую скрипку в революционных организациях Закавказья играли меньшевики. Унизительное положение Сталина и других большевиков демонстрировали результаты выборов на объединительный съезд социал-демократической партии в Стокгольме в апреле 1906-го. Сталин был, видимо, единственным большевиком, избранным делегатом от Закавказья. Еще более обидным был провал на выборах на следующий общий съезд большевиков и меньшевиков, состоявшийся в Лондоне в мае 1907 г. Вначале от Закавказья на съезд были избраны только меньшевистские делегаты. Большевикам пришлось организовать довыборы, чтобы послать хотя бы одного своего представителя. Им оказался Джугашвили. Поездки на съезды партии в Западную Европу, несомненно, способствовали расширению общего и партийного кругозора Джугашвили, круга его контактов и знакомств. Есть данные, что по пути на лондонский съезд в 1907 г. он встречался в Берлине с Лениным⁸⁸. Возвращаясь из Лондона, Джугашвили несколько дней провел в Париже. Он жил у земляка, студента Г. И. Чочии. В Россию Джугашвили выехал с паспортом умершего друга Чочии. Это повышало безопасность передвижений Джугашвили, за которым следила полиция. Сорок лет спустя, в мае 1947 г., Чочиа, проживавший в Ленинграде, напомнил Сталину о себе:

В середине 1907 г., после нескольких дней Вашего пребывания у меня, я провожал Вас на вокзале Св. Лазаря в Париже. Вы изволили сказать мне: «Твою помощь (Вы подразумевали уступку заграничного паспорта [...]) я никогда не забуду». В настоящее время я очень нуждаюсь в Вашем внимании. Прошу Вас удостоить меня встречей с Вами на 5–10 минут...⁸⁹

Письмо, однако, было списано в архив. Сталин крайне редко вспоминал о своих зарубежных путешествиях. Мы не знаем, что он видел и как воспринимал увиденное в Европе. Привез ли он какие-нибудь подарки из путешествия своей молодой жене Екатерине Сванидзе, на которой женился в июле 1906 г., и сыну Якову, появившемуся на свет в марте 1907 г., накануне отъезда отца за границу? Мысли Джугашвили, несомненно, были заняты революцией.

Сразу же после возвращения Джугашвили с Запада, 13 июня 1907 г., в Тифлисе произошло знаменитое в истории российского революционного движения вооруженное ограбление почты группой закавказских большевиков. Погубив немало жизней, террористы пополнили партийную кассу огромной суммой – 250 тыс. рублей. Руководителем и участником этой экспроприации был хороший знакомый Джугашвили С. А. Тер-Петросян по кличке Камо. Их очевидная связь давала повод утверждать, что Сталин был непосредственным организатором акции и даже принимал в ней участие⁹⁰. Однако реальных свидетельств в пользу такой крайней версии не существует⁹¹. Б. И. Николаевский, внимательно исследовавший обстоятельства дела, утверждал, что Сталин был осведомлен о характере деятельности группы Камо и «прикрывал ее перед местной партийной организацией». Однако «руководителем ее ни в каком отношении

⁸⁸ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 254.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 896. Л. 115.

⁹⁰ См. подробнее: Монтефиоре С. *Молодой Сталин*.

⁹¹ См. Suny R. G. *Stalin and the Russian Revolutionary Movement*. Ch. 11. М. Кун обнаружил некоторые свидетельства о том, что Сталин содействовал подготовке акции Камо (Kun M. *Stalin*. P. 77–79).

не был». Николаевский нашел документ, из которого следует, что Камо был напрямую связан с большевистским центром за границей. Это – соглашение об условиях проведения экспроприации, заключенное Камо с руководящим центром большевиков во главе с Лениным⁹². Соглашение заключил именно Камо, но не Сталин.

Вообще-то, ничего необычного (за исключением рекордного «приза») в тифлисской экспроприации не было. Грабежи государственных учреждений и частных лиц широко практиковали в период первой русской революции как большевики, так и другие революционные партии. Нередко грабежами занимались и обычные уголовники, временно примыкавшие к революционным организациям в целях наживы. По сути, недалеко от уголовников уходили и идейные боевики, не бравшие лично себе ни копейки. Экспроприации приносили деньги, однако разрушающе действовали на мораль самих революционеров и их репутацию в обществе. Это не могло не беспокоить лидеров социал-демократов. Под давлением меньшевиков в мае 1907 г. на съезде партии в Лондоне, где присутствовал и Джугашвили, было принято решение, запрещающее социал-демократам проводить экспроприации. Однако это решение не остановило Ленина и его сторонников. Готовившуюся акцию в Грузии не отменили. Проведенная вскоре после завершения съезда партии, она выглядела особенно цинично. В рядах социал-демократов возник громкий скандал. Тифлисские меньшевики в очередной раз обрушились на Джугашвили, который, как все знали, был связан с Камо. Джугашвили был вынужден уехать из Тифлиса в Баку.

В бакинской социал-демократической организации меньшевики также составляли большинство. Однако Джугашвили мог опереться на сплоченную группу сторонников Ленина. В этом крупном промышленном центре были значительные возможности как для революционной работы среди рабочего класса, так и для борьбы с политическими оппонентами. Джугашвили организовал раскол в бакинской организации. Большевики захватили ее руководство. Однако радость победы была омрачена личной трагедией – в Баку умерла жена Иосифа Екатерина. Младенец-сын был передан на попечение родственников покойной. Отцу было не до него.

Революция, продолжавшаяся почти два года, напугала и кое-чему научила правящие классы. Царское правительство пошло на уступки. Россия стала более свободной. У нее появился парламент, хотя бы и слабый. Начались аграрные реформы, имевшие принципиальное значение для страны, где крестьянство составляло взрывоопасное большинство. Но одновременно власти начали более решительно и жестоко бороться с революционным подпольем. Одной из жертв этой решительности оказался Джугашвили. В марте 1908 г. его арестовали. Как и во время первого ареста, Джугашвили отрицал свою вину. Он утверждал, что не принадлежит ни к какой революционной партии и долгое время провел за границей⁹³. Однако эти хитрости не удались. После семи месяцев, проведенных в тюрьме, Джугашвили был отправлен в ссылку в Вологодскую губернию. Пробыв в ссылке четыре месяца, вновь бежал и летом 1909 г. вернулся в Баку.

Обстановка здесь была сложной. Бакинскую организацию социал-демократов наводнили секретные сотрудники полиции. Провалы и аресты вызывали подозрительное отношение революционеров друг к другу. Страсти накалялись и выливались в скандалы и взаимные обвинения. Именно к этому периоду пребывания Сталина в Баку относятся новые слухи о его сотрудничестве с полицией. То вспыхивая, то утихая, они дожили до наших дней. Правда, большинство историков всегда считали версию о двойной жизни Сталина недостоверной. Открытие архивов подтвердило эту точку зрения. Никаких следов работы Сталина на полицию обнаружено

⁹² Вопросы истории. 2010. № 7. С. 34; 2010. № 9. С. 11.

⁹³ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 292.

не было. Ключевой документ, на который опирались обвинители Сталина, был окончательно разоблачен как фальшивка, сфабрикованная после революции в кругах эмиграции⁹⁴.

Действительно, для тайного агента полиции Сталин слишком часто оказывался в тюрьме и ссылках. Весной 1910 г. его вновь арестовали. На этот раз Сталину грозило серьезное наказание. Полиция требовала выслать его на пять лет «в самые отдаленные места Сибири». Джугашвили прибег к ранее испытанному методу – просьбам о снисхождении. Он ссылался на свое болезненное состояние, на отсутствие серьезных улик. Демонстрируя стремление к благонамеренности, просил позволения официально оформить отношения со своей сожительницей, с которой познакомился в предыдущей ссылке⁹⁵. Трудно сказать, в какой мере подействовали именно эти «покорнейшие просьбы». Однако в октябре 1910 г. вместо первоначально намечавшейся пятилетней ссылки в Сибирь Джугашвили вернули в Вологодскую губернию – отбывать до конца назначенный в предыдущий раз срок. Это было мягкое наказание. Сталин провел в ссылке положенное ему время до июля 1911 г.

Следующие полтора года, до последнего ареста в феврале 1913-го, стали пиком дореволюционной карьеры Сталина в подполье. Он выдвинулся в число лидеров большевиков и в 1912 г. был введен в состав ЦК ленинской партии. Это обстоятельство имело по крайней мере два последствия. С одной стороны, он уже не возвращался на постоянную работу в Закавказье, а колесил по России и часто задерживался в столицах, Петербурге и Москве. С другой – находился под более пристальным контролем полиции. Сталина несколько раз арестовывали и отправляли в новые ссылки в Вологодскую область и в Сибирь, однако каждый раз ему удавалось бежать. Сталин занимался подпольной работой в России, налаживал выпуск большевистских газет, писал статьи, контактировал с большевистскими депутатами в Государственной думе. Он стал одним из ближайших соратников Ленина. Вождь большевиков все еще скрывался в эмиграции и нуждался в верных помощниках в России. Несколько раз Сталин приезжал к Ленину на совещания за границу. Задержавшись на несколько недель в начале 1913 г. в Вене, Сталин писал статью по национальному вопросу. Как известно, этой работой Сталина Ленин интересовался особенно. Вполне разделяя ленинские взгляды, Сталин выступал за единство российской социал-демократии и недопустимость ее разделения по национальным «квартирам».

Сам Сталин мог служить примером такого интернационализма. Он, несомненно, осознавал себя деятелем общероссийского масштаба. Националистические юношеские переживания и закавказское социал-демократическое прошлое были позади. Джугашвили окончательно превратился в Сталина. Этот по-русски звучащий псевдоним, символизирующий принадлежность к общероссийскому революционному движению, Джугашвили начал использовать в период выдвижения в руководство большевистской партии.

Сталин, несомненно, заслужил свое положение и репутацию известного большевика. В первый ряд партийных функционеров его выдвинули организаторские и публицистические способности, смелость, решительность, выдержка, неприхотливость, умение приспосабливаться к ситуации, преданность Ленину. Сталин оставался в партии даже в период кризиса социал-демократического движения, разразившийся после подавления первой революции. Массовые аресты подпольщиков, наводнение революционных организаций агентами полиции, отсутствие денег разрушали движение. В марте 1913 г. один из секретных сотрудников полиции, внедренных в бакинскую социал-демократическую организацию, сообщал: «Деятельности комитет никакой в настоящее время не проявляет»⁹⁶. В феврале в другом конце страны,

⁹⁴ Перегудова З. И. *Политический сыск России (1880–1917 гг.)*. М., 2000. С. 242–274.

⁹⁵ Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 329–330.

⁹⁶ Перегудова З. И. *Политический сыск России*. С. 246.

в Петербурге, был арестован Сталин. Его предал его товарищ Р. В. Малиновский⁹⁷ – один из руководителей большевиков, любимец Ленина, который уже несколько лет работал на полицию.

⁹⁷ *Малиновский Роман Вацлавович* (1876–1918) – рабочий-металлист, профсоюзный деятель, член большевистской партии. Пользовался особым покровительством Ленина. В 1912 г. был избран депутатом Государственной думы, с 1913-го председатель думской фракции большевиков. При этом многие годы служил агентом полиции. Под угрозой разоблачения в 1914 г. бежал из России. В 1918-м вернулся в Советскую Россию, надеясь на прощение. Однако был расстрелян.

Четыре года в Сибири

В июне 1913 г. Иосиф Джугашвили был приговорен к ссылке в Сибирь, в Туруханский край, на четыре года. С самого начала эта последняя ссылка отличалась особыми тяготами. Туруханский край был мало приспособлен для жизни. В первые месяцы письма Сталина на волю были переполнены просьбами о помощи и жалобами на безденежье и болезни⁹⁸:

Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов холода), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахару, ни мяса, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одевание с обувью) [...] Понимаю, что вам всем, а тебе особенно – некогда, нет времени, но, черт меня подери, не к кому больше обращаться. А околоть здесь [...] не хочется. Дело это надо устроить сегодня же и деньги переслать по телеграфу, потому что ждать дальше – значит голодать, а я и так истощен и болен⁹⁹.

Нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но... деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедля телеграммой. Нет мочи ждать больше¹⁰⁰.

Правда, вначале оставались надежды на освобождение. Руководство партии приняло решение организовать побег для Сталина и его товарища по ссылке Я. М. Свердлова. Для этого тоже нужны были деньги, однако их все не присылали. Кроме того, о планах побега благодаря предателю Малиновскому была осведомлена полиция. В марте 1914 г. по приказу из Петербурга Сталина и Свердлова услали еще дальше, в маленькое поселение Курейка, недалеко от Северного полярного круга. Причем к каждому был приставлен индивидуальный надзиратель. Шансы на побег почти исчезли.

Для Сталина это был удар. В конце марта 1914 г. он отправил в Петербург рассерженное письмо, укоряя товарищей по партии за многомесячное молчание и требуя ясного ответа: будут ли деньги для организации побега¹⁰¹. Несколько недель спустя Сталин, однако, резко изменил свои намерения. В апреле он сообщал Малиновскому:

[...] Новый губернатор переводворил меня на дальний север и конфисковал полученные на мое имя деньги (60 р. в целом). Живем, брат... Кто-то, оказывается, распространяет слухи, что я не останусь в ссылке до окончания срока. Вздор! Заявляю тебе и клянусь собакой, что я останусь в ссылке до окончания срока (до 1917 г.). Когда-то я думал уйти, но теперь бросил эту идею, окончательно бросил¹⁰².

Это письмо Сталина вызывает вопросы. Было ли твердо заявленное нежелание бежать из ссылки рассчитано на полицейскую цензуру? Выражал ли Сталин таким образом недовольство бездействием партийных товарищей? Или он действительно решил остаться в ссылке, осознав

⁹⁸ Эти письма Сталина были перлюстрированы полицией и благодаря этому сохранились в полицейских архивах. В копиях они находятся также в фонде Сталина (Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 396–398; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1288. Л. 12–14, 18, 28, 32–35).

⁹⁹ Письмо Р. В. Малиновскому, конец ноября 1913 г.

¹⁰⁰ Письмо Т. А. Словатинской, 20 ноября 1913 г.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 52. Л. 1; Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 402–403.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5394. Л. 2–3; *Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927* / сост. А. В. Квашонкин и др. М., 1996. С. 19.

тщетность иных надежд? Учитывая, что вопрос о побеге более не поднимался, похоже, что Сталин действительно смирился с судьбой и решил отбыть ссылку до конца.

Несколько событий, случившихся в первые месяцы пребывания в Курейке, предопределили уклад новой жизни Сталина. Сначала он поссорился со своим единственным товарищем по ссылке и соседом по квартире Свердловым. О сути конфликта Свердлов в письмах на волю сообщал без особых подробностей: «Со мною грузин Джугашвили [...] Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда [...]»¹⁰³. Некоторые другие свидетельства дополняют картину. По воспоминаниям А. С. Аллилуевой, сестры второй жены Сталина, он позже признавался, что под разными предлогами отлынивал от домашней работы, уборки, топки печи и т. д. Свердлову приходилось работать и за себя, и за товарища¹⁰⁴. Аналогичные рассказы Сталина запомнил Н. С. Хрущев:

Сталин рассказывал: «Мы готовили себе обед сами [...] Главным образом мы промышляли тем, что ловили нельму. Большой специальности для этого не требовалось. На охоту тоже ходили. У меня была собака, я ее назвал Яшкой». Конечно, это было неприятно Свердлову: он Яшка и собака Яшка. «Так вот, – говорил Сталин, – Свердлов, бывало, после обеда моет ложки и тарелки, а я никогда этого не делал. Поем, поставлю тарелки на земляной пол, собака все вылизет, и все чисто. А тот был чистюля»¹⁰⁵.

Очевидно, что подобные бытовые проблемы не могли не вызвать ссору. Хотя не исключено, что у конфликта были и другие дополнительные причины. Б. С. Илизаров предполагает, что Сталин, страдавший в молодости туберкулезом, опасался вновь заразиться, поскольку у Свердлова туберкулез наблюдался в открытой форме¹⁰⁶. В любом случае взаимная неприязнь была столь сильна, что Свердлов и Сталин не только переселились в разные дома, но даже перестали общаться. «Ты же знаешь, родная, в каких гнусных условиях я жил в Курейке. Товарищ, с которым мы были там, оказался в личном отношении таким, что мы не разговаривали и не виделись», – писал Свердлов некоторое время спустя жене¹⁰⁷. Вскоре после разъезда Сталин поселился в доме сирот Перепрыгиных, пяти братьев и двух сестер. Сталин, которому тогда было 35 лет, судя по некоторым документам, вступил в интимные отношения с одной из сестер, 14-летней Лидией Перепрыгиной. Скорее всего, именно по этой причине между Сталиным и охранявшим его стражником вспыхнул конфликт. Дело доходило до драк. Полицейское начальство, однако, приняло сторону Сталина. Возможно, свою роль сыграло то, что полицейским приставом в Туруханском крае был в то время И. И. Кибиров, земляк Сталина, осетин по национальности. Нельзя исключить, что Сталин и Кибиров заключили своеобразное соглашение: в обмен на обещание не бежать из ссылки последовало смягчение режима. Сталина не только не привлекли к ответственности за проступки, но приставили к нему другого, более чем лояльного стражника М. А. Мерзлякова¹⁰⁸. Много лет спустя, в 1930 г., Мерзляков, которого новые власти преследовали за службу в царской полиции, обратился за помощью к Сталину. «Прошу тов. Сталина, – писал он, – довести до сведения нашего сельсовета о том, что я действительно имел с Вами дружеские отношения во время службы в Туруханском и не делал противодействия [...]». И Сталин действительно помог. В его ответном письме Мерзлякову

¹⁰³ Свердлов Я. М. *Избранные произведения*. Т. 1. М., 1957. С. 227.

¹⁰⁴ Аллилуева А. С. *Воспоминания*. М., 1946. С. 115.

¹⁰⁵ Вопросы истории. 1992. № 1. С. 59–60.

¹⁰⁶ Илизаров Б. С. *Тайная жизнь Сталина*. С. 111.

¹⁰⁷ Свердлов Я. М. *Избранные произведения*. Т. 1. С. 280.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1288. Л. 15–16; Илизаров Б. С. *Тайная жизнь Сталина*. С. 289, 291, 294, 297; Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 393.

давались лучшие из возможных рекомендаций: «[...] Мих. Мерзляков относился к заданию пристава формально, без обычного полицейского рвения, не шпионил за мной, не травил, не придирался, сквозь пальцы смотрел на мои частые отлучки [...]»¹⁰⁹.

Пользуясь услужливостью Мерзлякова, Сталин устроился достаточно удобно, насколько это было возможно в ссылке у Северного полярного круга. Он продолжал сожительство с Лидией Перепрыгиной. По малодостоверным слухам, у них якобы родился сын¹¹⁰. В декабре 1930 г. два брата Перепрыгиных, Ион и Александр, арестованные за службу в белой армии, обратились к Сталину с просьбой о поручительстве. Они напомнили вождю о «прежней дружбе, которую Вы питали к нам», но ни словом не обмолвились о судьбе сестры. Сталин читал это письмо, но помог ли Перепрыгиным, из документов не ясно¹¹¹.

Располагая свободным временем, Сталин много рыбачил, охотился, ездил к товарищам по ссылке в соседние селения, принимал гостей у себя, участвовал в курейских пирушках. Его материальное положение несколько стабилизировалось. Главное – прекратились болезни. «Я живу как раньше. Чувствую себя хорошо. Здоров вполне – должно быть привык к здешней природе. А природа у нас суровая: недели три назад мороз дошел до 45 градусов», – бодро сообщал Сталин в одном из писем в конце 1915 г.¹¹²

Это было своеобразное существование, в котором проявились многие важные черты характера Сталина. Он был неприхотлив, не страдал от брезгливости и вполне приспособился к жизни в суровых условиях. В Курейке, где насчитывалось восемь домов и 67 жителей, Сталин был обречен на одиночество, во всяком случае интеллектуальное. Позже политические противники обвиняли Сталина в растительном существовании, недостойном революционера. «Тщетно стали бы мы искать каких-либо следов его духовной жизни за весь этот период одиночества и досуга», – писал Троцкий о туруханском этапе жизни Сталина¹¹³. Действительно, в собрании сочинений вождя зияет заметная дыра – ни одной статьи за четыре года, с начала 1913 до начала 1917 г.

Переписка Сталина, хранящаяся в архивах, рисует, правда, более сложную картину. В первый год, то ли надеясь на побег, то ли по привычке, Сталин пытался работать. Он написал новую статью по национальным проблемам и послал ее в журнал. Он просил у товарищей выслать книги, журналы и газеты. О работе над статьями и нужде в новых книгах Сталин периодически писал и в последующие годы ссылки¹¹⁴. Однако его энтузиазм, судя по всему, угасал. В 1914 г. произошло разоблачение Малиновского как агента охраны. Это был сокрушительный удар по партии большевиков в целом. На Сталине, который был дружен с Малиновским и пытался через него решать свои проблемы, этот громкий скандал отразился особенно болезненно. Дела шли все хуже. Статья, посланная в журнал, так и не была напечатана. Новых изданий товарищи не присылали, а денег на их самостоятельную выписку не было. В ноябре 1915 г., через два года после начала ссылки, Сталин в одном из редких писем Ленину так объяснял свою ситуацию: «Живу неважно. Почти ничем не занимаюсь. Да и чем тут заняться при полном отсутствии или почти полном отсутствии серьезных книг? [...] Вопросов и тем много в голове, а материалу – ни зги. Руки чешутся, а делать нечего»¹¹⁵. Сталин все реже контактировал с руководителями партии, находящимися в эмиграции, периодически жаловался в письмах, что они забыли его. Широко известны неллицеприятные для Сталина запросы Ленина, сделанные

¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 773. Л. 79–82; Илизаров Б. С. *Тайная жизнь Сталина*. С. 297–298.

¹¹⁰ Во всяком случае, сам Сталин в дальнейшем вычеркнул Перепрыгину из своей жизни. После отъезда Сталина из ссылки она вышла замуж, а затем осталась вдовой с восемью детьми. Илизаров Б. С. *Тайная жизнь Сталина*. С. 310.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 851. Л. 15.

¹¹² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 55. Л. 2; *Большевицкое руководство*. С. 21. Письмо О. Е. Аллилуевой, 25 ноября 1915 г.

¹¹³ Троцкий Л. Д. *Сталин*. Т. 1. С. 248–249.

¹¹⁴ *Большевицкое руководство*. С. 17–20; Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* С. 397–401, 412–413, 415.

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

в 1915 г. разным лицам: «Не помните ли фамилии Кобы?»; «Большая просьба: узнайте [...] фамилию «Кобы» (Иосиф Дж...?? Мы забыли)»¹¹⁶.

В конечном счете положение Сталина было отражением общего положения дел в большевистской партии. Ее руководители прозябали кто в ссылке, кто за границей. Надежды, мечты и безуспешные попытки активизировать движение перемежались спорами и дрызгами между собой и с политическими оппонентами из других партий. Перспективы революции и личные судьбы революционеров оставались туманными. Как представлял свое будущее 38-летний Сталин, мы не знаем. Может быть, просто старался не думать об этом.

¹¹⁶ Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. Т. 49. М., 1970. С. 101, 161.

Опоры сталинской власти День и вечер 1 марта 1953 г. Ближняя дача Волнение охранников

После отъезда гостей ранним утром 1 марта Сталин, скорее всего, лег спать. Не исключено, что плохо себя почувствовал¹¹⁷. Он был стар и нездоров. Днем Сталин не вышел из своих комнат и не вызывал никого из охраны или obsługi в привычное время, ближе к обеду. В начале 1952 г. в штате охраны сталинской квартиры и дачи числилось 335 человек¹¹⁸. Еще 73 человека составляли обслуживающий персонал. Они работали на разных объектах в несколько смен. Сталин проводил в окружении этих людей значительную часть жизни. Они ходили за его спиной, дежурили под окнами его дома, готовили, убирали, а если было нужно, то и развлекали. От помещений охраны и прислуги основную часть ближней дачи, в которой жил Сталин, отделял длинный коридор. В сталинских комнатах были установлены кнопки вызова.

Нарушение обычного распорядка жизни Сталина днем 1 марта встревожило его охрану. Пользуясь своим служебным жаргоном, охранники докладывали непосредственному начальству, что в жилых помещениях вождя нет «движения». «Движение» не наблюдалось до вечера. Охранники все больше волновались, но идти к Сталину без вызова боялись. Только после 18 часов, к облегчению охраны, в комнатах Сталина зажегся свет. Все приготовились к вызову. Однако он не последовал. Тревога вновь усилилась. Охранники препирались, кому идти к Сталину. Идти не хотел никто.

Колебания охранников были вполне объяснимы. Конечно, они привыкли к Сталину, так же как одинокий Сталин (которому служба отчасти заменяла семью) привык к ним. Время от времени Сталин вместе со служащими дачи работал в саду, жарил шашлыки в камине. Иногда приходил на кухню, чтобы полежать на русской печи, – лечил больную спину. Однако расстояние между охранниками и Сталиным оставалось намного большим, чем разделявший две части дома огромный коридор. Сталин держал свое окружение в строгости и страхе.

Охраной Сталина и других членов высшего руководства занималось специальное подразделение в составе советских органов госбезопасности. Первоначально, пока сохранялись остатки революционного романтизма, вожди позволяли себе многочисленные вольности. Еще в 1920-е годы жена Сталина могла воспользоваться трамваем, а сам он, хотя и в сопровождении охраны, передвигался пешком по улицам Москвы или ездил в автомобиле без особых мер предосторожности. В июле 1930 г. на отдыхе в Сочи автомобиль, в котором находился Сталин с женой, столкнулся с другой машиной. Вождь повредил левую бровь¹¹⁹.

В октябре 1930 г. в условиях нараставшей истерии борьбы с врагами Политбюро приняло решение: «обязать т. Сталина немедленно прекратить хождение по городу пешком»¹²⁰. Однако

¹¹⁷ Внешнюю канву событий последних дней жизни Сталина можно реконструировать, сопоставляя ряд источников. Помимо давно известных мемуаров Хрущева, члена руководящей группы, дежурившей у умирающего Сталина (Вопросы истории. 1992. № 23. С. 90–91), появились новые источники. В частности, воспоминания охранников Сталина записали Д. А. Волкогонов и Э. Радзинский (Волкогонов Д. А. *Триумф и трагедия*. Кн. 2. Ч. 2. С. 193–194; Радзинский Э. *Сталин*. С. 613–618). Напечатаны свидетельства работника охраны Сталина Ю. С. Соловьева (Исторический вестник. *Жизнь в тени вождей*. Т. 5. С. 171–173). Далее я опираюсь на все эти публикации.

¹¹⁸ Здесь и далее данные об Управлении охраны см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 858. Л. 220. Из документа не ясно, шла ли речь обо всех сталинских дачах или только о даче в Кунцеве. В любом случае основные силы охраны и obsługi были сосредоточены именно на этой даче, где жил Сталин.

¹¹⁹ *Гараж особого назначения. 1921–2011*. М., 2011. С. 162–163.

¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 54. *Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936* / сост. В. Н. Хаустов и др. М., 2003. С. 255–256.

Сталин, принимавший непосредственное участие в изобретении «заговоров», а потому знавший им цену¹²¹, игнорировал запрет. Примерно год спустя, днем 16 ноября 1931 г., он шел по улице в сопровождении охраны от здания ЦК партии к Кремлю. Согласно версии ОГПУ, по дороге на Сталина случайно наткнулся вооруженный агент антибольшевистских организаций, прибывший из-за границы. Встреча была столь неожиданной, что агент не сумел воспользоваться оружием¹²². Вскоре он был арестован. Информация ОГПУ о происшествии была направлена Сталину и другим членам Политбюро. Молотов сделал на сообщении ОГПУ надпись: «Членам ПБ. Пешее хождение т. Сталину по Москве надо прекратить». Подчинился ли Сталин этим требованиям, мы не знаем. Не вполне понятно также, в какой мере в этой истории присутствовал элемент провокации.

Во время отпуска на юге в 1933 г. со Сталиным случилось несколько опасных происшествий¹²³. В августе в Сочи автомобиль Сталина столкнулся с грузовиком, который вел пьяный водитель. Сталин не пострадал. В сентябре катер, на котором Сталин совершал прогулку по Черному морю, был обстрелян с берега из винтовки. Пули попали в воду. Проведенная проверка показала, что стреляла пограничная охрана, которую вовремя не предупредили о возможности появления высокопоставленных отпускников в запретной зоне.

Ситуация существенно изменилась после убийства Кирова¹²⁴ 1 декабря 1934 г. Воспользовавшись этой трагедией, Сталин начал постепенную расправу с бывшими оппозиционерами в партии. Их обвиняли как в организации убийства Кирова, так и в подготовке террористических актов против других советских вождей, прежде всего – самого Сталина. В 1936–1938 гг. волна террора накрыла страну, поглотив многие сотни тысяч человек. Сталин избавлялся от всех, кого подозревал в политической нелояльности. Аппарат госбезопасности был одной из важных мишеней чисток. Наряду с другими под удар попали и сотрудники правительственной охраны. В апреле 1937 г. был арестован и вскоре расстрелян начальник охраны Сталина. После него в 1937–1938 гг. на этой должности побывали еще два человека. Один застрелился, другого расстреляли. Наконец, в конце 1938 г. во главе подразделения, занимавшегося охраной советских лидеров, был поставлен Н. С. Власик¹²⁵. Малообразованный, но исполнительный, он понравился Сталину и оставался при нем более 13 лет. Его карьере не сломал даже скандальный инцидент, произошедший в Москве 6 ноября 1942 г.

В этот день в центре столицы, на Красной площади, была обстреляна из винтовки выезжавшая из Кремля правительственная машина. В ней находился член Политбюро А. И. Микоян. Никто не пострадал. Стрелявший после небольшого боя был задержан охраной. Террористом оказался солдат московской части противовоздушной обороны. Скорее всего, он

¹²¹ См., например, письмо Сталина председателю ОГПУ Менжинскому от октября 1930 г., в котором вождь излагал изобретенный им сценарий «заговора» и требовал получить у арестованных «вредителей» показания, подкрепляющие этот сценарий (*Письма И. В. Сталина В. М. Молотову*. С. 187–188).

¹²² Как утверждали руководители ОГПУ в докладе Сталину, покушению помешал секретный сотрудник ОГПУ, внедренный в организацию и сопровождавший зарубежного агента. Сам арестованный агент утверждал во время допроса, что он просто не имел возможности быстро выхватить револьвер, спрятанный глубоко в одежде. Повторить же попытку ему мешала достаточно многочисленная охрана, сопровождавшая Сталина (*Источник*. 1996. № 3. С. 161–162; *Лубянка. Январь 1922 – декабрь 1936*. С. 286).

¹²³ *Государственная охрана России. 1881–2006*. Каталог выставки. М., 2006. С. 47–49.

¹²⁴ *Киров Сергей Миронович* (1886–1934) – в 1921–1926 гг. был руководителем Азербайджана. Возвышению Кирова способствовала его принадлежность к группе закавказских клиентов Сталина и личная дружба с ним. В 1926 г. в результате разгрома оппозиции Киров был назначен вместо Зиновьева на пост руководителя Ленинграда, введен в состав Политбюро. 1 декабря убит террористом-одиночкой.

¹²⁵ *Власик Николай Сидорович* (1896–1967) – родился в крестьянской семье в Белоруссии, несколько лет учился в начальной школе, а потом зарабатывал на жизнь чернорабочим. Служил в царской армии на фронтах Первой мировой войны, потом в Красной армии. В 1919 г. попал в ВЧК, где постепенно подвигался по служебной лестнице. Массовые аресты 1937–1938 гг., освободившие места, резко ускорили карьерный рост Власика. В 1952 г. был арестован. Через два года после смерти Сталина осужден к ссылке на 10 лет. В 1956 г. помилован.

был не вполне психически здоров¹²⁶. Для службы охраны, которой руководил Власик, такое происшествие было тяжелым ударом. Неуравновешенный солдат с боевым оружием в руках длительное время стоял на Красной площади у ворот Кремля, поджидая выезд какой-нибудь правительственной машины! Власик был понижен в должности. Однако вождь дал ему еще один шанс. Власик продолжал руководить охраной Сталина¹²⁷.

Положение Власика казалось незыблемым. Он всюду следовал за вождем, нередко садился с ним за один обеденный стол, получил право фотографировать Сталина. Главное управление охраны при Власике превратилось в мощную и влиятельную структуру. В начале 1952 г. его штатная численность составляла 14,3 тыс. человек, а бюджет – 672 млн руб. Это была огромная сумма. Ведомство Власика отвечало не только за охрану, но и за содержание квартир и дач советских руководителей высшего ранга, занималось снабжением членов ЦК ВКП(б), приемом и размещением иностранных гостей, руководило строительством новых правительственных объектов. В 1951 г. около 80 млн руб. из бюджета управления охраны уходило на содержание государственных дач и квартир 14 высших советских руководителей (включая расходы на охрану и обслуживание). Сталин занимал в этом списке первое место. На его квартиру и дачи в 1951 г. потратили 26,3 млн руб. Причем в эту сумму, скорее всего, не включались некоторые другие расходы, например на автотранспорт.

Служить в управлении охраны было престижно и выгодно. Содержание каждого из охранников, прикрепленных к Сталину, в 1951 г. составляло в среднем 5,3 тыс. руб. в месяц. В целом же по стране средняя месячная заработная плата рабочих и служащих составляла в этот год 660 руб., а среднедушевой денежный доход колхозников в 1950 г. – около 90 руб. в месяц¹²⁸. Власику близость к вождю, помимо материальных благ, давала немалое политическое влияние. Отчасти поощряемый Сталиным, он все больше втягивался в политические интриги. Высокое покровительство и безнаказанность вскружили Власику голову. Он пил, заводил многочисленные любовные связи. Так же нередко вели себя и подчиненные Власика.

В принципе Сталин терпимо относился к подобным «слабостям». Они были залогом послушания и преданности. Однако периодически вождь устраивал разносы подчиненным, особенно если те начинали «брать не по чину». Летом 1947 г. одна из официанток ближней дачи доложила Сталину о том, что комендант дачи и его заместитель в отсутствие вождя устраивали на даче пьянки с проститутками, воровали казенные продукты. Более того, заместитель коменданта и его подружки заглядывали в бумаги, лежавшие на столе у Сталина. По приказу Сталина заместитель коменданта был арестован, его долго допрашивали, избивали и в конце концов расстреляли¹²⁹. Для Власика эта история могла стать предупредительным сигналом, но не стала. Тем более что сам Сталин не слишком требовательно относился к моральному облику своего главного охранника. Правда, в 1950 г., по признанию Власика, Сталин выговаривал ему по поводу «злоупотребления» «отношениями с женщинами»¹³⁰. Однако и после этого Власик остался в фаворе.

Звезда Власика закатилась только тогда, когда стареющий Сталин решил провести очередную общую чистку в органах госбезопасности. Дело дошло и до Главного управления охраны МГБ. 19 мая 1952 г. Политбюро утвердило постановление, в котором руководители Главного управления охраны во главе с Власиком подверглись критике за «преступное расточительство и бесконтрольность в расходовании средств». Штаты управления, его функции и бюджет были значительно сокращены. Несколько работников предали суду. Власика исклю-

¹²⁶ После длительного следствия его расстреляли только в 1950 г.

¹²⁷ Девятков С. В. и др. *Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны*. С. 161, 164–167.

¹²⁸ *Советская жизнь. 1945–1953* / сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 501; Попов В. П. *Российская деревня после войны*. М., 1993. С. 146.

¹²⁹ Петров Н. В. *Первый председатель КГБ Иван Серов*. М., 2005. С. 87–89.

¹³⁰ Логинов В. М. *Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники*. М., 2000. С. 152. Показания Власика на суде в 1955 г.

чили из партии и отправили на унижительную для него должность заместителя начальника одного из лагерей на Урале¹³¹. В декабре 1952 г. он был арестован. Новым начальником управления охраны по совместительству стал сам министр госбезопасности СССР С. Д. Игнатьев¹³².

Аресты, реорганизации, растущая подозрительность Сталина, несомненно, нервировали сотрудников правительственной охраны. Каждый боялся за свою должность и жизнь. Никто не хотел проявлять инициативу, грозящую непредвиденными последствиями. Именно поэтому охранники Сталина так долго не решались идти к вождю, хотя и понимали, что происходит что-то из ряда вон выходящее.

Органы госбезопасности, и охрана Сталина как их важное подразделение, были лишь вершиной огромной машины, которую историки называют «сталинской партией-государством». Ее стержнем и несущей опорой была партия большевиков, доставшаяся в наследство от Ленина, но перекроенная Сталиным под нужды своей диктатуры. Партия при Сталине была жестко централизованной организацией. Главная сила партийного аппарата заключалась в безусловном праве производить кадровые перестановки. Карьера и судьба каждого чиновника в стране зависела от определенного партийного комитета. Никто, включая самих партийных функционеров, не мог миновать это партийное сито. За многие годы сформировались списки («номенклатура») должностей, которые находились в ведении различных партийных комитетов, от райкома до ЦК. В Москве в аппарате ЦК партии утверждали ключевых руководителей. Номенклатура должностей ЦК постоянно расширялась, что отражало стремление центра к ужесточению контроля. В сентябре 1952 г., за полгода до смерти Сталина, она составляла около 53 тыс. человек. Это были «сливки» советского общества – партийные и государственные чиновники высшего уровня, генералитет, руководители «творческих союзов» и т. д. Ступенью ниже располагалась категория работников, осуществлявших руководство важнейшими низовыми структурами, – номенклатура должностей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. На 1 июля 1952 г., также постоянно увеличиваясь, она составляла более 350 тыс. должностей¹³³.

Эти сотни тысяч функционеров составляли костяк аппарата и опору режима. Конечно, с подавляющим большинством из них Сталин никогда не встречался. Более того, аппарат партии-государства в определенной мере жил своей жизнью, на которую высшее руководство страны оказывало лишь относительное воздействие. В борьбе за выживание и карьерный рост чиновники искали пути обхода строгих правил централизации и занимались приписками. Нередко они злоупотребляли властью. Важным элементом политической практики сталинского периода были явления, которые на политическом жаргоне назывались «перегибами». Это был выход чиновников за рамки предписаний центра, радикализация ими тех или иных директив Москвы. Сильно преувеличивая значение этих процессов, ряд историков доказывают, что сталинская диктатура была неустойчивой, а многие приписываемые Сталину деяния (прежде всего массовые репрессии) на самом деле были стихийными, провоцировались и проталкивались снизу. Некоторые из этих историков полагают даже, что в отдельные моменты Сталин в силу обстоятельств вообще отстранялся от власти¹³⁴.

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 858. Л. 2–8.

¹³² *Игнатьев Семен Денисович* (1904–1983) – из крестьянской семьи, делал карьеру в комсомоле. После учебы в Промышленной академии в 1935 г. попал на работу в аппарат ЦК ВКП(б). Много лет возглавлял различные региональные партийные организации. В 1950 г. был выдвинут на важный пост заведующего отделом ЦК партии, который занимался руководящими кадрами. В 1951 г. в связи с арестами руководства Министерства госбезопасности СССР был назначен Сталиным новым руководителем этого ведомства. По приказу Сталина занимался фальсификацией различных политических дел. После смерти Сталина это чуть не стоило Игнатьеву карьеры и, возможно, жизни. Однако его поддержал Н. С. Хрущев. Игнатьев был направлен на работу в провинцию, а в 1960 г. – на пенсию.

¹³³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 29. Д. 3. Л. 2; Д. 16. Л. 94, 108.

¹³⁴ Эти экзотические теории начали разрабатываться западными историками-«ревизионистами» в 1980-е годы (См., например: Getty J. A. *Origins of the Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge, 1985). Много

Все это увлекательно, но несерьезно. Документы совершенно не подтверждают теории «слабого диктатора». Мы не знаем ни одного решения принципиального характера, принятого помимо Сталина. Мы не знаем ни одного, даже короткого периода, когда Сталин терял бы свою власть диктатора. Диктатура выработала вполне действенные методы контроля, социального и аппаратного манипулирования и принуждения, позволявшие добиваться реализации ключевых решений. Постоянные репрессии и кадровые чистки держали в неослабевающем напряжении общество и аппарат. Архивы позволили историкам оценить масштабы этого насилия в достаточно точных количественных показателях¹³⁵. По официальным секретным отчетам, за 1930–1952 гг. было расстреляно около 800 тыс. человек. Однако количество фактически уничтоженных людей было гораздо больше, поскольку в сталинских органах госбезопасности широко применялись приводившие к смерти пытки, а лагеря в отдельные периоды по условиям содержания заключенных фактически превращались в лагеря массового уничтожения, пусть и непреднамеренного. Около 20 млн человек за 1930–1952 гг. были осуждены к лишению свободы в лагерях, колониях и тюрьмах. По оценкам специалистов, не менее 6 млн человек (в основном «кулаки» и представители «репрессированных народов») в 1930–1952 гг. стали жертвами депортаций. Расстрелам, заключению в лагеря и ссылке каждый год сталинского правления подвергался в среднем один миллион человек.

Конечно, среди расстрелянных и направленных в лагеря было немало обычных уголовных преступников. Однако важно учитывать, что чрезвычайная жестокость законов и криминализация всех сфер социально-экономической и политической жизни приводили к тому, что в разряд «уголовников» нередко зачислялись обычные граждане страны, допуская незначительные проступки или попадавшие под удар различных политических кампаний. Более того, помимо 26 млн расстрелянных, заключенных и ссыльных, десятки миллионов человек были направлены на принудительные работы, арестовывались и содержались длительное время без суда в тюрьмах, изгонялись с работы и выселялись из своих домов как родственники «врагов народа» и т. д. Можно полагать, что различным «жестким» и «мягким» репрессиям за двадцать с небольшим лет сталинской диктатуры подверглись не менее 60 млн человек.

Важным дополнением к этому являются жертвы периодических голодовок и голода, от которого только в 1932–1933 г. погибло от 5 до 7 млн человек. В значительной мере вызванный политическими решениями, голод, как будет показано далее, способствовал подавлению сопротивления крестьян коллективизации.

Подводя итоги этим необходимым для понимания сути сталинской системы расчетам, можно утверждать, что под удар различных репрессий и дискриминационных мер в 1920-е – 1950-е годы попадала значительная часть населения страны¹³⁶. Без особого преувеличения можно утверждать, что речь шла о подавлении большинства привилегированным меньшинством, которое, впрочем, и само нередко попадало под удар террора.

Для достижения своих целей, в том числе для проведения массовых репрессий и выкачивания хлеба из голодающей деревни, режиму вовсе не был нужен аппарат, действовавший четко и ритмично по принципу часового механизма. Ограниченность централизации в огромной стране вполне компенсировалась широким применением метода кампаний, составлявших основу политической практики сталинизма. Внимательное изучение таких кампаний позволяет выявить их общий, многократно отработанный алгоритм. Все начиналось (и это важно

лет спустя построения западных ревизионистов были обнаружены и заимствованы некоторыми российскими историками (Жуков Ю. Н. *Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков*. М., 2000; Жуков Ю. Н. *Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг.* М., 2003). Однако и западные, и отечественные «ревизионистские» теории так и не были подкреплены фактами, оставаясь спекулятивными и политизированными.

¹³⁵ Об источниках приводимых далее подсчетов см.: Хлевнюк О. В. *Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры // История сталинизма. Итоги и проблемы изучения*. М., 2011. С. 63–65.

¹³⁶ Население СССР составляло в начале 1937 г. 162 млн, а в начале 1953 г. – 187 млн человек. Взрослого населения было, конечно, существенно меньше. Например, в 1937 г. около 100 млн.

подчеркнуть) с выдвижения центром (чаще всего Сталиным) целей кампании и распределения конкретных заданий. Затем происходила мобилизация аппарата на выполнение поставленных задач чрезвычайными методами, что предполагало широкое распространение «перегибов». В результате кампания доводилась до уровня кризиса, в высшей точке которого определялись пределы отступления – преодоления «перегибов». Отступление было задачей контркампании, своеобразного выхода из террора. На этом этапе репрессиям подвергались некоторые исполнители террора, превращенные в «козлов отпущения», и провозглашались формальные лозунги «восстановления законности». Ситуация стабилизировалась, цели кампании объявлялись достигнутыми. Такие методы приводили к уничтожению огромных материальных ресурсов и многочисленным человеческим жертвам. Однако в контексте сталинской системы кампании были вполне эффективным способом мобилизационной централизации.

Сам Сталин также не нуждался в жестком контроле над всеми звеньями партии-государства. Достаточно было держать в руках основные рычаги. Раньше других советских вождей Сталин понял, какие неограниченные преимущества в политической борьбе и укреплении единовластия дает личный контроль над органами госбезопасности. В значительной мере поэтому Сталин одержал победу и с тех пор никогда не выпускал рычаги управления карательными структурами из своих рук. Как будет показано в этой книге, непосредственному управлению органами ОГПУ-НКВД-МГБ Сталин уделял значительную часть своего времени, а в отдельные периоды, например во время террора 1937–1938 гг., – большую часть. Он лично инициировал все основные репрессивные кампании, разрабатывал их планы и тщательно контролировал выполнение. Он непосредственно направлял фабрикации многочисленных политических судебных процессов и «дел», а в ряде случаев был автором их сценария. Он вдумчиво и внимательно, как свидетельствуют пометы, читал протоколы допросов арестованных, которые присылались ему в огромных количествах. Он лично санкционировал расстрелы множества людей – как незнакомых, так и тех, с кем был лично знаком.

Помимо многочисленных «обычных» функций, чекисты выполняли для Сталина особую, «деликатную» работу.

5 мая 1940 г. специальная группа госбезопасности похитила при выходе из дома жену заместителя наркома обороны СССР маршала Г. И. Кулика¹³⁷ Кулик-Симонич. Ее тайно перевозили в тюрьму, долго допрашивали, а затем тайно расстреляли. Жена Кулика происходила из семьи высокопоставленного царского чиновника. Многие ее родственники были расстреляны, некоторым удалось скрыться за границей. С одним из предыдущих мужей, обвиненным в валютных операциях, Симонич провела некоторое время в ссылке. Чекисты, сообщавшие все эти компрометирующие материалы Сталину, приписывали Симонич многие другие грехи, в том числе связи с иностранцами. Сталин посоветовал Кулику развестись с женой. Однако маршал уперся. Тогда Сталин отдал приказ ликвидировать Симонич без лишней огласки. Обнаружив пропажу жены, Кулик позвонил наркому внутренних дел Берии. Тот отрицал причастность своего ведомства к исчезновению Симонич, однако Кулик не поверил Берии и начал добиваться правды. Тогда его вызвали в ЦК партии и в ходе трехчасового допроса строго предупредили, чтобы он не «клеветал» на органы госбезопасности. Более того, Кулику было заявлено, что его жена, возможно, шпионка, сбежавшая под угрозой разоблачения¹³⁸ Кулик сдался.

¹³⁷ Кулик Григорий Иванович (1890–1950) – воевал со Сталиным в годы гражданской войны. При покровительстве Сталина делал успешную военную карьеру. В 1940 г. стал маршалом. Во время Великой Отечественной войны Кулик, как и многие другие командиры времен гражданской войны, проявил себя не с лучшей стороны. В 1942 г. он был отдан под суд и понижен в звании. Занимал второстепенные командные должности. Доверия Сталина скомпрометированный Кулик не вернул. В 1947 г. он был арестован вместе с некоторыми другими генералами, критиковавшими Сталина в откровенных разговорах друг с другом. В 1950 г. расстрелян.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 17. Л. 128–148. Письма председателя Комиссии партийного контроля А. А. Андреева. Сталину о деле Кулика. Май 1940 г.; Столяров К. А. *Палачи и жертвы*. М., 1998. С. 272–276.

В настоящее время известно несколько тайных убийств, организованных в тех случаях, когда Сталин не считал возможным прибегать к открытым арестам. За год до убийства Кулик-Симонич, в июле 1939 г., были ликвидированы советский посол в Китае и его жена. Специально подобранные чекисты разбили им головы молотками, а потом инсценировали автомобильную катастрофу¹³⁹. Аналогичным образом был уничтожен в начале 1948 г. один из лидеров еврейской общины С. Михоэлс¹⁴⁰, человек известный и популярный на Западе и в СССР. Сотрудники МГБ задавили Михоэлса грузовиком и представили это как несчастный случай. Существуют достоверные доказательства того, что убийство Михоэлса было санкционировано Сталиным¹⁴¹. Этим не исчерпывается ряд подобных актов индивидуального террора¹⁴². Спецубийства совершались не только внутри страны, но и за рубежом. Самое известное из них – ликвидация Троцкого в Мексике в 1940 г.

В архивах сохранилось множество документов, отражающих роль Сталина в репрессиях. Они создают устойчивое впечатление, что он участвовал в организации террора не просто в силу «служебной необходимости». Эта наиболее темная и кровавая сторона власти явно притягивала его, вызывала огромный интерес, соответствовала душевному состоянию. Погружение в мир террора, провокаций и убийств питало и усиливало патологическую подозрительность Сталина. Движимый страхами и уверенностью в вездесущности врагов, он с легкостью применял насилие в самых значительных масштабах. Несомненно, эти сталинские качества были важнейшим фактором карательной политики государства в 1920-е – 1950-е годы¹⁴³.

Опираясь на карательные органы, Сталин, однако, не превращался в их заложника. Поручая госбезопасности самые грязные дела, Сталин не питал иллюзий относительно этого обоюдоострого «меча революции». Основным методом удержания чекистов в узде были периодические кадровые чистки и репрессии. У Сталина на этот счет была своя теория, однажды в порыве откровенности высказанная им министру госбезопасности Игнатьеву: «У чекиста есть только два пути – на выдвижение или в тюрьму¹⁴⁴. Этот принцип последовательно и постоянно использовался на практике. В 1930-е – 1950-е годы чекистское ведомство неоднократно подвергалось кровавым чисткам. Новые палачи уничтожали старых, чтобы затем самим попасть в пыточные камеры.

Уже многие десятилетия продолжается спор об истоках сталинской диктатуры и ее невероятной жестокости. Многие не без оснований находят первопричину в большевистской революции 1917 г., открывшей перед Сталиным путь к единоличной власти.

¹³⁹ Столяров К. А. *Палачи и жертвы*. С. 267–271.

¹⁴⁰ *Михоэлс Соломон Михайлович* (1890–1948) – режиссер и актер, общественный деятель. В годы Великой Отечественной войны возглавлял советский Еврейский антифашистский комитет, усилиями которого была мобилизована широкая поддержка СССР в западных странах. Свидетельством признания заслуг Михоэлса было присуждение ему сразу после завершения войны Сталинской премии, высшей награды для творческих работников. Однако вскоре Михоэлс стал одной из первых жертв изменения внешнеполитических ориентиров Сталина и развертывания антисемитской кампании в СССР.

¹⁴¹ Костырченко Г. В. *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*. М., 2001. С. 388–392.

¹⁴² Петров Н. В. *Палачи*. М., 2011. С. 66–68.

¹⁴³ В литературе неоднократно ставился вопрос о патологической склонности Сталина к насилию как важном факторе политики террора. Из последних работ см.: Баберовски Й. *Выжженная земля. Сталинское царство насилия*. М., 2014.

¹⁴⁴ Петров Н. В. *Палачи*. С. 307. Игнатьев рассказал об этом в своих показаниях, данных 27 марта 1953 г., после смерти Сталина.

Глава 2 За Лениным, без Ленина

«Правый» большевик

Новый шанс в жизни Сталина и других большевиков появился неожиданно. Историки часто рассуждают о том, в какой мере стихийными были волнения в Петрограде в конце февраля 1917 г. Некоторые намекают на присутствие в рядах демонстрантов каких-то организаторов из числа профессиональных революционеров. Однако никто не берется утверждать, что Февральская революция была заранее организованным выступлением революционных сил. Все происходило неожиданно и стихийно. Мировая война, продолжавшаяся уже почти четыре года, привела к социальному взрыву. Какое-то время царь и его окружение не понимали всей серьезности февральских событий. Ленин в эмиграции узнал о революции с опозданием из западных газет. Сталин в сибирской ссылке узнал о революции тоже поздно, так как местные власти выжидали и запрещали печатать в газетах сообщения из Петрограда.

Отречение царя вызвало массовое ликование. В начале марта 1917 г. в Ачинске, где находился в то время Сталин, собрание с участием ссыльных революционеров приняло приветственное обращение к брату царя великому князю Михаилу, который также отказался от престола и тем самым формально ликвидировал монархию. Сталин по каким-то причинам не присутствовал на этом митинге. Однако один из его ближайших товарищей Л. Б. Каменев¹⁴⁵ играл на нем важную роль. В 1925 г., когда Сталин и Каменев оказались по разные стороны баррикад в борьбе за власть, Сталин напомнил старому товарищу об этом порыве. Теперь Сталин трактовал приветствие великому князю как серьезную политическую ошибку Каменева. В 1917 г. он вряд ли думал столь же категорично. Приветствие отражало преобладающие настроения и эмоции, опьянение свободой и надеждами. Охваченные ими Сталин, Каменев и другие освобожденные революцией ссыльные прибыли в революционный Петербург.

Потребовалось какое-то время, пока Сталин и его товарищи по партии сориентировались в ситуации и заняли свое место в новой системе легальной революционности. В столице они застали двоевластие. Российский парламент (Государственная дума) сформировал Временное правительство. В него вошли в основном представители либеральных партий, выступавших за создание в России парламентской республики западного типа. Однако значительная часть реальной власти находилась в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Это был орган революционной власти, опиравшийся на восставших рабочих и, главным образом, солдат Петроградского гарнизона. Руководили Советом представители социалистических партий – социал-демократов (меньшевиков) и социалистов-революционеров (эсеров). Это были наиболее влиятельные силы революционного лагеря, которым остальные партии, включая большевиков, значительно проигрывали на начальном этапе революции. Эсеры и меньшевики задавали тон в понимании текущих задач и перспектив революции. Они считали февральские события буржуазной революцией, которая откроет длительный период буржу-

¹⁴⁵ *Каменев Лев Борисович* (1883–1936) – родился в семье инженера, учился на юридическом факультете Московского университета. Исключен из университета за революционную деятельность. Входил в число ближайших соратников Ленина. Со Сталиным познакомился во время революционной работы в Закавказье. После революции 1917 г. Каменев занимал различные руководящие должности в советском правительстве. После смерти Ленина был одним из лидеров оппозиции. Победивший Сталин расправился со своим давним другом. Каменева вместе с другими оппозиционерами в конце 1934 г. арестовали по беспочвенному обвинению в причастности к убийству Кирова. В августе 1936 г. Каменев был объявлен шпионом и террористом на первом «большом» московском процессе. Расстрелян.

азно-демократического развития России. Они полагали, что на данном этапе у власти должны стоять партии либеральной буржуазии, а принципиальные вопросы устройства новой России решит Учредительное собрание. Социализм считался делом отдаленного будущего. Не России, а другим, более развитым капиталистическим странам предстояло вести народы мира по социалистическому пути.

Конечно, российские социалисты не собирались отказываться от попавшей в их руки реальной власти и, тем более, не были догматиками, следовавшими доктрине. Скорее, их нужно считать реалистами и прагматиками, хотя недостаточно искушенными и решительными политиками. Они вполне осознавали угрозы, нависшие над страной, главной из которых была гражданская война, страшный и кровавый всеобщий бунт, способный поставить Россию, как это уже бывало в ее истории, на грань катастрофы и распада. Миллионы уставших от мировой войны и озлобленных людей с оружием в руках представляли собой самое красноречивое свидетельство такой угрозы. Препятствовать гражданской войне всеми силами – только такой могла быть в 1917 г. позиция ответственного политика. Сохранение гражданского мира позволяло избежать многочисленных жертв, было залогом надежд на лучшее будущее. Социалисты, возглавлявшие Советы, считали своим долгом гасить революционные эксцессы, сотрудничать с буржуазией и представлявшим ее интересы Временным правительством. Это было сотрудничество с позиций разумной силы. Гражданский мир – превыше всего. Официальная компромиссная формула этой политики гласила: поддержка Временного правительства постольку, поскольку оно будет продвигать вперед дело революции.

Несмотря на свой радикализм, многие большевики фактически разделяли такие умеренные, «правые» позиции. Одним из лидеров «правых» был Каменев, с которым Сталина связывали давние дружеские отношения. «Здравствуй, друже! Целую тебя в нос, по-эскимосски. Черт меня дерит. Скучаю без тебя чертовски. Скучаю – клянусь собакой! Не с кем мне, не с кем по душам поболтать, черт тебя задавит», – так выражал Сталин свои чувства в письме Каменеву в декабре 1912 г.¹⁴⁶ В общем, не было ничего удивительного в том, что Сталин и Каменев в начале революции являлись единомышленниками.

Пока Ленин и многие другие видные большевики оставались в эмиграции, Каменев и Сталин играли важную роль в руководстве партией в России. Прибыв в Петроград, они фактически взяли под свой контроль газету большевиков «Правда». Именно она стала рупором пропаганды умеренной программы. Несмотря на различные оговорки, эта программа исходила из исторической обусловленности прихода либеральной буржуазии к власти и отдаленной перспективы социализма. Она провозглашала условную поддержку Временного правительства. Каменев и Сталин вошли в руководство Петроградского Совета, где взаимодействовали с другими социалистами. Более того, большевики начали переговоры о возможности объединения с левым крылом меньшевиков.

Важно отметить, что Каменеву и Сталину с самого начала приходилось отстаивать свои взгляды в борьбе с Лениным. Недовольный линией «Правды», Ленин требовал изменения лозунгов. В материалах, посланных из эмиграции в Россию, он отстаивал радикальный курс: объявил войну Временному правительству, настаивал на подготовке социалистической революции. Каменев и Сталин, скорее всего, искренне не понимали намерений Ленина, объясняли его радикализм оторванностью от российских реалий. Совместно они отбивали атаки. Полученная от Ленина статья была опубликована в «Правде» с существенными купюрами¹⁴⁷.

Позиция Ленина, однако, была основана на достаточно точном политическом расчете. Умеренные взгляды Каменева и Сталина открывали дорогу сотрудничеству основных социалистических партий. С точки зрения перспектив революции и судеб страны такое сотрудничество

¹⁴⁶ *Большевицкое руководство*. С. 16.

¹⁴⁷ Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. Т. 31. М., 1969. С. 11–22, 504.

и совместное сдерживание радикализма было единственно правильным. С точки зрения перспектив прихода большевиков к единоличной власти – губительным. Участие в коалиции, даже в качестве оппозиционеров, связывало бы большевикам руки, лишало их поддержки радикальной части населения. Это совершенно не устраивало Ленина, что в конечном счете решило судьбу «правого» большевизма.

Известия о революции в России Ленин встретил с готовым рецептом действий. Много было продумано заранее и являлось результатом предшествующей политической борьбы. Ленин делал ставку на приход к власти до того, как ситуация хотя бы относительно стабилизируется. Его историческим временем был период революционного подъема, хорошо известный по опыту других революций. Подталкивая радикализацию, Ленин уже на начальном, сравнительно умеренном этапе революции выдвинул крайнюю программу, до которой революции еще предстояло дорасти или, при счастливом стечении обстоятельств, не дорасти вовсе. Ленин играл на опережение. Такая стратегия имела очевидные преимущества для партии, ставящей своей главной целью быстрое получение власти. Выдвижение радикальных целей, которые многими воспринимались не иначе как авантюра, обеспечивало такой партии необходимую изоляцию в политическом пространстве. С ней никто не хотел вступать в коалиции, но зато у нее самой были полностью развязаны руки. Радикальная программа служила хорошим способом подавления умеренных сил внутри партии и мобилизации ее наиболее решительных элементов. Вначале отторгаемая массами, по мере углубления разрыва между надеждами и реальностью, нарастания трудностей и нетерпения такая программа должна была привлечь многих.

Узнав о революции, Ленин начал энергичную подготовку отъезда из Швейцарии в Россию. Он в полной мере продемонстрировал свою решительность и боевой настрой. Заключив соглашение с германскими властями о проезде в Россию через враждебную Германию, Ленин сильно рисковал. Обвинения в пособничестве врагу, если не в шпионаже, были вероятной платой за этот решающий шаг. Однако цель оправдывала средства. До Петрограда нужно было добраться, и Ленину это удалось. Сойдя с поезда, Ленин публично огласил свою программу действий.

Он заявил, что большевики должны отказаться в поддержке Временному правительству и бороться за социалистическую революцию, за передачу власти «в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства», что фактически означало «в руки большевистской партии». Буржуазно-демократический строй, не успев установиться в результате Февральской революции, по мнению Ленина, сразу же изжил себя. На смену парламентской республике должна прийти республика Советов. Под руководством большевиков эта республика проведет социалистические преобразования. Первоначально Ленин назвал лишь несколько важнейших: национализация земли и превращение крупных поместий в образцовые хозяйства под контролем Советов, национализация банков или даже их слияние в единый национальный банк. В соответствии с новыми задачами и для окончательного размежевания с другими социалистами Ленин предложил переименовать партию большевиков из социал-демократической в коммунистическую¹⁴⁸.

Ленинские тезисы встретили серьезный отпор не только вне, но и внутри большевистской партии. Причины этого очевидны. Фактически Ленин предложил не продуманную программу реальных мер, а лозунг захвата власти. Как воспользоваться этой властью в случае успеха? Что значит социализм в условиях России? Где гарантии, что революция, начавшись в России, охватит и более развитые страны? Ответы на эти вопросы подменялись фразерством и откровенной политической демагогией. Пока же было ясно, что ленинский курс разжигал гражданскую войну, первые признаки которой и без того были налицо. Согласно мемуарным свидетельствам, во время одного из выступлений Ленина сразу после приезда в Петроград его бывший близкий товарищ по партии выкрикнул с места: «Ведь это бред, это бред сумасшед-

¹⁴⁸ Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. Т. 31. С. 103–112.

шего!»¹⁴⁹ Большевики, окружавшие Ленина в 1917 г., не могли позволить себе такие высказывания, даже если тоже считали заявления Ленина бредом. Однако на собраниях руководящих большевистских органов в начале апреля ленинские тезисы отклонялись большинством голосов. Против Ленина продолжал выступать и Сталин, не говоря уже о Каменеве.

Очевидно, что резко отрицательная реакция политических противников вне партии Ленина вполне устраивала. Он сознательно шел на конфронтацию и размежевание со всеми действовавшими в стране политическими силами. Однако свою собственную партию Ленину предстояло усмирить. Это еще не было то усмирение, которое практиковал Сталин, когда превратился в диктатора. Иной пока была партия. Иной – ситуация в стране, охваченной революцией и демократией. Иным был партийный вождь. Ленин маневрировал, совмещая твердость и непримиримость с уступками и компромиссами. Частью этих маневров было привлечение на свою сторону «правых» большевиков, в том числе и прежде всего – Сталина и Каменева. Ленин действовал осторожно, позволяя оппонентам сохранить свое лицо, не загонял их в угол, а, наоборот, захватывал в «дружеские объятия». В отношении Сталина такая тактика дала блестящие результаты. Что бы ни думал Сталин на самом деле, он очень быстро пошел за Лениным.

Безусловным свидетельством их тесного сотрудничества была рекомендация, данная Лениным во время выборов нового состава ЦК на партийной конференции в апреле 1917 г.: «Тов. Коба мы знаем очень много лет [...] Хороший работник во всяких ответственных работах»¹⁵⁰. Благодаря поддержке, Сталин был избран в ЦК с третьим результатом после Ленина и Зиновьева¹⁵¹. Сталин еще раз сумел убедиться, какое огромное влияние Ленин имел в партии. Преодолев колебания, Сталин твердо и последовательно двинулся за сильнейшим.

Был ли это карьерный выбор, или Сталин действительно понял и принял ленинские лозунги? С точки зрения характеристики личности Сталина вопрос об истоках его «умеренного» большевизма имеет принципиальное значение. Очевидно, что позиция, занятая Сталиным в марте-апреле 1917 г., противоречит образу изначально радикального, не склонного к компромиссам властолюбца. Было ли это несоответствие вызвано влиянием Каменева? Или Сталин попал под влияние социалистов в Петроградском совете, где он мог найти радушный прием со стороны своих земляков, грузинских меньшевиков? Возможно ли, что Сталин еще не ощущал себя самостоятельной политической фигурой и должен был следовать за кем-то? Но тогда почему он не сразу встал под знамена Ленина, получив его письма из Швейцарии? Выиграло самолюбие и нежелание признавать «ошибки»? Быть может, Сталин действительно был «умеренным» в начале 1917 г., а затем под давлением обстоятельств менялся, как менялись и многие другие? У нас нет надежных источников, позволяющих ответить на эти вопросы. Поэтому просто зафиксируем факт: Сталин не всегда был радикальным большевиком. Его «умеренность» и «правизна» проявится еще раз после смерти Ленина, когда лидеры партии будут решать, каким путем вести огромную, отрезанную от мира страну к социализму.

¹⁴⁹ Суханов Н. Н. *Записки о революции*. Т. 2. Кн. 3. М., 1991. С. 16.

¹⁵⁰ *Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы*. М., 1958. С. 323.

¹⁵¹ *Зиновьев Григорий Евсеевич* (1883–1936) – один из ближайших соратников Ленина. После революции возглавлял Ленинградскую партийную организацию и Коминтерн. После смерти Ленина претендовал на лидерство в партии, был одним из руководителей оппозиции. Потерпев поражение, подвергался преследованиям. В 1934 г. вместе с Каменевым был арестован за вымышленную причастность к убийству Кирова. В августе 1936 г. вместе с Каменевым осужден к расстрелу на первом «большом» московском процессе.

Сталин и революция Ленина

Эскалация революции не отличалась в России особым своеобразием. Стоящие у власти умеренные революционные силы были охвачены стремлением избежать гражданской войны. Они маневрировали, опаздывали, совершали ошибки и глупости. Все более нетерпеливые массы обращали свой взгляд на тех, кто обещал много и быстро. Большевистская пропаганда в этих условиях шла от успеха к успеху. Требования немедленного мира, немедленной экспроприации крупной земельной собственности в пользу крестьян, немедленного рабочего контроля в промышленности были лозунгами, привлекательными для многих. Как обычно бывает во время революций, мало кто требовал от большевиков разъяснения практической сути их программы. Массами двигала новая вера. Да и сами большевики все реже задавали неудобные вопросы своему вождю: что же потом, каким будет даже не десятый, а второй шаг? Ленин с невероятной энергией вел партию на штурм власти, обещая, что социализм как-то решит все проблемы. «Главное – ввязаться в бой», – этот лозунг был написан теперь на знамени ленинской партии. «Там будет видно», «хуже не будет» – гласила народная мудрость, которой руководствовались миллионы приверженцев большевистских обещаний. Не в первый и не в последний раз в истории нетерпеливому большинству предстояло жестоко обмануться.

Сталин был одним из тех большевистских лидеров, которые поддержали Ленина, не требуя от него объяснений. Отбросив сомнения о применимости социализма в среднеразвитой России, Сталин взял на вооружение ленинские идеи: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму [...] Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»¹⁵². «Почва творческого марксизма» оказалась настолько удобной, что Сталин обосновался на ней навсегда. Она позволяла манипулировать теоретическими догматами в интересах текущих политических потребностей. В 1917 г., отбросив сомнения «правого» большевизма, Сталин принял ленинский радикальный курс на захват власти и введение социализма. В этом решении он был тверд. Замеченные исследователями несовпадения в высказываниях Ленина и Сталина не носили принципиального характера. Сталин, скорее, не успевал за слишком частыми поворотами ленинской тактики. Ничего удивительного. Кажется, что и Ленин не успевал за самим собой.

Взяв с самого начала курс на власть, Ленин маневрировал. В изменчивой и запутанной революционной ситуации было трудно прогнозировать ход событий и точно выбрать момент решающего удара. Тактика большевиков заключалась в том, чтобы подталкивать революцию вперед, но до нужного момента не переступать грань легальности. Открытое восстание против Временного правительства и Советов могло вызвать ответный удар. Плод должен созреть. Однако такая тактика имела очевидные слабости. Не испытывая на прочность позиции противника, трудно понять степень его и собственной силы. Опираясь на радикальные слои рабочих и солдат, большевики должны были демонстрировать им свою решительность не только на словах, но и на деле. Иначе говоря, держать свою армию в состоянии постоянной мобилизационной готовности, проводить «боевые учения», одно из которых вполне могло оказаться реальным сражением.

Эта двойственность тактики большевиков была не единственной, но важнейшей причиной периодических волнений петроградских солдат и рабочих. Самое крупное из них произошло в начале июля 1917 г. На улицы города вышли вооруженные солдаты, матросы и рабочие отряды. Они двигались под большевистскими лозунгами свержения Временного правительства. Пролилась кровь. Большевики подталкивали это выступление, хотя и отказались открыто

¹⁵² Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 250. Выступление Сталина 3 августа.

взять на себя руководство им. Это, однако, мало кого обмануло. Всем, включая самих большевиков, было ясно, что они несут ответственность за попытку мятежа. Спорным оставался вопрос о мере ответственности, и историки продолжают обсуждать его до сих пор. Провал июльского выступления показал относительную силу правительства. Оно, как сумело, воспользовалось этой силой для нанесения контрудара. Он оказался хаотичным и непоследовательным. Ленина объявили шпионом, получающим от Германии деньги на революцию. По этому вопросу власти открыли следствие. Обвинения в организации беспорядков дали основания для частичных репрессий. Были закрыты и разгромлены газеты и штаб большевиков, арестованы некоторые их активисты. По иронии судьбы среди арестованных оказался «умеренный» Каменев. Ленин и Зиновьев перешли на нелегальное положение.

Менее известный правительству Сталин оказался вне списка преследуемых. Он чувствовал себя в такой безопасности, что даже предложил Ленину некоторое время переждать в своей квартире. Точнее, в квартире старых знакомых Сталина, большевиков Аллилуевых. Сталин занимал в ней одну из комнат. Дружба с Аллилуевыми была давней и крепкой. Вскоре Сталин женился на их дочери, совсем юной Надежде.

Из Петербурга Ленин и Зиновьев перебрались в пригород на станцию Разлив. Сталин был рядом. Он сопровождал Ленина на вокзал. В Разливе Ленина и Зиновьева прятала семья симпатизирующего большевикам рабочего Н. А. Емельянова. Ленин и Зиновьев жили на чердаке в сарае Емельяновых. Потом под видом работников, нанятых для сенокоса, перебрались в более безлюдное место, где поселились в шалаше. В августе Ленин переехал еще дальше, в Финляндию. Все эти месяцы, с июля по октябрь, Сталин не встречался с Лениным. Однако по мере формирования культа Сталина появилось утверждение, что такие встречи были, и даже не одна, а две. Эту легенду подтвердил главный свидетель – рабочий Емельянов.

Судьба Емельянова, как и многих других революционеров, оказалась трагической. Он и трое из его сыновей были арестованы в 1930-е годы. Двое сыновей были расстреляны, один вышел на свободу только после смерти Сталина. Старшего Емельянова отправили в ссылку в Сибирь. В июне 1945 г. он обратился к Сталину за разрешением вернуться на родину. О своих заслугах Емельянов упомянул типичной для сталинского времени формулой: «В 1917 г. Вы спасли жизнь Владимиру Ильичу Ленину, поручив мне скрыть его в шалаше». Письмо было доложено лично Сталину¹⁵³. Через некоторое время Емельянову позволили вернуться в Разлив и даже работать в созданном здесь ленинском музее. Можно не сомневаться, что это решение было принято по личному указанию Сталина. Емельянов «вспомнил», что Сталин дважды приезжал к Ленину. Этот «факт» был внесен в официальную биографию вождя¹⁵⁴. Несмотря на это, Емельяновы подверглись новым преследованиям. В 1952 г. 81-летний Емельянов обратился с очередными просьбами к Сталину и в правительство. Он жаловался, что местные власти вновь отобрали принадлежавшие ему дома. На запрос из Москвы руководители Ленинграда ответили, что «семью Емельяновых в Разливе оставлять нельзя по режимным соображениям»¹⁵⁵. Окончательная реабилитация Емельяновых произошла только после смерти Сталина.

В отсутствие Ленина Сталин и другие руководители большевиков продолжали укрепление партийных рядов. Уже в конце июля 1917 г. был созван очередной шестой съезд партии. Сталин играл на нем важную роль, выступал с докладами. Политические обстоятельства благоприятствовали большевикам. Вполне оправившись от непоследовательных репрессий Временного правительства, они начали укреплять свои позиции. На руку большевикам были метания и

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 890. Л. 8.

¹⁵⁴ Подробное исследование этих событий, в том числе на основе новых документов, см.: Логинов В. Т. *Неизвестный Ленин*. М., 2010. С. 261–264.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 87. Д. 1238. Л. 1–4; Оп. 86. Д. 3451. Л. 49–53.

многочисленные ошибки лидера Временного правительства А. Ф. Керенского. В августе 1917 г. он спровоцировал конфликт с главнокомандующим российской армией генералом Л. Г. Корниловым. По наущению Керенского Корнилов двинул на Петроград надежные воинские части для «наведения порядка». Однако затем, опасаясь усиления Корнилова, Керенский объявил его мятежником. Корниловское выступление отвлекло внимание от большевиков. Более того, большевики выступили как одна из сил, противодействующих корниловцам. Активисты большевиков постепенно были выпущены из тюрем. Правда, Ленин оставался в подполье.

В сентябре и октябре власть Временного правительства и влияние поддерживающих его Советов во главе с меньшевиками и эсерами заметно ослабевали. Акции большевиков, наоборот, росли. Ленин считал обстановку созревшей для восстания и захвата власти. Однако, как и ранее, он столкнулся с определенным противодействием внутри партии. Наиболее видными фигурами среди противников вооруженного захвата власти были Каменев и Зиновьев. Однако большинство лидеров партии, в том числе Сталин, поддерживали Ленина. Понимая, что личное присутствие поможет сломить сопротивление, Ленин нелегально перебрался в Петроград. Решающее голосование по вопросу о восстании произошло на собрании ЦК большевиков 10 октября 1917 г. Каменев и Зиновьев оказались в меньшинстве, но не сдались. На следующий день они обратились с письмом к более широкому кругу партийных активистов.

Оппоненты Ленина были вполне убедительны. Они били по наиболее уязвимым точкам позиции Ленина. Отрицали, что за большевиками шло большинство народа. Отрицали угрозу реальной контрреволюции: Временное правительство «расшатано». Напоминали, что между провозглашением популярных лозунгов и необходимостью их реализации в случае прихода к власти лежит огромная дистанция. Германия, очевидно, отвергнет мир на большевистских условиях, а вести «революционную войну» солдаты, столь же очевидно, не захотят. «Солдатская масса отхлынет от нас». Они отклоняли намеки Ленина о скорых революциях на Западе как предположительные. Предлагаемая Каменевым и Зиновьевым стратегия действий была в конечном счете направлена на предотвращение гражданской войны за счет сосуществования большевиков с иными политическими силами. Уже получив большинство во многих Советах, нужно бороться за мандаты в Учредительном собрании. Потому что «только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное собрание. Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем». Ход событий гарантировал значительное, если не преобладающее влияние большевиков в этих легальных органах власти. В случае же поражения вооруженного восстания большевиков последствия будут намного хуже, чем последствия июльских событий, предупреждали оппоненты Ленина¹⁵⁶.

Продвижение к цели путем мирного завоевания легальных институтов власти не выглядело утопичным, а тем более авантюристическим. Однако Ленина такой сценарий не устраивал. Трудно понять, насколько он верил в то, что большевиков, не выступи они первыми, задумит контрреволюция. С большей уверенностью можно утверждать, что Ленин не хотел участия большевиков в легальном политическом процессе. Вооруженный захват власти был лучшим, если не единственным способом разрушения потенциальной угрозы вынужденной коалиции с меньшевиками и эсерами, ликвидации фактора Учредительного собрания, выборы в которое ожидалось в ближайшие недели. Предложения Зиновьева и Каменева о серьезной борьбе за мандаты в Учредительном собрании отражали преобладающее в стране и официально разделяемое большевиками признание важной роли этого российского парламента. Сталин, как и другие большевики, участвовал в выборах. Красноречивая деталь: 18 октября 1917 г., в напряженные дни подготовки вооруженного захвата власти, Сталин не забыл послать в Кавказскую

¹⁵⁶ *Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918.* М., 1958. С. 87–92. Заявление Зиновьева и Каменева от 11 октября 1917 г.

окружную комиссию по выборам в Учредительное собрание телеграмму о своем согласии баллотироваться по списку большевиков¹⁵⁷.

Явно не раскрывая своих истинных расчетов, подменяя практические вопросы публицистическим многословием и лозунгами, Ленин упрямо, десятки раз повторял лишь одно: нужно и можно взять власть силой и уже сейчас. Что будет там, после новой революции? Этот вопрос приводил в смятение кого угодно, только не Ленина. Ленинская настойчивость и категоричность на самом деле были единственным аргументом в пользу восстания. Однако для партии, пусть и не монолитной, но ориентированной на вождя, уставшей от неопределенности и споров, упорство Ленина оказалось решающим. Большинство историков, какие бы позиции они ни занимали, согласны с тем, что без Ленина Октябрьская революция большевиков вряд ли бы состоялась.

Уверенные (и, как показали последующие события, не без оснований) в своей правоте, Зиновьев и Каменев решились на отчаянный шаг. Не имея доступа к большевистской прессе, Каменев опубликовал в одной из небольшевистских газет заметку с изложением взглядов оппозиционеров. Ленин был в бешенстве. Он потребовал исключить Каменева и Зиновьева из партии. Сталин был одним из тех, кто выступил против таких жестких мер. Более того, в редактируемой им главной большевистской газете в ответ на демарш Ленина Сталин поместил письмо Зиновьева и редакционный комментарий примиряющего характера. Инцидент «можно считать исчерпанным», «в основном мы остаемся единомышленниками», – говорилось в комментарии¹⁵⁸. Это был один из немногих случаев, когда Сталин в столь важном вопросе открыто пошел против Ленина. Чем объяснялась эта фронда? Означала ли она, что Сталин так до конца и не изжил иллюзии «правого» большевизма? Исключить это нельзя. Хотя Сталин следовал за Лениным и критиковал позицию Каменева и Зиновьева, в глубине души он вполне мог разделять их опасения. Свою роль, скорее всего, сыграли и другие факторы. Важнейший среди них – фактор Троцкого.

Л. Д. Троцкий, один из активных деятелей российской социал-демократии, всегда занимал в ней особую позицию и претендовал на роль внепартийного лидера. До революции он нередко сталкивался с Лениным, обмениваясь с ним крайне резкими и грубыми выпадами. Однако многое как отталкивало, так и тянуло этих людей друг к другу. Оба были фанатично поглощены идеей социалистической революции и доказывали ее скорую возможность. Оба были решительны и всегда готовы к рискованным шагам. Как и Ленин, Троцкий узнал о революции в эмиграции, в США. Он с трудом добрался до России только в мае и сразу же бросился в гущу борьбы. Ораторские и организаторские таланты, а также репутация революционера (Троцкий был одним из лидеров Советов в годы первой русской революции 1905 г.) способствовали его признанию. Осмотревшись, Троцкий понял, что в революции 1917 г. он является естественным союзником Ленина. Ленин пришел к тому же выводу. Между ними был быстро заключен не обремененный условиями союз. Троцкий присоединился к большевикам. Ленин получил твердого соратника, готового словом и делом, без колебаний бороться за захват власти. Влияние Троцкого быстро росло, он выдвигался в центр событий – в сентябре возглавил большевизировавшийся Петроградский Совет, играл важную роль в подготовке восстания.

Такое положение не могло радовать старых большевиков, даже если они признавали значение Троцкого для укрепления позиций партии. Троцкий оставался чужаком, к тому же амбициозным. Сталин вряд ли воспринимал Троцкого иначе, хотя бы потому, что во многих отношениях проигрывал новоявленному большевистскому лидеру. В отличие от Троцкого, державшего в напряжении многотысячные митинги, Сталин плохо выступал публично, в то время как в горячке революции именно слова ценились более всего. В отличие от Троцкого,

¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 66. Л. 1.

¹⁵⁸ *Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918.* С. 115.

Сталин не был ярким публицистом и генератором формул. А именно формулы, маскирующие истинные намерения политиков и обеспечивающие победу в соревновании демагогий, приводили в движение захваченные революцией массы. Выдвижение Троцкого инстинктивно толкало старых соратников Ленина к сплочению. С кем бы остался Сталин, если бы позиции Каменева и Зиновьева оказались серьезно ослаблены? Предпосылки анитроцкистского союза большевистских олигархов, всплывшего на поверхность после ухода Ленина, складывался в бурные месяцы 1917 г.

Вряд ли Ленин не понимал сути тех уже вполне бюрократических столкновений, которые происходили вокруг него. Заинтересованный в сплочении сил и, несомненно, в системе противовесов в руководстве партии, он уступил. Каменев и Зиновьев сохранили свои позиции. События переросли скандал. Ленин добился своего. В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. большевики арестовали Временное правительство и сформировали свое собственное – Совет народных комиссаров. Ленин стал его председателем, Сталин – наркомом по делам национальностей.

После утверждения Сталина у власти официальная советская пропаганда объявила его и Ленина вождями революции. Политические противники, прежде всего Троцкий, указывали на ничтожность сталинской роли. Серьезных аргументов в пользу обеих этих крайне политизированных версий нет. Очевидно, что Сталин не был лидером революции. Однако как один из большевистских руководителей, член ЦК партии и редактор главной партийной газеты он выполнял важные обязанности. Он пошел за Лениным. Этим определялось его место в революции. Что мог вынести Сталин из своего опыта борьбы за реальную власть? Видимо, прежде всего нужно назвать воздействие ленинской решительности, упорного продавливания намеченной программы действий. Через десять лет, проводя «революцию сверху», очередной коренной перелом в жизни многострадальной России, Сталин в полной мере продемонстрировал собственные умения действовать столь же решительно. У Ленина он позаимствовал метод политического авантюризма. Главное – взять и удержать власть, а что делать дальше, подскажут обстоятельства. Сталин всегда твердо следовал этому принципу, что позволяло ему действовать максимально жестко и без сдерживающих колебаний. Проталкивая свою революцию в конце 1920-х, Сталин, подобно Ленину, сделал ставку на стратегию опережающей радикальности. Так же как и Ленину, она принесла ему успех.

Милитаризация партии

Сила Ленина заключалась в том, что он совсем не боялся гражданской войны. Более того, он считал ее естественным способом перехода к социализму. И это было верно. Ожидать, что вся Россия, не говоря уже о ее союзниках по мировой войне, безропотно примет верховенство радикального большевизма, не приходилось. Первоначально сыграл свою роль фактор неожиданности большевистского восстания и усталости масс. Однако очень быстро ситуация изменилась. Нелегитимность новой власти, ее грубые и циничные действия, социальные эксперименты, взрывавшие прежний строй, не могли не вызвать заметного сопротивления. Свержение Временного правительства, создание большевистского Совета народных комиссаров, разгон большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г., заключение унижительного и грабительского сепаратного мира с Германией открыли дорогу всеобщей гражданской войне. Против большевиков выступили представители высших и средних классов, объединившиеся в так называемое «белое движение», преследуемые социалисты, крестьяне, страдавшие от реквизиций. Сепаратный мир с Германией спровоцировал вмешательство в гражданскую войну бывших союзников. Получили свой шанс различные ультрарадикальные элементы и откровенные бандиты. Крестьяне восставали как против большевиков, так и против «белых». Все воевали против всех. Большевики вызвали новую волну кровопролития, которая возрастала невероятными темпами и продолжалась в своей наиболее активной фазе три года, с 1918 по 1920-й.

По масштабам жертв гражданская война значительно превосходила потери России во время Первой мировой войны и столкновений первого послефевральского периода революции. Из 16 млн человек, которые, по оценкам демографов, были убиты, погибли от ран, голода и эпидемий в 1914–1922 гг., не менее половины (8 млн) смертей пришлось на три года гражданской войны – 1918–1920 гг. Кроме того, около двух миллионов человек бежали от большевиков в эмиграцию. Страшный голод 1921–1922 гг. и эпидемии, в значительной мере также ставшие результатом гражданской войны, унесли еще более 5 млн жизней. На российскую Первую мировую войну (1914–1917 гг.) в этом страшном списке потерь приходилось «всего» два с лишним миллиона жизней¹⁵⁹. В этом заключалась разница между Россией и другими странами, столкнувшимися в мировой войне. Война, голод, эпидемии, кровавое гражданское противостояние продолжались в России в два раза дольше и были намного ожесточенней.

Однако даже страшные цифры потерь не отражали всего ужаса гражданской войны. Не существует количественных показателей для измерения всеобщего ожесточения и притупления человеческих чувств, разрушения норм морали и права. Изуверские убийства и массовый террор становились обыденностью. Погибали лучшие. Эпидемия одичания не могла не захватить и самих большевиков. Гражданская война сформировала новое государство и во многом предопределила его развитие. Страна оказалась на самом безнадежном перекрестке исторических дорог: между плохим и худшим.

Сталин, несомненно, был типичным продуктом этой эпохи. Как и в период взятия власти, он твердо следовал за Лениным. По формальному статусу Сталин вошел в узкую группу наиболее влиятельных советских функционеров. Член правительства, член ЦК партии, член узкой руководящей группы, работавшей в непосредственном контакте с Лениным. В 1919 г. его избрали в Политбюро – орган, который был центром власти в Советской России и СССР в следующие 70 лет. У Сталина была своя специализация – урегулирование отношений большевистского центра с национальными окраинами. Однако, как и у других большевистских лидеров, его главным императивом оставалась война. Большую часть 1918–1920 гг. Сталин провел

¹⁵⁹ *The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913–1945* / ed. by R. W. Davies, M. Harrison and S. G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. P. 62–64.

на различных фронтах. В Москве появлялся нечасто. Из 51 заседания Политбюро в 1919 г. он участвовал только в 14, из 75 заседаний в 1920 г. – в 33¹⁶⁰.

Первая командировка Сталина началась в июне 1918 г. В связи с нарастанием голода Сталин был направлен в Царицын в ранге руководителя продовольственным делом на юге России. Он должен был получить и отправить хлеб в голодающие центральные области. Однако хозяйственная командировка сразу же превратилась в военную. На Царицын наступали враждебные большевикам силы. Транспортные артерии, соединяющие город с хлебными районами и с центром, постоянно прерывались. Большевистские вооруженные силы в Царицыне были организованы по образцу, который получил широкое распространение в начальный период гражданской войны. В своей основе это были партизанские отряды, слабо дисциплинированные и непрофессиональные. Осознавая невозможность ведения войны без регулярной армии, большевистские вожди в центре, прежде всего возглавлявший Красную армию Троцкий, взяли курс на использование офицеров бывшей царской армии (военных специалистов) под контролем партийных комиссаров. Однако на местах эта политика сталкивалась с серьезным сопротивлением. Новоявленные революционные командиры не собирались подчиняться бывшим офицерам и не доверяли им. Недоверие было взаимным. В ряде случаев третируемые офицеры переходили на сторону врага. Только постепенно под давлением военных обстоятельств и под нажимом из центра армия становилась более профессиональной и терпимой к старым кадрам.

Во многом благодаря Сталину Царицын представлял собой яркий образец революционной партизанщины. Обладая полномочиями члена правительства и ЦК партии, Сталин беспрепятственно контролировал не только гражданскую власть, но и подразделения Северо-Кавказского военного округа, штаб которого находился в Царицыне. Верного и послушного помощника он нашел в лице К. Е. Ворошилова, командира красных отрядов, отступивших к Царицыну из Украины, захваченной немцами. Оба сошлись на неприязненном и подозрительном отношении к военным специалистам. В телеграммах Сталина в Москву этот мотив был одним из ведущих:

«Специалисты – люди мертвые и кабинетные, совершенно не приспособленные к гражданской войне»¹⁶¹; «Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия (железная дорога, захваченная неприятелем. – О. Х.) не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им»¹⁶².

«[...] Они, как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям, к делу снабжения, к контролю разным командармов и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости»¹⁶³; «наша новая армия строится благодаря тому, что рядом с новыми солдатами рождаются новые революционные командиры. Навязывать им заведомых предателей (далее Сталин перечисляет ряд военных специалистов. – О. Х.) – это значит расстраивать весь фронт»¹⁶⁴.

¹⁶⁰ См. протоколы заседаний Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1–125).

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5403. Л. 1; *Большевистское руководство*. С. 40. Письмо Сталина Ленину и Троцкому, 22 июня 1918 г.

¹⁶² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 248. Л. 1; И. В. Сталин. *Сочинения*. Т. 4. М., 1947. С. 118–119. Письмо Сталина Ленину, 7 июля 1918 г.

¹⁶³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1812. Л. 1–2; *Большевистское руководство*. С. 42. Телеграмма Сталина Троцкому и Ленину, 11 июля 1918 г.

¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. 5410. Л. 1; *Большевистское руководство*. С. 52. Письмо Сталина Ленину, 3 октября 1918 г.

Эти короткие характеристики (а их немало) вполне отражали взгляды и предпочтения Сталина в военном строительстве. За словами следовали действия. Сталин отстранил военных специалистов от оперативного руководства войсками и взял командование в свои руки. В сообщениях в столицу он всячески подчеркивал благотворность этого переворота. Однако трудно предположить, что Сталин, не имевший никакого военного опыта и даже не служивший в армии, опиравшийся на таких же, как он сам, дилетантов, мог быстро освоить сложные профессиональные навыки. Ставка на здравый смысл и революционный штурм могла дать определенные результаты, но непрочные и недолговременные. Под натиском регулярных подразделений противника партизанская армия Сталина – Ворошилова терпела поражения.

В августе 1918 г. Царицын оказался на грани падения. В условиях вполне реального военного поражения был предпринят маневр, который в последующие десятилетия превратился в рутинный метод сталинской политики. В Царицыне началось широкомасштабное выявление «контрреволюционных заговоров». Аресты захватили бывших офицеров, в том числе служивших в Красной армии, бывших чиновников царской администрации, предпринимателей и рядовых граждан, попавших под каток чистки. Ядром контрреволюционных сил был объявлен «заговор» во главе со служащим Наркомата путей сообщения Н. П. Алексеевым, бывшим дворянином и офицером, «буржуазным специалистом» на службе советской власти, который прибыл в командировку в Царицын из Москвы. Обвинения против «заговорщиков» были стандартными и не очень вразумительными. Дело наскоро слепили в считанные дни, завершив расстрелами и объявлением в местной газете.

Скорее всего, эти расстрелы остались бы рядовым событием красного террора, если бы случайно вместе с Алексеевым в командировку в Царицыне не оказался высокопоставленный чиновник Высшего совета народного хозяйства, старый большевик К. А. Махровский. Под горячую руку его тоже арестовали и продержали несколько месяцев в тюрьме. Однако расстрелять не осмелились – под давлением из центра Махровского пришлось освободить. В результате в деле появился нежелательный и разговорчивый свидетель. Возмущенный Махровский написал длинный доклад о нравах Царицына. Из доклада вполне очевидно следовало, что дело Алексеева сфабриковали царицынские чекисты, «помешанные», как он писал, «на отыскании контрреволюции». Зарисовки с «царицынской натуры», составленные Махровским, вероятно, могли удивить высокопоставленных московских деятелей, наблюдавших войну из кабинетов:

«Вижу такую картину: [...] Н. П. Алексеев, лицо которого представляло сплошную кровавую маску [...] Один глаз был совершенно закрыт, и нельзя было понять, выбит ли он совсем или только покрылся опухолью [...]»; «Алексеева били рукояткой револьвера, кулаками, когда он упал, топтали ногами».

«Возвращаясь к галерее типов, и арестованных, и содержащихся при ЧК, кои мне довелось наблюдать, должен заметить следующее: большинство из них, арестованные случайно, расстреляны, а через некоторое время в местных газетах появились заметки, в коих расстрелянные перечислялись с отнесением ко всякого рода преступникам».

«[...] Ко мне в камеру были приведены двое арестованных [...] с баржи. Один из них сообщил мне о существовании на Волге баржи, в коей содержалось человек 400. Баржа как место заключения возникла при эвакуации Царицына. Когда казаки наступали, на нее были помещены арестованные из тюрьмы, причем состав арестованных был самый пестрый. Человек 30 каторжных, человек 70 бывших офицеров, человек 40 буржуев, остальной контингент – арестованные по самым различным случаям, в большинстве рабочие и крестьяне. В барже, где скопилось столько народа, было лишь одно отхожее место, на которое устанавливалась очередь, в коей

люди простаивали по 4 часа и падали в обморок. Заключенных ничем не кормили [...]»¹⁶⁵ и т. д.

Помимо руководителей чрезвычайной комиссии, Махровский обвинял в произволе царицынских вождей, в том числе Сталина. Он приводил примеры, когда людей арестовывали только за то, что они позволяли себе спорить со Сталиным¹⁶⁶. Несколько месяцев спустя Ворошилов подтвердил руководящую роль Сталина в организации террора царицынского масштаба. «Эти господа [...], – говорил Ворошилов о бывших офицерах, – были [мною] вместе с товарищем Сталиным [...] арестованы»¹⁶⁷. Входя во вкус, Сталин требовал распространить царицынский опыт на близлежащие области. 31 августа 1918 г. он обратился к Ленину с просьбой выдать правительственные мандаты «группе верных людей» из Царицына для «очистки» от «контрреволюционных элементов» города Воронежа. Соответствующие полномочия были получены¹⁶⁸.

Посылая запрос по поводу Воронежа, Сталин, судя по всему, еще не знал, что в Москве накануне, 30 августа, в результате террористического акта, приписываемого эсерам, был ранен Ленин. После покушения красный террор стал официальной политикой. В начале сентября Сталин от имени руководства Северо-Кавказского округа отправил в Москву рапорт об организации в подведомственном ему регионе «открытого, массового, систематического террора на буржуазию и ее агентов». В Царицыне в ответ на покушение на Ленина сразу же было расстреляно более 50 человек. Всего в сентябре-октябре царицынская ЧК, по некоторым данным, казнила 102 человек, из них 52 бывших офицеров царской армии и жандармов¹⁶⁹.

Масштабный террор мог быть как результатом панической реакции на военные поражения, так и вполне рассчитанной кампанией. Угроза террором позволяла держать в повиновении не слишком дисциплинированные соединения Красной армии. Выявление «заговоров» было способом оправдать военные неудачи и продемонстрировать решительность и эффективность. Несомненно, в значительной степени эти демонстрации были рассчитаны на высшее руководство. Перед лицом растущей угрозы контрреволюции Сталин требовал особых полномочий и отказывался подчиняться вышестоящим военным властям.

Пока мы не знаем, какими путями и в каком виде информация о царицынских зверствах доходила до Москвы, как широко был распространен доклад Махровского и другие подобные свидетельства. Ряд фактов свидетельствуют о том, что высшее руководство страны кое-что знало о сталинских инициативах. Несколько месяцев спустя, в марте 1919 г., Ленин заявил на VIII съезде партии: «Когда Сталин расстреливал в Царицыне, я думал, что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно [...]». Ленин утверждал даже, что посылал Сталину телеграмму:

«Будьте осторожны». Правда, такая телеграмма историками не обнаружена. Еще один оратор на VIII съезде напомнил о «знаменитой» барже в Царицыне, «которая много поработала, чтобы сделать невозможной ассимиляцию военных специалистов»¹⁷⁰. Одним словом, сталинские расстрелы были известны. Но это не имело каких-либо серьезных последствий для Сталина – большевистские лидеры спокойно относились к эксцессам террора. На VIII съезде в уже упоминавшейся речи Ленин заявил, что в конце концов царицынцы были правы. Действительно, к чему накалять страсти и осуждать товарищей за уничтожение каких-то «недобитых буржуев».

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718. Л. 177, 178, 191, 195, 197.

¹⁶⁶ Там же. Л. 196–198.

¹⁶⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 160. Выступление Ворошилова на VIII съезде партии в марте 1919 г.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5408. Л. 4; *Большевистское руководство*. С. 46. Письмо Сталина Ленину, 31 августа 1918 г.

¹⁶⁹ Ратьковский И. С. *Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году*. СПб., 2006. С. 151, 170.

¹⁷⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 157, 168.

Однако если массовые расстрелы не слишком волновали Ленина, то поражения на фронте были основанием для недовольства. Особенно непримиримую позицию в отношении царицынцев занял Троцкий, возглавлявший Красную армию. Личная неприязнь к Сталину соединялась у Троцкого с прагматическими соображениями. В царицынском опыте он усматривал потенциальную угрозу военному строительству, опасный пример самостийности и противодействия профессионализации армии на основе жесткой дисциплины и привлечения военных специалистов. Свою позицию Троцкий объяснял Ленину вполне четко. В телеграмме от 4 октября 1918 г. он писал:

[...] Категорически настаиваю на отзывании Сталина (из Царицына. – О. Х.). На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в пятьдесят тысяч солдат [...] Царицын должен либо подчиниться (вышестоящему командованию. – О. Х.), либо убраться. У нас успехи во всех армиях, кроме Южной, в особенности Царицынской, где у нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии Вашей твердой и решительной поддержки; во всяком случае, это единственный путь, который я вижу для себя¹⁷¹.

Сталин вступил в борьбу с Троцким. В телеграммах Ленину он и Ворошилов обвиняли Троцкого в развале фронта, в третировании «виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов»¹⁷². Сталин выехал в Москву, надеясь в личных беседах с Лениным склонить чашу весов в свою сторону. Однако все было безуспешно. Руководство партии поддерживало Троцкого и курс на консолидацию армии. В октябре 1918 г. Сталин был вынужден покинуть Царицын. Вслед за ним были удалены Ворошилов и другие его помощники. Очевидно, что Сталин не смирился с этим поражением. В дальнейшем при каждом удобном случае он интриговал против Троцкого и покровительствовал своим соратникам по Царицыну.

Трудно не заметить, что опыт, усвоенный в Царицыне, служил Сталину в последующие годы гражданской войны, на какой бы фронт его ни забрасывала судьба. Несмотря на вынужденное признание общепартийной политики привлечения военных специалистов, Сталин, судя по всему, оставался их недоброжелателем. Он мало ценил политически подозрительных военных-профессионалов и полагался на энтузиазм и «здравый смысл» подлинных революционеров. В телеграмме Ленину с Петроградского фронта 16 июня 1919 г. Сталин со смешной бравадой и вызовом писал:

Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку (речь шла о взятии одного из фортов под Петроградом. – О. Х.). Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой¹⁷³.

Сталинское бахвальство, судя по всему, позабавило Ленина. Зная, что форт Красная Горка был на самом деле взят с суши, а не с моря, как заявлял Сталин, Ленин оставил на телеграмме помету: «??? Красная Горка взята с суши»¹⁷⁴.

¹⁷¹ *Большевистское руководство*. С. 54.

¹⁷² Там же. С. 52–53.

¹⁷³ Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. Т. 50. М., 1970. С. 389.

¹⁷⁴ Там же.

Излишняя самоуверенность не покидала Сталина и на завершающем этапе войны. Весной и летом 1920 г. он находился на юго-западном фронте. Здесь разворачивались сражения с армией генерала Врангеля, вышедшей за пределы своей основной базы, Крыма, а также ожесточенная советско-польская война. Сначала польские войска нанесли Красной армии несколько тяжелых ударов. Однако вскоре ситуация резко изменилась. Красная армия перешла в наступление и продвинулась до польской столицы Варшавы, готовясь захватить ее. Большевистских вождей, начиная с Ленина, охватила эйфория. Они ждали не только победы революции в Польше, но и ее распространения (наконец-то!) на другие европейские страны. Через Варшаву – на Берлин! 13 июля 1920 г. в ответ на запрос Ленина о целесообразности заключения перемирия с Польшей Сталин писал:

Польские армии совершенно разваливаются, поляки потеряли связь, управление, польские приказы вместо того, чтобы попасть по адресу, попадают все чаще в наши руки, словом, поляки переживают развал, от которого они несомненно оправятся [...] Я думаю, что никогда не был империализм так слаб, как теперь, в момент поражения Польши, и никогда не были мы так сильны, как теперь, поэтому чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции¹⁷⁵.

Предвкусением мировой революции, если не принесенной, то подталкиваемой штыками Красной армии, проникнуты и другие заявления Сталина. 24 июля 1920 г. в телеграмме Ленину, считая победу над Польшей делом решенным, Сталин предлагал «поставить вопрос об организации восстания в Италии и в таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить)»¹⁷⁶. Соответствующими были и практические шаги Сталина. На вверенном ему юго-западном фронте он проявлял особую заботу о захвате важнейшего стратегического пункта города Львова. Сталин торопил руководителей Первой конной армии, призывал их к последнему решающему броску. Однако это не помогало. Львов захватить не удалось. Плохо складывались дела и на другом участке юго-западного фронта. Войска генерала Врангеля, пользуясь отвлечением сил Красной армии на польском направлении, предприняли успешные атаки за пределы Крыма. Сталин, как один из руководителей фронта, ответственный за неудачи под Львовом и в районе Крыма, слал в Москву доклады, в которых ссылаясь на объективные трудности и обвинял в бездействии главное командование Красной армии. Ему явно не нравилась роль полководца, неспособного достичь решающих успехов. Эта роль была особенно обидной на фоне головокружительного продвижения соседнего западного фронта к Варшаве.

Однако вскоре ситуация в очередной раз резко изменилась. Наступление в Польше захлебнулось. Красную армию постигло тяжелое поражение. Поляки продиктовали условия унижительного для большевиков мира. Разгром на польском фронте был вызван рядом причин. Одна из них, как часто отмечается в литературе, имела непосредственное отношение к Сталину. Считается, что ошибкой командования Красной армии было наступление в расходящихся направлениях. В частности, Первая конная армия оставалась под Львовом вместо того, чтобы поддержать войска, продвигавшиеся к Варшаве. Известно, что незадолго до поражения Красной армии решение о перемещении Первой конной армии из-под Львова на запад все-таки было принято, но не выполнено. Свою роль в этом сыграл Сталин. 13 августа 1920 г. он послал главному командованию Красной армии телеграмму, в которой утверждал, что переброска конной армии вредна, поскольку она уже перешла в новое наступление на Львов. Это

¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1815. Л. 2–4. *Большевистское руководство*. С. 142–143.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5521. Л. 2; *Большевистское руководство*. С. 148.

нужно было делать раньше, пока армия стояла в резерве, утверждал Сталин. «Я отказываюсь подписать соответствующее распоряжение», – категорически заявил он¹⁷⁷.

Вряд ли этот отказ Сталина сыграл ключевую роль в поражении Красной армии в Польше. В 1920 г. при разборе причин разгрома Красной армии по горячим следам претензии предъявлялись в основном командованию войск западного фронта, наступавшего на Варшаву. Однако Сталин, несомненно, проявил своеволие. Это вполне могло послужить причиной его отъезда. Через несколько дней после инцидента вокруг Первой конной армии Сталин выехал в Москву и на фронт уже не возвращался. Лавры последовавшей вскоре победы над Врангелем достались другим.

Сталин приехал в столицу отнюдь не в роли триумфатора. С одной стороны, ни под Львовом, ни против Врангеля ему не удалось достичь решающих побед. С другой – невыполнение приказа о перемещении Первой конной при определенных обстоятельствах могло быть объявлено важной причиной поражения под Варшавой. Нельзя исключить, что Сталин боялся оказаться в роли козла отпущения. Возможно, подобные опасения, но скорее всего – обида, подтолкнули Сталина к своеобразному превентивному удару. 25 августа 1920 г., когда на польском фронте вполне обозначилась катастрофа, Сталин направил в Политбюро примечательную записку о создании военных резервов. С практической точки зрения предложения Сталина выглядели достаточно банально: пополнить армию, увеличить производство военной продукции, сформировать новые соединения. Чем, если не этим, большевики занимались все годы гражданской войны, отдавая армии последние ресурсы. Истинное назначение документа, видимо, заключалось в ключевой фразе: «Последние успехи поляков вскрыли основной недостаток наших армий – отсутствие серьезных боевых резервов»¹⁷⁸. Это было сталинское объяснение причин поражений, которое возлагало ответственность на руководство армии в целом. Сталин придавал своей бумаге большое значение и настойчиво требовал ответа. 29 августа 1920 г. он послал в Политбюро новое заявление: «Обращаю внимание ЦК на неотложность вопроса о боевых резервах республики, возбужденного мною [...] и до сего времени (29 августа) не получившего направления»¹⁷⁹.

Испытав до конца сталинское терпение, Троцкий ответил снисходительным разъяснением ситуации и предложил создать совет снабжения, куда язвительно приглашал войти также Сталина. Сталин, судя по всему, был взбешен. 30 августа он направил в Политбюро сразу три записки. Он обвинил Троцкого в том, что тот ограничился «отпиской», и требовал усилить контроль ЦК партии над военным ведомством¹⁸⁰. Кратко и категорически Сталин отверг приглашение Троцкого: «Заявляю, что в проектируемом Троцким совете снабжения работать не смогу и, следовательно, не буду»¹⁸¹. В завершение этих ультиматумов Сталин предпринял рискованный демарш. Он потребовал создать комиссию «по обследованию условий нашего июльского наступления и августовского отступления на Западном фронте»¹⁸². В контексте обвинений о пренебрежении резервами это было явное объявление войны, по крайней мере Троцкому. Понимал ли Сталин, что косвенно он атакует и Ленина, который был не последним вдохновителем польского броска? Если не понимал тогда, в эмоциональной горячке борьбы, то понял чуть позже, когда столкнулся с явным ленинским недовольством.

Через день, 1 сентября, на заседании Политбюро произошло решающее выяснение отношений. Основные фигуранты конфликта: Сталин, Троцкий и их арбитр Ленин – собрались

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4137. Л. 1; Д. 1943. Л. 1; *Большевистское руководство*. С. 155.

¹⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1961. Л. 1–2; Сталин И. В. *Соч.* Т. 4. С. 346–350.

¹⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4681. Л. 1.

¹⁸⁰ Там же. Д. 4458. Л. 1–3; Сталин И. В. *Соч.* Т. 4. С. 348–350.

¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 126. Л. 4.

¹⁸² Там же. Оп. 1. Д. 5213. Л. 1. *Большевистское руководство*. С. 156.

в Москве. Заседание было невеселым. Значительную его часть занял вопрос о подписании унижительного мира с победившей Польшей. Предложения Сталина о резервах рассматривались под занавес и фактически не были поддержаны. В принятом решении записали: «Принять к сведению сообщение Троцкого о том, что военным ведомством принимаются меры в духе предложений Сталина»¹⁸³. Особое совещание по снабжению армии создали без Сталина и под председательством Троцкого. Не менее обидным для Сталина было отклонение его инициативы о расследовании причин поражения в польской войне. Горячим противником этой идеи, как мы увидим далее, был Ленин.

К большому сожалению историков, стенограмма заседания Политбюро 1 сентября 1920 г. (как и многих других важнейших заседаний) не велась. Лишь лаконичные записи решений позволяют предположить, какие страсти бурлили на этом собрании или, по крайней мере, в душах его участников. Сталин подал заявление об отставке с военной работы. Заявление удовлетворили, лишив Сталина поста члена Военно-революционного совета. Полномочия и права Троцкого, наоборот, были подтверждены. Ему предложили выехать с инспекцией на западный фронт¹⁸⁴. Ленин явно принял сторону Троцкого. 20 сентября пленум ЦК отправил Сталина «на Кавказ для длительной работы». Ему поручалось «урегулировать взаимоотношения с горцами», «упорядочить [...] политику на Кавказе и на Востоке»¹⁸⁵. Возможно, это выглядело как почетная ссылка. Возможно, как новое ответственное поручение. Однако через несколько дней на IX партийной конференции произошло публичное столкновение Сталина с Лениным и Троцким. Споры и взаимные обвинения, кипевшие вокруг польской войны в недрах Политбюро, выплеснулись наружу.

Ленин и Троцкий выступили на конференции против обвинений Сталина в адрес командования западного фронта и фактически командования Красной армии в целом. Ленин взял на себя значительную часть ответственности за стратегические просчеты и категорически отверг сталинское предложение об организации расследования. Троцкий язвительно напомнил, каким оптимистом был сам Сталин, когда Красная армия одерживала победы в Польше, как обещал взять Львов. Разве этот оптимизм не определял общую политику ЦК?¹⁸⁶ 23 сентября 1920 г. обиженный Сталин написал в президиум партийной конференции заявление. Он категорически опроверг выпады Троцкого и Ленина. Вновь обвинил в поражении командование западного фронта (косвенно Троцкого). Заявил, что лично он, Сталин, всегда высказывался в пользу предусмотрительной и осторожной политики. «Т. Ленин, видимо, щадит командование, но я думаю, что нужно щадить дело, а не командование», – едко заключил Сталин свой выпад¹⁸⁷. Располагая документами, в том числе теми, которые цитировались выше, мы можем с определенностью утверждать, что Сталин лгал. Однако Ленин, несомненно помнивший сталинские призывы к решительности и мировой революции, не стал уличать его. В деле были замешаны все. Поэтому неприятную страницу поражений предпочли быстро перевернуть. Сталин же, демонстративно требовавший разбора ошибок, выглядел раскольником. Однако серьезных последствий для Сталина этот скандал не имел. На несколько недель он выехал в кавказскую командировку, а в конце ноября 1920 г. вернулся в Москву. Для этого, как будет показано далее, существовали свои причины.

Устойчивая привычка к конфликтам в партии была важной частью опыта, полученного Сталиным и другими большевистскими лидерами в годы гражданской войны. Эта привычка не

¹⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 106. Л. 5.

¹⁸⁴ Там же. Л. 3, 4.

¹⁸⁵ Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 167.

¹⁸⁶ *Девятая конференция РКП(б). Протоколы*. М., 1972. С. 60–61, 76–77; Ленин В. И. *Неизвестные документы. 1891–1922* / сост. Ю. Н. Амиантов и др. М., 1999. С. 382, 390.

¹⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5541. Л. 1–2. *Большевистское руководство*. С. 160–161.

была новой, но, несомненно, укрепилась – можно сказать, укоренилась. В партии процветали как борьба принципов, так и беспринципные столкновения амбиций. На этой основе формировались группировки. Одна из них, состоявшая из царицынцев, кавалеристов Первой конной армии и закавказцев, пользовалась поддержкой Сталина. Своих сторонников приобретали и другие советские вожди. Так закладывались предпосылки для будущих политических столкновений и борьбы за власть.

Милитаристские привычки и предубеждения гражданской войны повлияли на многие другие качества Сталина. Царицын и Петроград укрепили глубокое подозрение к «буржуазным специалистам» и страхи перед заговорами. Реквизиции хлеба на юге и организация трудовой армии на Украине¹⁸⁸ дали опыт милитаризации хозяйственной жизни. Кровь и безжалостность гражданской войны приучали к самой гражданской войне. В будущем она уже не казалась ни страшной, ни невозможной.

¹⁸⁸ Я не рассматриваю вопрос об участии Сталина зимой и весной 1920 г. в организации так называемой Украинской трудовой армии. Это была одна из попыток милитаризации труда, использования армии в качестве рабочей силы, главным образом на угольных шахтах Украины.

Генеральный секретарь

Из многолетней борьбы с внутренними и внешними врагами большевики вышли победителями. Однако объяснить измученной стране и даже самим себе, во имя чего одержана эта победа, было непросто. Надежды на мировую революцию не оправдались. Ленинская концепция немедленного внедрения социализма в России, как и предупреждали большевиков их политические противники, оказалась разрушительной утопией. Попытки отменить рынок и ввести прямой продуктообмен под тотальным контролем государства усугубили экономический коллапс. Голод и разруха вызвали массовые антиправительственные выступления. Огромные районы были охвачены крестьянскими восстаниями. Волнения прокатились по городам, включая такие опорные пункты большевиков, как Москва и Петроград. Выступление моряков Кронштадтской крепости под Петроградом стало символом приближающегося краха. Оружие подняла гвардия большевистского восстания в 1917 г. В политический словарь советского периода вошло понятие «Кронштадт».

В таких обстоятельствах Ленин, обладавший развитым инстинктом политического самосохранения, в очередной раз резко изменил свои принципы. В 1921–1922 гг. ленинский социализм был заменен ленинской новой экономической политикой (нэпом). Многие вернулись к тому состоянию, с которого начиналась революция большевиков. Были восстановлены деньги и относительно свободный рынок. Крестьяне после уплаты налогов государству могли продавать свою продукцию. Мелкие промышленные и торговые предприятия перешли в руки частных, которых называли нэпманами. В руках государства оставалась основная часть экономики. Однако и в государственном секторе действовали некоторые рыночные регуляторы. Именно ненавистный большевикам капитализм спас страну и их собственную власть. Благодаря нэпу СССР буквально за несколько лет оправился от разрухи. Однако прежде чем это произошло, страшный голод 1921–1922 гг. – прямое следствие гражданской войны – унес несколько миллионов жизней.

Таким был общий исторический фон деятельности Сталина в последний период жизни его учителя Ленина. Насколько можно судить по документам, Сталин не был активно вовлечен в обсуждение и решение ключевых проблем перехода к нэпу. Он, как обычно, следовал в русле политики, определяемой Лениным, был лояльным и верным соратником. Это качество Ленин, несомненно, ценил. Однако после завершения гражданской войны политическая судьба Сталина могла сложиться по-разному. Сама по себе позиция члена Политбюро, которую получил Сталин, конечно, означала многое. Однако в советской партийно-политической системе реальная сила того или иного высшего руководителя напрямую зависела от влияния ведомства, которое он возглавлял. Сталин с этой точки зрения оказался в неблагоприятном положении. Угроза его превращения в вождя второго плана была вполне реальной.

С наступлением мира Сталин оказался у руля двух наркоматов: по национальностям и рабоче-крестьянской инспекции. Оба не имели собственных ресурсов власти и обладали ограниченным лоббистским потенциалом. Сам Сталин на одном из закрытых заседаний так оценивал Наркомат национальностей: «комиссариат агитационный, никаких административных прав [...] не имеет»¹⁸⁹. Сталин крайне редко появлялся в Наркомнаце. В ноябре 1921 г. он подал в Политбюро заявление об освобождении от должности наркома по делам национальностей. Однако отставка была отклонена¹⁹⁰. В конечном счете Сталин сделал все от него зави-

¹⁸⁹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 170. Заседание секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. Подробнее о работе Сталина в Наркомате национальностей см.: Smith J. *Stalin as Commissar of Nationalities* // S. Davies, J. Harris (eds.), *Stalin: A New History*. P. 45–62; Деннингхаус В. *В тени «большого брата»*. Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. М., 2011. С. 84–91.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 234. Л. 2.

сящее, чтобы ликвидировать Наркомнац вообще, что и произошло в 1923 г. Еще раньше, в 1922 г., Сталину удалось избавиться также от должности наркома рабоче-крестьянской инспекции. Заменой этих желанных потерь было не менее желанное приобретение – руководство аппаратом ЦК партии. Это означало выдвижение в вожди первого эшелона.

Ключевая перемена в политической судьбе Сталина произошла не только благодаря его способностям и энергии, но в значительной мере благодаря стечению обстоятельств. Острая борьба, охватившая советские верхи после завершения гражданской войны, выталкивала Сталина наверх. В эпицентре стоял конфликт между Лениным и Троцким, от которого кругами расходились более мелкие столкновения и дискуссии. Троцкий был единственным из высших советских вождей, кто имел полное право не считать себя учеником и соратником Ленина. Он был, скорее, его политическим партнером, союзником по революции. Соответствующим образом Троцкий вел себя во время и после гражданской войны. Это привлекало к Троцкому как самостоятельной политической фигуре многих большевиков. В самом конце 1920 г. Ленин столкнулся с тем, что Троцкого поддерживала значительная часть партийных функционеров, в том числе в аппарате ЦК партии. Ленин принял бой. Опираясь на свой авторитет, а также при помощи политических манипуляций он одержал победу. На X съезде партии в начале 1921 г. сторонники Ленина получили большинство. Это предопределило выбор нового состава руководящих органов партии, из которых вывели многих приверженцев Троцкого. Сталин был среди тех, на кого Ленин опирался в своей борьбе. Такое сотрудничество приобретало для Ленина особое значение из-за прогрессирующей болезни. С середины 1921 г. он все больше страдал от повреждения сосудов головного мозга. Головные боли, повышенная утомляемость, периодические параличи, расстройства речи и сознания заставляли Ленина уходить в длительные отпуска.

Кадровые перестановки, столкновения Ленина с Троцким, болезнь Ленина способствовали тому, что Сталин играл все более значительную роль в партийных делах. Формально такое положение закрепилось его избранием в начале 1922 г. генеральным секретарем ЦК РКП(б). Это была новая должность. В компетенцию генерального секретаря входило общее руководство аппаратом ЦК. Две функции заслуживают особого упоминания. Первая – формирование повесток заседаний Политбюро. Вторая – решение кадровых вопросов. От Сталина зависели карьеры многочисленных функционеров среднего уровня.

Вряд ли Сталина тяготили эти аппаратные нагрузки. В силу своего характера Сталин всегда с удовольствием занимался рутинной бюрократической работой. 31 августа 1922 г. на заседании Политбюро он заявил, что некоторые учреждения слишком поздно присылают материалы, подлежащие рассмотрению. Было принято решение «не ставить вопрос на Политбюро, если материалы не будут представлены до 4-х часов дня накануне заседания»¹⁹¹. Через полтора месяца это правило ужесточили. По предложению Сталина Политбюро потребовало предоставлять материалы не позже 12 часов дня накануне своего заседания¹⁹². Эти сравнительно мелкие и второстепенные решения отражали определенную тенденцию. Сталин постепенно, но все более уверенно направлял деятельность партийных структур.

Сохранились интересные свидетельства о том, как эта тенденция воспринималась и осознавалась внутри аппарата. Г. К. Орджоникидзе¹⁹³, давнишний приятель Сталина, который в

¹⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 310. Л. 2.

¹⁹² Там же. Д. 318. Л. 4. Постановление Политбюро от 19 октября 1922 г.

¹⁹³ Орджоникидзе Григорий Константинович (1886–1937) – один из ближайших друзей и соратников Сталина. В 1920-е годы руководил Закавказскими республиками, затем был переведен в Москву на важный пост председателя контрольной комиссии партии. В этом качестве помог Сталину победить в борьбе за власть. В 1930-е годы возглавлял советскую тяжелую промышленность. Пытался противодействовать репрессиям против руководящих кадров. На этой почве между Сталиным и Орджоникидзе произошел конфликт. В феврале 1937 г. Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством, что стало широко известно только после смерти Сталина (см. подробнее: Хлевнюк О. В. *Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы*. М., 1995).

начале 1920-х годов работал в Закавказье, переписывался с помощником Сталина А. М. Назаретяном. Летом 1922 г. Назаретян так рассказывал Орджоникидзе о своей службе под руководством Сталина:

Доволен ли я работой? И да, и нет. С одной стороны, я прохожу здесь большую школу и в курсе мировой и российской жизни, прохожу школу дисциплины, вырабатывается точность в работе [...] С другой стороны, эта работа чисто канцелярская, кропотливая, субъективно малоудовлетворительная, черная работа, поглощающая такую уйму времени, что нельзя чихнуть идохнуть, особенно под твердой рукой Кобы. Ладим ли мы? Ладим [...] У него можно многому научиться. Узнав его близко, я проникся к нему необыкновенным уважением [...] Его строгость покрывается вниманием к сотрудникам. ЦК приводим в порядок [...] Коба меня здорово дрессирует [...] Он очень хитер. Тверд, как орех, его не сразу раскусишь [...] При всей его, если так можно выразиться, разумной дикости нрава, он человек мягкий, имеет сердце и умеет ценить достоинства людей [...] Сейчас работа ЦК значительно видоизменилась. То, что мы застали здесь, – неописуемо скверно. Сейчас все перетряхнули¹⁹⁴.

Роль Сталина Назаретян оценивал чрезвычайно высоко: «Ильич совсем поправился [...] Вчера Коба был у него. Ему приходится бдить Ильича и всю матушку Рассею»; «Ильич имеет в нем безусловно надежнейшего цербера, неустрашимо стоящего на страже ворот ЦК РКП»¹⁹⁵. Назаретян сообщал важные детали о восприятии Сталина в бюрократическом сообществе. В Москве, по словам Назаретяна, появилось «модное выражение»: «ходит под Сталиным». Так называли тех чиновников, которые были отозваны в столицу со своих прежних должностей, но еще не получили нового назначения, «висящих, так сказать, в воздухе»¹⁹⁶. Очевидно, что появление этого понятия в большевистском бюрократическом сленге отражало наличие осознаваемой многими реальности.

Таким представлялся Сталин его помощнику в начальный период генерального секретарства. Очевидно, что в этих характеристиках присутствовали преувеличения, восхищение преданного секретаря своим шефом. Однако умный и наблюдательный Назаретян транслировал определенные настроения аппарата. Многочисленным чиновным людом Сталин воспринимался как опытный и уверенный в себе бюрократ, занимавший прочные позиции во властной иерархии. Он был спокоен, контролировал эмоции, но одновременно жестко и решительно отстаивал свои интересы и позиции. Такие качества в условиях прогрессирующего дробления партии на фракции и патрон-клиентские группы привлекали к Сталину немало сторонников.

Из писем Назаретяна следовало, что в партии Сталин воспринимался как верный соратник Ленина, его опора в политической борьбе. И это в значительной мере соответствовало действительности. Долгие годы сотрудничества, лишь иногда омрачавшегося разногласиями, сплотили Ленина и Сталина. Один из большевиков оставил красноречивые воспоминания о встрече с Лениным и Сталиным в сентябре 1921 г. на квартире у Сталина. Решался достаточно сложный вопрос о склоке руководящих работников в Петрограде. Ленин примирял враждующие стороны. Сталин ходил по комнате и все время курил трубку. В какой-то момент Ленин,

¹⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1 с. Д. 13. Л. 6, 10; *Большевистское руководство*. С. 256, 257, 262, 263. Письма Назаретяна Орджоникидзе, 14 июня, после 9 августа 1922 г.

¹⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1 с. Д. 13. Л. 7, 10. *Большевистское руководство*. С. 259, 263. Письма Назаретяна Орджоникидзе, 12 июля, после 9 августа 1922 г.

¹⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1 с. Д. 13. Л. 10. *Большевистское руководство*. С. 263. Письмо Назаретяна Орджоникидзе, после 9 августа 1922 г.

посмотрев на Сталина, сказал: «Вот азиатище – только сосет!» Сталин выколотил трубку¹⁹⁷. Эта грубо-дружеская, шутливая манера общения, несомненно, отражала определенный уровень личных отношений, выходящий за рамки формального товарищества начальника и подчиненного. Сталин для Ленина был соратником, над которым можно подшутить. Трудно представить себе такую вольность Ленина в отношении Троцкого, с которым они общались строго официально на «вы».

30 мая 1922 г. произошел эпизод, который вновь свидетельствовал об особых отношениях Ленина и Сталина. Больной Ленин, страшившийся паралича, вызвал Сталина в свою резиденцию в подмосковное поместье Горки. Он потребовал от него яд, чтобы в критической ситуации покончить жизнь самоубийством. Сталин тут же рассказал об этом поручении сестре Ленина Марии Ильиничне Ульяновой и находившемуся в то время в Горках Н. И. Бухарину¹⁹⁸. Согласно воспоминаниям Марии Ильиничны, все вместе они решили ободрить Ленина. Сталин вернулся и сказал Ленину, что время для исполнения его намерений еще не пришло, что врачи обещают выздоровление. Ленин, как писала Мария Ульянова, «заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: «Лукавите?» – «Когда же вы видели, чтобы я лукавил», – ответил ему Сталин»¹⁹⁹.

Ленин разными способами демонстрировал Сталину свое расположение. Находясь в тяжелом положении в Горках, в июне 1922 г. Ленин передал в Москву рекомендацию: «Обязать через Политбюро т. Сталина один день в неделю, кроме воскресенья, целиком проводить на даче за городом». Политбюро приняло такое решение²⁰⁰. Этот ленинский прием заботы о соратниках Сталин взял на вооружение и неоднократно пользовался им, когда сам оказался у власти. Вскоре Ленин пошел на поправку. В августе Сталин достаточно регулярно бывал у него в Горках. По воспоминаниям Марии Ульяновой, «Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр.»²⁰¹

Этот период согласия между Лениным и Сталиным продолжался до осени 1922 г.

¹⁹⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 196. Воспоминания Н. А. Угланова, написанные в январе 1925 г., в период до утверждения единоличной власти Сталина.

¹⁹⁸ Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – один из вождей и теоретиков большевистской партии. Поддерживал Сталина в борьбе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. Однако после победы над этими оппозиционерами сам оказался жертвой Сталина. Бухарин выступал за продолжение более умеренной политики, постепенную трансформацию нэпа. Сталин объявил Бухарина и его сторонников «правыми» уклонистами. Изгнание «правых» из руководства партии открыло путь утверждению диктатуры Сталина. Бухарин был арестован в 1937 г. и в 1938 г. расстрелян (Коэн С. *Бухарин: Политическая биография. 1888–1938*. М., 1988).

¹⁹⁹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198. Еще одну версию воспоминаний М. И. Ульяновой см.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 188.

²⁰⁰ Там же. 1989. № 4. С. 185–186; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 303. Л. 5.

²⁰¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198. Эти воспоминания были найдены после смерти Марии Ульяновой среди ее бумаг. Они явно не предназначались для печати, отличались откровенностью, были похожи на своеобразную исповедь. Все это позволяет пользоваться ими как достаточно достоверным источником.

Ссора с учителем

Болезнь Ленина имела огромные политические последствия. Партия, построенная под вождя, оказывалась в уязвимом положении. В Политбюро неизбежно витали мысли о ленинском наследстве. Особую силу приобрела «тройка»: Зиновьев, Каменев, Сталин. Их главным противником выступал Троцкий. Фактически это противостояние было продолжением ленинской тактики изоляции Троцкого. Однако в условиях болезни Ленина такая тактика способствовала опасному усилению «тройки». Осознав это и надеясь на выздоровление, Ленин попытался в очередной раз повернуть руль, восстановить нарушенный баланс сил. Наиболее удобной мишенью для ленинской атаки против «тройки» оказался Сталин.

Исходной точкой нового наступления Ленина можно считать конфликт вокруг программы объединения советских республик в единое государство. Фактически такое объединение уже состоялось в результате гражданской войны. Во второй половине 1922 г. было решено провести его формально, публично объявив о принципах построения нового государства. В главном между большевистскими вождями не существовало разногласий. Никто и в мыслях не допускал возможность отделения или реальной автономии тех составных частей бывшей Российской империи, которые удалось сохранить под верховенством большевистской Москвы. Споры шли о форме, о степени самостоятельности местных большевистских властей, в любом случае подчинявшихся дисциплине единой партии.

Сталин занимал в этом вопросе самые откровенные позиции. Он предлагал без лишних церемоний и дипломатии конституционно закрепить реальное положение вещей и истинные намерения центра. Все крупные республики (Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Армения) и более мелкие национальные образования Сталин предлагал включить в состав Российской Федерации на правах автономий. В целом в этом предложении не было ничего особенного. Оно вполне соответствовало партийной линии и поддерживалось большинством центральных и республиканских работников. Скорее всего, неожиданно для Сталина Ленин высказался против плана автономизации. Он предложил объявить о создании союза формально независимых советских республик, не имея в виду, конечно, реально обеспечивать эту независимость. Мотивы вмешательства Ленина трудно определить точно. Возможно, он реагировал на недовольство сталинской программой со стороны грузинских и ряда украинских руководителей. Возможно, для Ленина это был хороший повод для включения в активную политическую жизнь. Как раз в это время болезнь Ленина временно отступила, и он готовился приступить к регулярной работе.

В сентябре 1922 г. Ленин разными способами, как уже бывало не раз, начал проталкивать свою программу, критикуя Сталина за торопливость. Сталин был уязвлен. Он сопротивлялся, отступал с боями, обвиняя Ленина в «национальном либерализме»²⁰². Понять все это нетрудно. Сталин оказался в достаточно унижительном положении, был вынужден менять свою позицию, за которую совсем недавно столь энергично выступал. Однако всерьез бороться с Лениным Сталин не решился. На заседании Политбюро 28 сентября состоялся показательный обмен записками между Сталиным и Каменевым:

Каменев: Ильич собрался на войну в защиту независимости [...]

Сталин: Нужна, по-моему, твердость против Ильича [...] Каменев: Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться.

Сталин: Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению²⁰³.

²⁰² Там же. 1989. № 9. С. 191–216.

²⁰³ Там же. С. 209.

Сталин уступил. Он хорошо знал характер Ленина, понимал сколь значительной, несмотря на болезнь, оставалась его власть. По аналогичному сценарию в октябре – декабре 1922 г. развивался конфликт вокруг вопроса о монополии внешней торговли. Большинство ЦК на пленуме 6 октября приняло решение о некотором смягчении монополии. Отсутствовавший в Москве Ленин выступил против. Сталин, один из сторонников решения от 6 октября, отступал медленно и с оговорками. Ленин, несомненно, имел повод для недовольства.

Все закончилось неприятным для Сталина ленинским ходом. В вопросе о монополии внешней торговли Ленин демонстративно призвал в союзники опального Троцкого. Ничего чрезвычайного в таком маневре не было. Обычная игра на противоречиях в большевистской верхушке, к которой Ленин прибегал неоднократно. Однако теперь ситуация изменилась. Ленин был болен. Ставки в борьбе за власть и влияние в ленинском окружении резко повысились. Явно припугивая набравших силу Сталина, Каменева и Зиновьева, Ленин предложил Троцкому продолжить сотрудничество. 21 декабря 1922 г., сразу же после принятия ленинского решения по монополии внешней торговли на пленуме ЦК, Ленин продиктовал Крупской записку для Троцкого: «[...] Как будто удалось взять позицию без единого выстрела, простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление». Ленин советовал Троцкому поставить вопрос о внешней торговле на предстоящем партийном съезде, а также выступить на съезде советов²⁰⁴. Это означало дискредитацию «тройки», в том числе Сталина, перед лицом широкого круга партийных функционеров.

Троцкий взялся за дело и сразу же позвонил Каменеву. Каменев передал информацию Сталину. Сталин отказался выполнять указание Ленина о выступлении Троцкого на съезде советов. Более того, он позвонил Крупской и сделал ей выговор за самовольную запись и отправку письма Троцкому. Выговор, судя по всему, был достаточно грубым. Во всяком случае, таковым его сочла издерганная и нервная Крупская. Формально Сталин имел право предъявить Крупской претензии. Только 18 декабря, за несколько дней до инцидента, пленум ЦК партии принял решение ограничить контакты Ленина, страдавшего от нового приступа болезни: «На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки»²⁰⁵. Крупская нарушила это решение. Однако и Сталин изменил своей обычной выдержке. Слишком опасным и вызывающим было обращение Ленина к Троцкому.

Быстро осознав свою ошибку, Сталин извинился перед Крупской. Судя по уже упоминавшимся воспоминаниям сестры Ленина М. И. Ульяновой, Сталин пытался помириться с Лениным. Он встретился с Ульяновой и пожаловался ей, что тяжело переживает разрыв:

Я сегодня всю ночь не спал [...] За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь.

Однако Ленин был непримирим. Ульянова свидетельствовала об этом так:

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются [...] И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя. Ильич усмехнулся и промолчал.

«Что же, – спросила я, – передать ему и от тебя привет?» – «Передай», – ответил Ильич довольно холодно. «Но, Володя, – продолжала я, – он все же умный, Сталин». – «Совсем он не умный», – ответил Ильич решительно и поморщившись²⁰⁶.

²⁰⁴ Там же. 1989. № 12. С. 191.

²⁰⁵ Там же. С. 189, 191.

²⁰⁶ Там же. С. 198–199.

М. И. Ульянова не называет точное время, когда происходил ее разговор с братом. Однако с большой вероятностью можно предполагать, что это был конец 1922 г. или начало 1923 г. Именно в этот период отношения между Лениным и Сталиным заметно ухудшились, грозя перерасти в разрыв. 24 декабря Ленин продиктовал секретарю документ (его принято называть «Письмом к съезду»), в котором выражались опасения по поводу раскола в высшем руководстве партии. О Сталине в диктовке Ленина говорилось так: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»²⁰⁷. В новой диктовке от 4 января Ленин был еще более категоричен. Он предложил переместить Сталина с поста генерального секретаря, поскольку тот «слишком груб»²⁰⁸.

Нараставшее раздражение Ленина стало фоном, на котором разворачивалось так называемое «грузинское дело». Это был разгоравшийся конфликт между группой грузинских большевиков и руководством Закавказской Федерации, в которую входила Грузия вместе с Арменией и Азербайджаном. Точнее, это был конфликт между группой грузинских большевиков и Орджоникидзе, возглавлявшим Закавказскую Федерацию. Дружба с Орджоникидзе определяла позицию Сталина. Грузинские большевики постоянно и с переменным успехом жаловались в Москве на притеснения со стороны Орджоникидзе. В конце 1922 г. Орджоникидзе дал своим противникам дополнительный козырь. В порыве гнева он ударил одного из своих оппонентов. В Закавказье для расследования инцидента выехала московская комиссия под руководством Ф. Э. Дзержинского²⁰⁹. Ленин проявлял к работе комиссии большой интерес. Выводы комиссии, благоприятные для Орджоникидзе, не удовлетворили Ленина. Он считал, что Дзержинский и Сталин покрывали проступки Орджоникидзе и преследовали опальных грузин.

Если взглянуть на «грузинское дело» без учета столкновений между больным Лениным и его набиравшими политический вес соратниками, то оно выглядит банальной бюрократической склокой. Таких склок в партии большевиков насчитывалось немало, особенно в период утверждения и стабилизации власти. Кстати, в Закавказье скандалы и борьба соперничавших групп продолжались еще многие годы. «Грузинское дело» 1922 г. было поднято Лениным на принципиальную политическую высоту в значительной мере искусственно, как удобный предлог для атаки против соратников. Больной, но не оставлявший борьбы за лидерство Ленин явно искал способы укротить «фронду», готовую к разделу власти умирающего учителя. Сталин в глазах Ленина был своеобразным воплощением этой «фронды».

Все свидетельствовало о том, что зимой и в начале весны 1923 г. Ленин готовил почву для атаки против Сталина на предстоящем в марте XII съезде партии. 5 марта 1923 г., собрав необходимые материалы, Ленин в очередной раз обратился с предложением о сотрудничестве к Троцкому:

Уважаемый тов. Троцкий! Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем наоборот. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным²¹⁰.

²⁰⁷ Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. Т. 45. М., 1970. С. 345.

²⁰⁸ Там же. С. 346.

²⁰⁹ *Дзержинский Феликс Эдмундович* (1877–1926) – активный деятель революционного движения в России, много лет провел в ссылке, тюрьмах и на каторге. После победы революции возглавил Чрезвычайную комиссию, карательный орган большевиков. В 1920-е годы, оставаясь главой ВЧК, руководил хозяйственными ведомствами – транспортом и промышленностью. Вовремя умер своей смертью.

²¹⁰ Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. Т. 54. М., 1975. С. 329.

В тот же день, 5 марта, Ленин продиктовал записку Сталину по поводу давнишней истории – выговора, который в декабре 1922 г. Сталин сделал Крупской. Записка была резкой. Ленин угрожал разрывом отношений:

Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее [...] Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения²¹¹.

Появление этого письма через два с половиной месяца после конфликта Сталина и Крупской всегда давало повод для различных предположений. Можно, конечно, думать, что Ленин именно тогда, в марте, узнал о сталинском звонке. Однако более убедительной выглядит точка зрения Р. Такера: Ленин лишь использовал старый конфликт с Крупской как аргумент в пользу снятия Сталина с поста генсека²¹². Все ленинские диктовки били в одну точку: Сталин чрезмерно груб. Такое обвинение было куда более действенным и понятным, чем любые другие возможные претензии к Сталину. Грубость против товарищей по партии несовместима с постом генерального секретаря этой партии.

На следующий день, 6 марта, Ленин вновь писал о грубости. Он продиктовал несколько строк для опальных грузинских большевиков, распорядившись направить копии записки Троцкому и Каменеву. Каменев выезжал в Грузию и должен был передать записку лично адресатам. «Уважаемые товарищи! – писал Ленин. – Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь»²¹³.

Осведомленные члены Политбюро однозначно оценили поступки Ленина как объявление войны Сталину. В последние часы перед отъездом в Грузию Каменев писал Зиновьеву: Ленин хочет не только примирения в Закавказье, «но и определенных *организационных выводов наверху*»²¹⁴. Сам Сталин также чувствовал приближение грозы. 7 марта он получил ультиматум Ленина от 5 марта о разрыве отношений. Не затягивая, Сталин послал кислые извинения: «Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные [...] слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят»²¹⁵. В тот же день, 7 марта, Сталин отправил строго секретное письмо Орджоникидзе. Он предупреждал его, что Ленин направил противникам Орджоникидзе письмо поддержки. В связи с этим Сталин призывал к осторожности: «добиться компромисса [...] естественного, добровольного»²¹⁶. Из письма к Орджоникидзе очевидно следовало, что Сталин осознавал серьезность ситуации и лавировал, чтобы лишить Ленина козырей.

До недавнего времени подлинность антисталинских диктовок и действий Ленина, логично складывающихся в общую картину, никогда не вызывала сомнений. Лишь в последние годы в России были предприняты попытки объявить ленинские оценки фальсификацией²¹⁷. Несмотря на наукообразное изложение и ссылки на архивы, эти попытки не являются действительно научными. В итоге все свелось к нелепой конспирологической версии: антисталинские диктовки сфабриковали и подбросили в ленинский архив сторонники Троцкого!

²¹¹ Там же. С. 329–330.

²¹² Такер Р. *Сталин. Путь к власти*. 1879–1929. М., 1990. С. 252.

²¹³ Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. Т. 54. С. 330.

²¹⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 151. Подчеркивание Каменева.

²¹⁵ Там же. 1989. № 12. С. 193.

²¹⁶ Там же. 1990. № 9. С. 151–152.

²¹⁷ Сахаров В. А. *Политическое завещание Ленина: реальности истории и мифы политики*. М., 2003. См. критическое обсуждение этой книги: Отечественная история. 2005. № 2. С. 162–174.

На самом деле ни у кого из ленинских соратников, включая самого Сталина, не было сомнений в отношении ленинских диктовок. В конечном счете именно это является ключевым доказательством их подлинности. Сталин обладал достаточным влиянием и умом, вполне контролировал ситуацию в аппарате в целом и в окружении Ленина в частности, чтобы не стать жертвой какой-то политической подделки. Сталин более чем серьезно относился к «завещанию» Ленина и предпринял немало усилий, чтобы преодолеть негативные последствия этих документов.

В общем, сам факт антисталинского наступления Ленина в последние недели его активной жизни несомненен. Другой вопрос – причины этого наступления. Речь идет о намерениях и мотивах не просто искушенного политика, но политика, пораженного тяжелым, неизлечимым недугом. «Последняя борьба Ленина» (выражение М. Левина) является ярким проявлением неукротимости воли к политическому доминированию и власти – самой главной черты его личности. Болезнь не сломила эту волю, скорее усилила ее. Можно только поражаться, с каким упорством этот мучимый страшными физическими и моральными страданиями человек на протяжении нескольких лет чередовал вынужденные перерывы и упрямые возвращения во власть. Эти возвращения поддерживали его существование, придавали ему силы, наполняли смыслом невероятно тяжелую борьбу с недугом. Не в первый раз соратники бросали Ленину вызов, а он принимал его. Однако в 1922–1923 гг. болезнь способствовала более обостренному восприятию Лениным любого противодействия его первенству.

С точки зрения политической технологии ленинские маневры конца 1922 – начала 1923 гг. мало чем отличались от всех предшествующих столкновений. Ставка на свой непрекаемый авторитет среди массы партийных функционеров – делегатов предстоящего съезда. Ставка на соперничество среди ближайших соратников (в частности, Троцкого и «тройки»). Трудно избавиться от подозрения, что в этой технологии Сталин оказался в значительной мере случайной жертвой, слабым звеном. В вопросе о создании СССР и особенно в грузинском деле он допустил ошибки, которые вполне могли быть объявлены политическими. Наконец, он обидел жену больного вождя, проявив nepозволительную для большевистского товарищества грубость. Сталин подставился под удар. И этот удар для Ленина был оптимальным способом укрощения соратников и подтверждения своего политического авторитета. Важно подчеркнуть, что Ленин вряд ли собирался отстранять Сталина от высшей власти вообще. Сталин как противовес амбициям других вождей, а также как опытный администратор был незаменимой частью механизма лидерства Ленина. Речь шла об очередном политическом маневре и манипуляции соратниками, о корректировке равновесия за счет некоторого ослабления «тройки».

Столь длительное выяснение возможных мотивов действий Ленина в этой книге уместно потому, что нам важно предположить, какой была возможная реакция Сталина на немилость со стороны учителя. У Сталина были все основания искренне обижаться на Ленина. В конечном счете Сталин не сделал ничего такого, чего он и другие советские вожди не делали бы ранее. Все спорили и противоречили Ленину, однако затем, как и Сталин, уступали ему. Периодически Ленин наказывал провинившихся: удалял от центра власти, опять возвращал. Но делал это скрытно, щадя их самолюбие. Что же изменилось теперь? Почему атака против Сталина, в целом служившего Ленину верой и правдой, была столь демонстративной? Сталин, судя по всему, списывал этот взрыв гнева на ленинскую болезнь. Психологически и политически – самое удобное объяснение.

Действительно, случилось так, что записка грузинским большевикам оказалась последним документом, продиктованным Лениным. Через несколько дней в состоянии его здоровья произошло резкое ухудшение. Это спасло Сталина от политических затруднений. Ленин не выступил на съезде партии. Политбюро замяло «грузинский инцидент», а затем и предложение Ленина о смещении Сталина с поста генсека. Такая помощь Сталину не была благотворительностью со стороны «друзей». Она была результатом острой борьбы за власть, начавшейся в

последний период физического существования отошедшего от дел Ленина и продолжившейся после его смерти в январе 1924 г.

Попытки коллективного руководства

Хотя непредсказуемых последствий политической игры, затеянной Лениным, Сталину удалось избежать, его позиции были несколько ослаблены. На некоторое время Сталин оказался в зависимости от своих коллег по Политбюро. Существует точка зрения, что большевистские олигархи, наследовавшие власть после Ленина, недооценивали Сталина, считали его безопасной посредственностью. Это не так. Члены Политбюро вполне осознавали правоту Ленина. Сталин как генеральный секретарь имел серьезную власть. Коллеги Сталина пытались ограничить ее. Однако политические обстоятельства и, не в последнюю очередь, умелые действия самого Сталина разрушили планы его конкурентов и недоброжелателей.

Первый из известных серьезных конфликтов внутри внешне сплоченной группы членов Политбюро, противостоявшей Троцкому, произошел летом 1923 г. Проведя съезд партии, отбив атаки Ленина и добившись относительной стабилизации в стране после страшного голода, члены Политбюро с легким сердцем отбыли на юг в отпуска. В июле 1923 г. на отдыхе в Кисловодске, явно собравшись с силами, Г. Е. Зиновьев инициировал интригу с целью ограничить влияние Сталина и создать новые противовесы в Политбюро. В письме от 30 июля 1923 г. Каменеву, который находился в Москве, Зиновьев резко обрушился на Сталина:

Если партии суждено пройти через полосу (вероятно, очень короткую) единодержавия Сталина – пусть будет так. Но прикрывать эти свинства я, по крайней мере, не намерен [...] На деле нет никакой тройки (Зиновьев имел в виду себя, Каменева и Сталина. – О. Х.), а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав. Либо будет найден *серьезный* выход, либо полоса борьбы неминуема²¹⁸.

Вызов Сталину в письме Зиновьева был заявлен вполне определенно, хотя и без деталей. Зиновьев делал упор на то, что Сталин манипулировал Политбюро, фактически единолично принимал решения от его имени. Важно подчеркнуть обращение Зиновьева к последним диктовкам Ленина: «Ильич был тысячу раз прав». Зиновьев использовал их как один из аргументов в борьбе со Сталиным. В Кисловодске Зиновьев договорился о совместных действиях с Бухариным, которого тоже обидели некоторые сталинские поступки. Были проведены консультации с другими известными деятелями партии, находившимися в то время на юге. Точную формулу предложений не доверили бумаге. Сталину отправили «говорящее письмо». Отъезжавший в Москву Орджоникидзе должен был передать все на словах. В силу этого мы не знаем подробностей того, что предлагали «отпускники» Сталину. Из различных заявлений, которые были сделаны в последующие годы, следует, что речь шла о реорганизации Секретариата ЦК. Предлагалось оставить в нем Сталина, но одновременно ввести туда Зиновьева и Троцкого. Это означало создание нового баланса сил в вотчине Сталина – аппарате ЦК.

Сталин, как и следовало ожидать, был возмущен и, возможно, даже разъярен. Однако претензиям «друзей» он не смог противопоставить ничего иного, кроме позы обиженного и обвинений в подрыве единства. 3 августа 1923 г., сразу после встречи с Орджоникидзе, Сталин написал Зиновьеву и Бухарину:

[...] Вы, видимо, не прочь *подготовить* разрыв, как нечто неизбежное [...] Действуйте как хотите – должно быть, найдутся в России люди, которые оценят все это и осудят виновных [...] Счастливые вы, однако, люди: имеете возможность измышлять на досуге всякие небылицы [...] а я тяну здесь лямку,

²¹⁸ РКП(б). *Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923* / сост. В. П. Вилкова. М., 2004. С. 129.

как цепная собака, изнывая, причем я же оказываюсь «виноватым». Этак можно извести хоть кого. С жиру беситесь вы, друзья мои²¹⁹.

Это в меру злое, в меру дружелюбное письмо ясно демонстрировало сравнительно скромные возможности Сталина в противостоянии с коллегами в середине 1923 г. Предложения же Зиновьева и Бухарина свидетельствовали о том, что они пока еще считали возможным ограничить влияние Сталина всерьез. Обиды Сталина не произвели на них особого впечатления. Демонстративно спокойно, но твердо они дали Сталину понять: разговор не окончен. Встреча могла состояться уже в ближайшее время на юге, куда Сталин собирался в отпуск с середины августа.

Такой вариант событий вряд ли устраивал Сталина. В руках у его оппонентов были все козыри. Само предложение о реорганизации Секретариата выглядело вполне благообразно, как стремление к единству и сплочению рядов. Возражения же Сталина, наоборот, с легкостью могли быть истолкованы как нежелание работать в команде, подтверждение нелояльности, о которой писал Ленин. Конкретные свежие примеры нарушения Сталиным принципа коллективного руководства, которые выдвигал Зиновьев, были также не в пользу Сталина. Особенно опасными выглядели заявления Зиновьева и Бухарина о неправильной позиции Сталина по германским событиям.

Кризисы, потрясавшие Германию с начала 1923 г., возродили в Москве старые мечты о спасительной европейской революции. Социализм в Германии был панацеей для большевиков, которые все еще плохо представляли себе перспективы социалистического СССР. Вместе с тем поражения революционных выступлений в Европе в предыдущие годы взывали к осмотрительности. Сталин был среди тех членов Политбюро, которые предпочитали действовать осторожно. Зиновьев и Бухарин рвались в бой, как и Троцкий, для которого мировая революция оставалась непременным условием победы социализма в России. Осторожность Сталина становилась политически опасной, давала его соперникам важные козыри. Сталин вовремя осознал это. Соединив грозящие ему вызовы в единое целое, он предпринял эффективный политический маневр. 9 августа 1923 г., в разгар переписки с Зиновьевым и Бухариным, Сталин инициировал решение Политбюро о вызове Зиновьева, Троцкого и Бухарина из отпуска в Москву для обсуждения перспектив германской революции²²⁰. Все трое, естественно, ответили согласием. Встреча была назначена на 21 августа.

Это изменение планов давало Сталину значительные преимущества. С одной стороны, он отводил от себя обвинения в недооценке революционных событий в Германии. С другой – вопрос о реорганизации Секретариата и коллективном руководстве вытеснялся из повестки дня более горячей германской проблемой. Фактически Сталин погасил наступательный пыл Зиновьева и Бухарина, заставил их следовать новому сценарию. Действительно, собравшись в Москве 21 августа, члены Политбюро с жаром и энтузиазмом обсуждали грядущую германскую революцию, помощь СССР и возможные ответные меры со стороны европейских держав. Все сходились во мнении, что дело идет к войне. Сталин, в целом поддержав оптимизм большинства, заявлял:

Если мы хотим действительно помочь немцам, а мы этого хотим и должны помочь, нужно нам готовиться к войне, серьезно и всесторонне, ибо дело будет идти в конце концов о существовании Советской Федерации и о судьбах мировой революции на ближайший период [...] Либо революция в

²¹⁹ Там же. С. 135–136.

²²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 370. Л. 4.

Германии провалится и побьют нас, либо там революция удастся, все пойдет хорошо и наше положение будет обеспечено. Другого выбора нет²²¹.

Как видно, в этот период Сталин, как и другие лидеры большевиков, разделял мнение о зависимости судеб СССР от перспектив мировой революции. Правда, степень этой зависимости подробно не обсуждалась. Что означали сталинские слова «побьют нас», «наше положение будет обеспечено», было неясно. До какой степени «побьют», как «обеспечено»? Похоже, что это были общие фразы, своеобразная дань марксистской традиции мировой революции. При обсуждении тактических вопросов Сталин демонстрировал скорее осторожность и скепсис. Он отказался поддержать Троцкого и Зиновьева, которые выступали за назначение точной даты германской революции. Нужно готовиться и ждать благоприятного момента – такой была позиция Сталина. Он предостерегал против торопливости и левизны: «О левых (левых германских коммунистах. – О. Х.). Они самые опасные для нас люди. Преждевременный захват заводов и пр. грозит нам огромными опасностями»²²². По вопросу о ненужности назначения точного срока революции Сталин оказался в одном лагере с Бухариным и Рыковым²²³. Последний вообще выступил наиболее последовательным сторонником осторожности: «Совершенно ясно, что на карту ставится все. Мы же совершенно не готовы [...] Нужно оттягивать»²²⁴.

В общем, погруженность в германские дела резко обесценила предложения Зиновьева и Бухарина о реорганизации Секретариата и ограничении влияния Сталина. До того ли, если на пороге война?! Мы не знаем, когда и как решался вопрос о Секретариате, еще две недели назад казавшийся самым важным. Скорее всего, договорились в кулуарах, между обсуждением германских событий. В результате на пленуме ЦК в сентябре 1923 г. было принято бессмысленное и поэтому бесполезное решение: Зиновьев и Троцкий были введены не в Секретариат, а в Оргбюро ЦК ВКП(б). Это никак не могло повлиять на ту систему подготовки и принятия решений, против которой столь горячо протестовали Зиновьев и Бухарин в своей переписке со Сталиным в июле-августе.

Одновременно на пленуме в сентябре произошло событие, которое действительно имело ключевое политическое значение. Пленум принял решение о введении в руководящие органы военного ведомства – вотчину Троцкого – новых членов, в том числе Сталина и Ворошилова. Фактически Троцкий был окружен политическими противниками в его собственном доме. Троцкий в возмущении покинул заседание пленума. Это был полный разрыв²²⁵.

До сих пор историки не располагают информацией о том, как готовилась эта во многом провокационная атака против Троцкого. Очевидно, что она была результатом закулисного сговора, по крайней мере Сталина, Зиновьева и Каменева. Мотивы, которыми они объясняли свои действия, могли быть такими. Предстоит резкое обострение международной обстановки. Роль Красной армии и военного ведомства резко усиливается, что уже было в годы гражданской войны. Соответственно, усиливается влияние признанного лидера Красной армии Троцкого. Военное ведомство нужно заблаговременно поставить под контроль других членов Политбюро. Кто конкретно инициировал решение о вытеснении Троцкого из руководства армией, неизвестно. Очевидно, однако, что Сталин извлек немалые выгоды из резкого обострения борьбы в верхушке партии.

²²¹ Источник. 1995. № 5. С. 118, 124. Запись обсуждения вопроса о международном положении на заседании Политбюро 21 августа 1923 г.

²²² Там же. С. 126.

²²³ *Рыков Алексей Иванович* (1881–1938) – известный большевик, занял пост председателя советского правительства после смерти Ленина. Придерживался умеренных позиций в экономической политике. Вместе со Сталиным выступал против Троцкого, Зиновьева и Каменева. Вместе с Бухариным был обвинен Сталиным в «правом уклоне» и снят с руководящих должностей. В 1937 г. арестован, в 1938 г. – расстрелян.

²²⁴ Там же. С. 126.

²²⁵ *РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы*. С. 147–151.

В октябре 1923 г. обиженный и изолированный в Политбюро Троцкий перешел в контратаку. Он обратился с письмом к членам ЦК и ЦКК партии, в котором обвинил большинство Политбюро в проведении ошибочной и порочной политики. Вокруг Троцкого начали группироваться все недовольные. Развернулась ожесточенная борьба. Зиновьев и другие члены Политбюро, даже если понимали необходимость ослабления Сталина, были вынуждены искать союза с ним. Борьба на два фронта – против Троцкого и Сталина – была чрезвычайно опасной. Фактор Троцкого верно служил интересам Сталина в течение последующих двух лет.

Под давлением этого фактора проходило обсуждение последних диктовок Ленина о необходимости смещения Сталина с поста генерального секретаря. Ленин умер в январе 1924 г. В мае собрался очередной съезд партии. На нем руководители партии решили объявить о «завещании» вождя. По общему согласию это было сделано максимально щадящим для Сталина способом. Диктовки Ленина читали не на общем заседании съезда, а на собраниях отдельных делегаций²²⁶. Это предопределило исход дела. Сталина вновь переизбрали генеральным секретарем. Троцкий промолчал. Однако Сталину помогло не это молчание, а само существование Троцкого.

Несмотря на мастерское проведение операции, Сталин оказался в уязвимом политическом положении. Его достоинства и недостатки публично обсуждались. Сама возможность такого обсуждения и вынесения приговора, каким бы благоприятным он ни оказался, была оскорбительной и грозила умалением политического авторитета. Несомненно, Сталин не мог испытывать чувства благодарности к коллегам, защищавшим его перед делегатами съезда. Скорее наоборот. Их сочувствие слишком напоминало снисхождение. Их поддержка выглядела как одолжение, за которое предстоит расплатиться. Однако Сталин не собирался платить по политическим долгам и превращаться в младшего партнера. Сам претендуя на статус лидера, Сталин через несколько недель после завершения съезда ответил Зиновьеву и Каменеву черной неблагодарностью. В июне 1924 г. в «Правде» была опубликована речь Сталина, в которой он подвергал критике, явно придираясь по мелочам, некоторые высказывания Каменева и Зиновьева.

Столь вызывающее разрушение единого фронта коллективного антитроцкистского руководства вызвало скандал в руководстве партии. Документами об этом скандале мы не располагаем. Похоже, что во время пленума ЦК в августе 1924 г. демарш Сталина обсуждался в узком кругу партийных руководителей. Скорее всего, Сталин оказался в меньшинстве. Иначе трудно объяснить появление заявления Сталина об отставке от 19 августа 1924 г., экземпляр которого сохранился в его архиве²²⁷. Это был примечательный документ. Сталин заявлял, что его сотрудничество с Каменевым и Зиновьевым в Политбюро после окончательного отхода Ленина от дел привело к плачевным результатам. Оно показало «невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии». Ввиду этого Сталин просил считать его выбывшим из Политбюро и, соответственно, с поста генерального секретаря. Сталин просил о двухмесячном отпуске для лечения. После этого, писал он в заявлении, «прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-нибудь за границу на какую-нибудь невидную работу».

Конечно, это было пустое кокетство и нелепый по форме шантаж. Сталин собрался в Туруханск! Кто мог всерьез в это поверить? Заявление Сталина не было распространено среди всех членов ЦК, которым оно предназначалось. Дело ограничилось рассмотрением в узкой группе «друзей» и союзников. Скорее всего, это произошло или 19 августа, в день появления заявления Сталина, или на следующий день. Есть все основания связывать рассмотрение заявления Сталина с учреждением нелегальной фракции большинства. Судя по более позд-

²²⁶ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. XXI–XXII.

²²⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 126. Л. 68.

нему свидетельству Зиновьева, это произошло в кулуарах пленума ЦК, который завершился 20 августа. Группа наиболее влиятельных членов ЦК, противостоящих Троцкому, объявила себя фракцией и образовала руководящий орган – «семерку». В нее вошли все члены Политбюро, кроме Троцкого, и председатель Центральной контрольной комиссии²²⁸. Фактически это было теневое Политбюро. В литературе обычно считается, что фракция большинства в ЦК и «семерка» были созданы для борьбы с Троцким. Отчасти это верно. Однако, как показывает заявление Сталина, важной задачей нового нелегального органа политического руководства было также обеспечение консолидации большинства в Политбюро, кулуарное преодоление внутренних конфликтов. «Семерка» заменила «тройку», неспособную преодолеть противоречий в своих рядах.

Этот важнейший эпизод внутрипартийной борьбы отражал реальное соотношение сил в Политбюро. Сталин (очевидно, сознательно) нагнетал конфликт с Каменевым и Зиновьевым. Однако пока он не мог рассчитывать на поддержку со стороны других членов Политбюро, озабоченных сохранением единства. Заявление об отставке было очевидной пробой сил и свидетельством относительной слабости Сталина. Скандал можно рассматривать также как важный шаг на пути разрыва Сталина с Каменевым и Зиновьевым и постепенного формирования его союза с Рыковым и Бухариным. Избавившись от «тройки» и действуя в рамках «семерки», Сталин получал большую свободу для политических маневров.

Однако, независимо от намерений и расчетов Сталина и других большевистских лидеров, сплочение Политбюро против Троцкого в 1924–1925 гг. породило любопытную систему коллективного руководства. Эта комбинация является малоизученной и недостаточно оцененной как перспектива развития системы высшей власти после смерти Ленина. Коллективное руководство представляло собой взаимодействие политически равных советских вождей и относительно автономных ведомств, возглавляемых этими вождями. Признаком коллективного руководства было достаточно развитое разделение функций партийного и государственного аппаратов. Общая политическая линия вырабатывалась как результат компромиссов, что обеспечивало ее гибкость и взвешенность.

Именно в период коллективного руководства были приняты наиболее продуктивные решения, ознаменовавшие расцвет новой экономической политики. Коллективное руководство преодолеvalo кризисы нэпа, маневрировало и корректировало курс, не прибегая к кардинальной ломке всей системы. Вряд ли такое сосуществование коллективной олигархической формы власти и сравнительно умеренного политического и экономического курса было случайным. Как не было случайным и обратное: по мере ожесточения борьбы в верхах и разложения института коллективного руководства происходило нарастание политического радикализма. Сталин, как традиционно считалось в историографии и что подтверждают архивные документы, был одним из инициаторов разжигания этой борьбы.

²²⁸ Надточеев В. «Триумвират» или «семерка»? // *Трудные вопросы истории*. М., 1991. С. 68–70.

Разгром Троцкого и Зиновьева

Жизнеспособность коллективного руководства в конечном счете зависела от готовности советских вождей придерживаться правил, своеобразной конституции олигархического устройства власти. Никакие иные угрозы, кроме личных амбиций членов Политбюро, этой системе не угрожали. Сама по себе она была, очевидно, лучше единоличной диктатуры. Роковую роль в судьбе коллективного руководства сыграли главным образом личные качества трех большевистских олигархов: Троцкого, Зиновьева и Сталина. Порядок расположения имен не имеет смыслового значения и может быть любым. Взаимные интриги, инициированные этими деятелями, неизбежно втягивали в борьбу более широкий круг высокопоставленных большевиков, расшатывали и разрушали коллективное руководство.

Не имевшие ранее прецедентов грубые методы изоляции и вытеснения из власти Троцкого запустили процесс разложения остатков демократии в большевистской партии. В январе 1925 г. Троцкий был снят с поста наркома по военным и морским делам, что завершило его отстранение от реальной власти. Зиновьев предложил вывести его также из Политбюро. Формально это было логичное предложение. Троцкого фактически отстранили от работы в Политбюро, используя нелегальный институт – «семерку». Однако, с другой стороны, большинство Политбюро и ЦК не хотело новых, чреватых непредсказуемыми последствиями реорганизаций, твердо следовало лозунгу «единства». В предложениях Зиновьева усматривали проявления его скверного характера и «кровожадности». Смешливый Бухарин составил по этому поводу такой афоризм: «Если на клетке Отелло увидишь надпись «Григорий» (имя Зиновьева. – О. Х.), верь глазам своим»²²⁹.

Сталин, хорошо сознавая эти настроения, выступил против предложений Зиновьева по поводу Троцкого и был поддержан «семеркой». Аккуратно интригуя, Сталин преподносил себя в качестве сторонника единства и коллективности. «Мы думаем принять все меры к тому, чтобы единство семерки было сохранено во что бы то ни стало», – писал он Орджоникидзе в феврале 1925 г.²³⁰ Однако на самом деле ситуация накалялась. Последовали новые обмены ударами между большинством «семерки» с одной стороны и Зиновьевым и Каменевым – с другой. В ряде этих интриг прослеживалось действие умелой руки Сталина. К концу 1925 г. Зиновьев и Каменев оформили свою фракцию.

Как мы видели, первоначально борьба велась вокруг относительно частных вопросов – кто и как готовит и решает вопросы в Политбюро, что делать с Троцким и т. д. Это была ярко выраженная борьба за политическое преобладание, за статус руководящих фигур в коллективном руководстве. Более серьезный вызов, выведение противостояния за рамки «семерки» требовали программы. К партийному активу, на поддержку которого рассчитывали Зиновьев и Каменев, нельзя было обращаться с лозунгом завоевания Политбюро. Зиновьев, Каменев и их сторонники взяли на вооружение более «солидные» программные тезисы: борьба против «правой» опасности, против углубления нэпа, якобы грозящего непомерным ростом капиталистических элементов и особенно «кулаков». В устах «умеренного» Каменева или Зиновьева, боровшегося с «левым» Троцким, или вдовы Ленина Н. К. Крупской, которая поддержала Зиновьева и Каменева против Сталина по старой дружбе, эта программа выглядела особенно неуместно, если не сказать нелепо. Однако у них не было другого выхода. Большинство Политбюро проводило «правую» политику, значит, чтобы бороться с ним, нужно было идти «влево». Скорее всего, Зиновьев и Каменев рассчитывали привлечь на свою сторону ту значительную часть партийного актива, которая испытывала антинэповские настроения.

²²⁹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 182.

²³⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 777. Л. 27–28.

Однако эти расчеты полностью провалились. Система власти, к чему приложили руку и сами новоявленные оппозиционеры, была скроена под Политбюро. Все определялось наверху и транслировалось на места через клиентские сети высших советских вождей. Когда на XIV съезде партии в декабре 1925 г. Зиновьев и Каменев начали решающую атаку против большинства Политбюро и Сталина в частности, они могли опереться только на ленинградскую делегацию, которую подбирал Зиновьев как руководитель Ленинградской губернии. Этого было недостаточно. Оппозиционеры потерпели сокрушительный разгром. Чтобы закрепить победу и отобрать у Зиновьева его «вотчину» Ленинград, туда сразу же после съезда была направлена большая группа членов ЦК. Они обеспечили назначение новым руководителем ленинградской партийной организации сторонника Сталина С. М. Кирова. О том, как это происходило, дают некоторое представление письма Кирова:

[...] Обстановка горячая, приходится очень много работать, а еще больше – драть глотку [...] Здесь все приходится брать с боя. И какие бои! Вчера были на Треугольнике, коллектив 2200 человек (имеется в виду парторганизация завода «Треугольник». – О. Х.). Драка была невероятная. Характер собрания такой, какого я с октябрьских дней не только не видел, но даже не представлял, что может быть такое собрание членов партии. Временами в отдельных частях собрания дело доходило до настоящего мордобоя!²³¹

Ленинградский аппарат и партийный актив, поддерживавшие Зиновьева, были разгромлены самым беспощадным образом. Правда, пока дело ограничивалось массовыми увольнениями и высылками из города на работу в отдаленные районы страны. Ожесточение, с которым проводилась чистка в Ленинграде, открыло дорогу новой эскалации борьбы с оппозиционерами. Под ее знаком прошли 1926 и 1927 гг. После относительного затишья, весной 1926 г. большинство Политбюро оказалось перед лицом новой объединенной оппозиции во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. Этот беспринципный блок, впрочем не более беспринципный, чем другие союзы большевистских вождей, возможно, и был обречен на поражение, но доставил немало хлопот большинству Политбюро. Объединенная оппозиция притягивала к себе всех недовольных, а их было немало. Борьба с оппозицией требовала много времени, сил и изворотливости. Кто-то должен был заниматься этим регулярно и с полной отдачей. Этим специалистом по оппозициям оказался Сталин – видимо, самый подходящий и по должности, и по личным качествам член Политбюро.

Исследование всего комплекса политических интриг, которые предпринимали оба непримиримых лагеря, требует специальной работы, кстати еще не написанной. Важно, однако, зафиксировать принципиальную и далеко идущую тенденцию, возвращенную этой борьбой. Речь идет об использовании для подавления оппозиции органов госбезопасности. Постепенно, но неуклонно к оппозиционерам внутри ВКП(б) примерялся тот же ярлык «врага», который большевики с самого начала прикрепили к буржуазии и социалистическим партиям меньшевиков и эсеров. Документы дают основания связывать эту политику с именем Сталина не только в середине 1930-х годов, когда она достигла своего кровавого расцвета, но и в более ранний период.

6 июня 1926 г. в дачной местности под Москвой собрались около 70 большевиков из Москвы, которые разделяли взгляды оппозиции. Собрались потому, что легальные собрания оппозиции запрещались и преследовались властями. На сходке выступил сторонник Зиновьева М. М. Лашевич, старый большевик, пока еще сохранивший пост заместителя руководителя военного ведомства. Как и следовало ожидать, среди участников мероприятия оказался пре-

²³¹ *Большевистское руководство*. С. 315, 318. Письма Кирова Орджоникидзе, 10, 16 января 1926 г.

датель, не исключено, что специально внедренный агент ОГПУ. Дело перешло в ведение партийной следственной комиссии. Однако, несмотря на все старания, она не смогла доказать причастность к организации собрания руководителей оппозиции. Сталина, однако, это не смутило. В письме в Политбюро с юга 25 июня 1926 г. он предложил воспользоваться «делом Лашевича» как предлогом для разгрома группы Зиновьева и изгнания самого Зиновьева из состава Политбюро²³². Сталин откровенно изложил достаточно циничную программу проведения этой акции, ее идеологического прикрытия, раскола оппозиции и т. д. Необычайно бурный пленум ЦК партии в июле 1926 г., на котором оппозиция попыталась дать решающий бой, закончился в соответствии со сталинским сценарием. В резолюции пленума утверждалось, что «оппозиция решила перейти от легального отстаивания своих взглядов к созданию всесоюзной нелегальной организации [...]»²³³. Следующий шаг – превращение «всесоюзной нелегальной организации» во «всесоюзную контрреволюционную и террористическую организацию» – Сталин осуществил примерно через десять лет, когда укрепился у власти и расстрелял бывших оппонентов.

Исключение из Политбюро в июле 1926 г. одного лишь Зиновьева в соответствии с планом Сталина было отвлекающим маневром, попыткой внести раскол в ряды оппозиции и демонстрацией «объективности». Уже через несколько месяцев, в октябре 1926 г., из Политбюро были изгнаны также Троцкий и Каменев. Однако оппозиционеры не сложили оружия. При каждом удобном случае они поднимались в бой, обличая большинство Политбюро и его курс. Взаимное озлобление достигло высшей точки. Загнанные в угол оппозиционеры огрызались и пытались вести нелегальную пропаганду. Политбюро перешло к полицейским провокациям. В сентябре 1927 г. в одну из типографий, где, несмотря на запрет властей, печатались материалы оппозиции, ОГПУ направило своего агента под видом бывшего офицера врангелевской армии. На основании сфальсифицированных материалов оппозиционеры были обвинены в причастности к «контрреволюционной организации», которая якобы готовила военный путч. ОГПУ провело аресты. Организацией всех этих акций занимался Сталин. Он оставался в это время в Москве и информировал о ходе полицейских операций против оппозиции других членов Политбюро, находившихся в отпуске²³⁴.

В октябре 1927 г. пленум ЦК вывел Зиновьева и Троцкого из состава ЦК. Это было отвратительное мероприятие. Когда Троцкий попытался выступить с запросом, в него бросили книгу и стакан, а затем силой стащили с трибуны. Зал сотрясали неприличные выкрики. В день 10-й годовщины Октябрьской революции, 7 ноября, оппозиционеры попытались организовать свои митинги и демонстрации, но были разогнаны. Это послужило поводом для новых расправ. В декабре 1927 г. на XV съезде партии разгром оппозиции был санкционирован формально. Многих оппозиционеров отправили в ссылку. Значительная их часть объявила о капитуляции. Наиболее непримиримыми оставались Троцкий и его ближайшие соратники. Троцкого выслали в Казахстан, а некоторое время спустя вообще изгнали за пределы СССР. Абсолютное большинство оппозиционеров, как непримиримых, так и капитулировавших, были физически уничтожены во второй половине 1930-х годов. Троцкого в 1940 г. в Мексике убил агент советских спецслужб по приказу Сталина.

Несмотря на относительную мягкость репрессий конца 1920-х годов, они ознаменовали важнейший переломный этап в развитии партии и произвели тяжелое впечатление на старую партийную гвардию. Российская революция начинала пожирать своих собственных детей, как это уже было в истории французской революции, хорошо известной большевикам. Очевидные

²³² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 72–74.

²³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 49–50.

²³⁴ См., например, письмо Сталина Рыкову, Ворошилову и Молотову от 20 сентября 1927 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 797. Л. 84–85).

аналогии вызывали уныние и беспокойство. 1 января 1928 г., вскоре после того, как оппозиционеры подверглись окончательному разгрому, один из старых большевиков В. В. Осинский²³⁵ обратился к Сталину с частным письмом, отражавшим эти тревожные настроения и чувство свершившейся несправедливости²³⁶:

Уважаемый товарищ Сталин,

вчера я узнал, что В. М. Смирнов²³⁷ высылается на три года куда-то на Урал (видимо, в Чердынский уезд), а сегодня, встретив на улице Сапронова²³⁸, услышал, что он отправляется в Архангельскую губернию, на такой же срок. При этом выезжать им надо уже во вторник, а Смирнов только что вырвал себе половину зубов, чтобы заменить их искусственными, и вынужден теперь ехать беззубым на Уральский Север.

В свое время Ленин выпроводил Мартова²³⁹ за границу со всеми удобствами, а перед тем заботился о том, есть ли у него шуба и галоши. Все это потому, что Мартов когда-то был революционером. Высылаемые теперь бывшие наши товарищи по партии – люди, политически глубоко ошибающиеся, но они не перестали быть революционерами – этого отрицать нельзя [...] Спрашивается поэтому, нужно ли загонять их на Север и фактически вести линию на их духовное и физическое уничтожение? По моему, нет. И мне непонятно, почему нельзя 1) отправить их за границу, как Ленин поступил с Мартовым или 2) поселить внутри страны, в местах с теплым климатом [...]

Высылки такого рода создают только лишнее озлобление [...] Они усиливают шушуканья о сходстве нынешнего нашего режима и старой полицейщины [...].

Сталин ответил через день, 3 января, быстро, но грубо:

Тов. Осинский!

Если подумаете, то поймете, должно быть, что Вы не имеете никакого основания, ни морального, ни какого-то ни было, хулить партию или брать на себя роль супера между партией и оппозицией. Письмо Ваше возвращаю Вам, как оскорбительное для партии. Что касается заботы о Смирнове и др. оппозиционерах, то Вы не имеете оснований сомневаться в том, что партия сделает в этом отношении все возможное и необходимое.

²³⁵ *Осинский Валериан Валерианович* (1887–1938) – старый большевик, был участником различных оппозиций, в том числе некоторое время являлся сторонником Троцкого. Вскоре после отправки цитируемого письма Сталину Осинский был снят с должности руководителя Центрального статистического управления. Однако в последующие годы занимал различные руководящие должности в хозяйственном аппарате. Расстрелян в период сталинского террора.

²³⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 780. Л. 12–14; Источник. 1994. № 6. С. 88.

²³⁷ *Смирнов Владимир Михайлович* (1887–1937) – старый член партии, активный участник революции и гражданской войны, в 1920-е годы примыкал к оппозиции. В 1928 г. выслан на три года на Урал. Срок пребывания в ссылке продлевался до 1935 г. В 1935 г. вновь арестован, в 1937 г. расстрелян.

²³⁸ *Сапронов Тимофей Владимирович* (1887–1937) – старый член партии, один из руководителей московских большевиков. После революции занимал руководящие должности в государственном аппарате. В 1920-е годы примыкал к оппозиции. В 1928 г. выслан на три года в Архангельскую область. Срок пребывания в ссылке, как и у В. М. Смирнова, продлевался до 1935 г. В 1935 г. вновь арестован, в 1937 г. расстрелян.

²³⁹ *Мартов Юлий Осипович* (1873–1923) – один из лидеров социал-демократического движения в России. На начальном этапе своей деятельности сотрудничал с Лениным. В 1903 г. между ними произошел раскол. Мартов возглавил партию социал-демократов меньшевиков. Участвовал в революционном движении в России. В 1917 г. осудил переворот большевиков, однако затем пытался сотрудничать с ними, ставя целью демократизацию большевистской диктатуры. В 1920 г. был отправлен за границу. Умер от туберкулеза.

Было ли обещание сделать для оппозиционеров «все необходимое» своеобразной сталинской шуткой, обещанием последовавшего вскоре морального, а затем и физического уничтожения противников? Факты не дают нам оснований считать, что уже в 1928 г. Сталин спланировал чистки и террор 1930-х. Однако из ответа Осинскому можно заключить, что Сталин разозлился. Несомненно, ему надоели разговоры об оппозиции, утомила напряженная многолетняя борьба, в которой требовалось выверять каждый шаг, осторожничать, бить наверняка, скрывать свои намерения и маскировать действия. Переписка с Осинским относилась ко времени, когда Сталин, судя по многим фактам, сделал свой важнейший выбор: никаких оппозиций, никакого коллективного руководства. Возможно, Сталин нервничал и поэтому нагрубил Осинскому. Возможно, Сталин был спокоен и уверен в себе и поэтому указал Осинскому на его место, на неуместность разговоров «по душам».

Выбор

Союз с Рыковым, Бухариным и некоторыми другими членами Политбюро у Сталина сложился волей обстоятельств. Он объединился с ними сначала против Троцкого, а затем – против Зиновьева. Это была борьба за власть и влияние. Ее важной причиной можно назвать личные амбиции наследников Ленина, их неуживчивые характеры и политические амбиции, их революционную привычку бороться ради борьбы и искать врагов. Такое утверждение не отрицает, конечно, наличия у сцепившихся в схватке большевистских вождей различных политических представлений и пристрастий.

На начальном этапе борьбы за власть большинство Политбюро, в которое входил также Сталин, придерживалось так называемого «правого» курса. Это было логичное продолжение поворота 1921–1922 гг., известного как новая экономическая политика. Осознав невозможность непосредственного введения социализма без денег и рынка, большевистские вожди во главе с Лениным предприняли отступление. Оставив в руках государства политическую власть и крупную промышленность, они дали относительную свободу мелкому предпринимателю и хозяину, прежде всего крестьянину. Рынок и деньги были реабилитированы. Однако как и в каких направлениях двигаться далее, никто не знал. Ясны были только общие принципы – смешанная экономика, использование рыночных механизмов, сильное государство, монополия политической власти. О сроках также не спорили. Ленинское видение нэпа как долгосрочной политики разделялось до конца 1920-х годов всеми советскими вождями.

Остра я внутривластная борьба, конечно, не могла обойти проблемы нэпа. Сначала Троцкий, а затем присоединившиеся к нему Зиновьев и Каменев критиковали тактику нэпа, выработанную большинством Политбюро. Оппозиционеры считали уступки крестьянству и городской буржуазии избыточными, призывали активней развивать крупную индустрию. Об отказе от нэпа речь не шла. В общем, это была типичная программа левой оппозиции, борющейся за власть. Она эксплуатировала трудности жизни, взывала к распространенным уравнительным настроениям и тоске по «героической эпохе», а главное – не отличалась конкретностью. Оказавшись у власти, «левые» вожди, вполне прагматичные по своей сути, скорее всего, плавно перемещались бы на «правые» пути, отказываясь под напором объективных потребностей развития экономики от своей демонстративной революционности. Предполагать такой сценарий позволяет предшествующий политический опыт «левых». Разве не ультрареволюционный Троцкий в годы гражданской войны строил Красную армию на основе старого офицерского корпуса? Разве не все большевистские вожди без оговорок поддержали нэп? Один из лидеров «левой» оппозиции Каменев всегда тяготел к «умеренности» и проводил вполне «правую» политику, пока входил в состав правительства. Примкнувший к оппозиционерам Г. Я. Сокольников²⁴⁰ был блестящим наркомом финансов, под руководством которого страна получила устойчивую валюту. В общем, причиной противостояния становились вовсе не принципиальные программные разногласия, а личные мотивы: амбиции, властолюбие, старые дружеские связи, обиды.

Однако последствия этой борьбы политических самолюбий были разрушительными. Большевистская партия понесла невосполнимые кадровые потери. Ожесточенные и бескомпромиссные битвы до полного уничтожения противника не просто отвлекали от решения реальных проблем. Они ослабляли волю коллективного руководства в проведении необходи-

²⁴⁰ Сокольников Григорий Яковлевич (1888–1939) – старый член партии, был сослан в Сибирь, откуда бежал за границу. После революции входил в руководство страны. Его звездным часом было проведение денежной реформы в 1920-е годы, благодаря которой у Советской России появилась устойчивая валюта. Из-за принадлежности к оппозиции подвергался преследованиям. В 1927 г. объявил о разрыве с оппозицией. Некоторое время занимал различные руководящие должности. Был расстрелян в годы сталинского террора.

мых реформ и корректировок социально-экономического курса. Каждое, даже незначительное, действие тщательно взвешивалось и рассматривалось через увеличительное стекло не только на предмет реальной целесообразности, но и на соответствие схоластическим «теоретическим» догмам. Это связывало руки, лишало руководство страны необходимой гибкости и инициативы.

Многие решения, принимавшиеся в 1926–1927 гг., в период острой борьбы с оппозицией, имели политически мотивированный и разрушительный для экономики характер. Усилилось наступление на «капиталистические элементы», прежде всего – на относительно зажиточных крестьян и мелких торговцев. Ряд рискованных или ошибочных экономических решений подрывали хозяйственное равновесие и стабильность финансовой системы²⁴¹. Несмотря на негативные последствия, эти меры пока не были чрезвычайными или непоправимыми. Нэп, как и любая другая экономическая стратегия, требовал постоянных корректировок, устранения ошибок и гибкой реакции на возникающие диспропорции. Вопрос заключался в наличии политических условий для эффективных решений. Однако именно политические условия, прежде всего под влиянием внутрипартийной борьбы, заметно ухудшались.

Признаком нездоровой обстановки внутри партии была шумная кампания о внешней угрозе. Для нагнетания военного психоза использовались международные кризисы 1927 г.: февральская нота министра иностранных дел Великобритании Чемберлена о советской антибританской пропаганде, налет на советское полпредство в Пекине в апреле, разрыв Великобританией дипломатических отношений с СССР в мае, убийство в июне участника расстрела царской семьи в 1918 г., советского посла в Польше П. Л. Войкова, репрессии против коммунистов в Китае. В ответ на призывы к бдительности и боевой готовности поднималась волна слухов и панических закупок промышленных товаров и продовольствия про запас, «на случай войны». В значительной мере воинственные призывы правительства были попыткой дезавуировать критику «левой оппозиции», которая решила использовать внешнеполитические трудности как повод для очередной атаки.

В нагнетании «военной тревоги» 1927 г. в той или иной мере участвовали все большевистские лидеры, как стоявшие у власти, так и выброшенные из своих кабинетов. Сталин не составлял исключение. Известие об убийстве Войкова застало его в отпуске на юге. В шифротелеграмме в Москву 8 июня Сталин предложил свое видение событий: «Получил об убийстве Войкова монархистом. Чувствуется рука Англии. Хотят спровоцировать конфликт с Польшей. Хотят повторить Сараево». Сравнивая убийство Войкова с убийством наследника австрийского престола в Сараево в конце июня 1914 г., которое стало прологом Первой мировой войны, Сталин показывал, что считает положение чрезвычайно серьезным, предвоенным²⁴². Он предложил соблюдать «максимум осмотрительности» по отношению к Польше, но внутри СССР провести жестокие расправы и чистки:

Всех видных монархистов, сидящих у нас в тюрьме или в концлагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, объявив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов. Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами. Убийство Войкова дает основание для полного разгрома монархических и белогвардейских ячеек

²⁴¹ См. подробнее: Голанд Ю. М. *Кризисы, разрушившие нэп*. М., 1998.

²⁴² В своем выступлении на XV съезде партии в декабре 1927 г. Сталин вновь говорил о подготовке интервенции против СССР и проводил аналогии с выстрелом в Сараево (Сталин И. В. *Соч.* Т. 10. С. 281, 288).

во всех частях СССР всеми революционными мерами. Этого требует от нас задача укрепления своего собственного тыла²⁴³.

Эти заявления отражали ряд ключевых ориентиров политики Сталина, которые в полной мере проявились в последующие годы. Сравнительная осторожность действий в международной политике («максимум осмотрительности») всегда совмещалась у Сталина с чрезвычайной жестокостью внутреннего курса. Лозунг «укрепления собственного тыла» при помощи репрессий превратился в приоритетную цель сталинской политики в 1930-е годы.

Члены Политбюро, оставшиеся в Москве, приняли сталинскую программу действий. По стране прокатилась волна репрессий. 10 июня 1927 г. «Правда» опубликовала сообщение о расстреле двадцати заложников из числа бывших дворян. Варварские расстрелы невинных людей существенно подорвали репутацию советского правительства. Кроважандность коллективного руководства дает основания считать большевистских вождей одинаковыми. Однако это верно лишь в некоторой мере. По ряду существенных вопросов члены Политбюро были способны на самостоятельность суждений. В различиях взглядов крылась возможность найти баланс, надежда на относительную рациональность авторитарной большевистской власти.

Один из заключительных всплесков активности коллективного руководства произошел летом 1927 г. Это был период нарастающих кризисных явлений. В спорах Политбюро принимало решения по важным политическим вопросам. О сути разногласий мы можем судить по коротким письмам Молотова Сталину, который находился в июне-июле 1927 г. в отпуске на юге. Основные столкновения происходили вокруг политики в Китае и Великобритании. Не было согласия по вопросу об окончательном изгнании из ЦК ВКП(б) лидеров оппозиции Троцкого и Зиновьева. Члены Политбюро вели себя достаточно независимо, образуя разнообразные и неожиданные с точки зрения последующих событий тактические коалиции. Например, Орджоникидзе, Ворошилов, Рыков, Рудзутак²⁴⁴ критиковали политику, проводимую в Китае (Ворошилов «доходит до огульного охаиванья «вашего руководства за последние 2 года»», – жаловался Молотов в письме Сталину 4 июля 1927 г.). В то же время Молотов и Бухарин, поддерживаемые Сталиным, защищали правильность проводимого курса²⁴⁵. Поровну разделились мнения о судьбе Троцкого и Зиновьева. Калинин²⁴⁶, Рыков, Орджоникидзе и Ворошилов считали, что их исключение из ЦК нужно отложить до съезда партии в конце 1927 г. Сталин в телеграммах с юга безуспешно протестовал. Только после требования Сталина учесть его голос заочно и перехода Калинина в число сторонников немедленного исключения, 20 июня 1927 г. Политбюро решило ускорить исключение Троцкого и Зиновьева из ЦК²⁴⁷. Однако выполнение этого решения было проведено с большой задержкой. Лидеров оппозиции исключили не на ближайшем пленуме ЦК в конце июля – августе, а только в октябре 1927 г. Под впечатлением от столкновений в Политбюро Молотов 4 июля 1927 г. направил Сталину тревожное письмо:

Самое неприятное – внутреннее положение в «7-ке»²⁴⁸. По вопросам об оппозиции, о Китае, об А.Р.К. (Англо-российский комитет профсоюзов. –

²⁴³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 71. Л. 2–4 об.

²⁴⁴ Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1938) – старый большевик, много лет провел в царской тюрьме. После революции занимал руководящие партийные и государственные должности. Был расстрелян в годы сталинского террора.

²⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 35–39, 45–48, 56–60.

²⁴⁶ Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – старый большевик, вскоре после революции был выдвинут на пост председателя советского «парламента» (ВЦИК, ЦИК СССР, Президиума Верховного Совета СССР) и оставался на нем до конца жизни. Среди большевистских вождей Калинин был скорее умеренным деятелем, однако подчинялся силе. После некоторых колебаний поддержал Сталина. Жена Калинина была арестована в 1930-е годы и выпущена на свободу незадолго до смерти Калинина.

²⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 35–39, 45–48; Д. 71. Л. 11, 13–14.

²⁴⁸ Молотов называл Политбюро «семеркой», поскольку в голосовании принимали участие не только члены Политбюро, но и председатель контрольной комиссии партии Орджоникидзе. Орджоникидзе по должности не имел права входить в Политбюро.

О. Х.) уже наметились б [олее] или м [енее] отчетливые деления, причем решения то и дело принимаются с перевесом 1-го голоса [...] Я все больше думаю о том, не придется ли тебе приехать в М [оскву] раньше срока. Как это ни нежелательно из-за интересов лечения, но суди сам, какое положение [...] Симптомы плохие, устойчивость очень ненадежная. Ни с кем об этом не говорил, но положение считаю неважным²⁴⁹.

Насколько обоснованными были эти тревожные сигналы Молотова? Судя по переписке, Сталин отнесся к ним совершенно спокойно: «Меня не пугает положение в группе. Почему – объясню по приезде»²⁵⁰. У Сталина были все основания для подобного оптимизма. Столкновения в Политбюро имели характер обычных деловых споров и всерьез не угрожали никому из большевистских олигархов, включая Сталина. В коллективном руководстве сложился устойчивый баланс сил. Описанные Молотовым летние разногласия доказывали отсутствие противоборствующих групп, каждая из которых стремилась бы одержать верх над соперником. Показательно, что шедший за Сталиным Молотов выступал совместно с Бухариным. Близкий Бухарину Рыков выступал вместе с давним сталинским приятелем Ворошиловым. Не примыкавший ни к кому Калинин менял позиции. Такого рода споры и блокировки были обычными и полезными процедурами деятельности олигархического Политбюро. Будущее коллективного руководства зависело от того, насколько все большевистские лидеры были готовы следовать правилам олигархии. Сталин являлся наиболее слабым звеном в этой системе.

Устранение сверхамбициозных Троцкого и Зиновьева оставило в Политбюро одного сверхамбициозного лидера – Сталина. Остальные по разным причинам не могли или не считали возможным претендовать на единоличную власть. Занимая важнейший пост генерального секретаря, Сталин укрепил свое влияние в ходе борьбы с «левой» оппозицией. Раскол в партии создавал благоприятные условия для выдвижения Сталина на роль хранителя «ленинского наследия», способствовал укреплению его контроля над партийным аппаратом и органами госбезопасности. Это не означало, что Сталин уже держал победу в руках, однако позволяло ему при благоприятных обстоятельствах надеяться на победу.

²⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 56–60.

²⁵⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову С. 108–109.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.